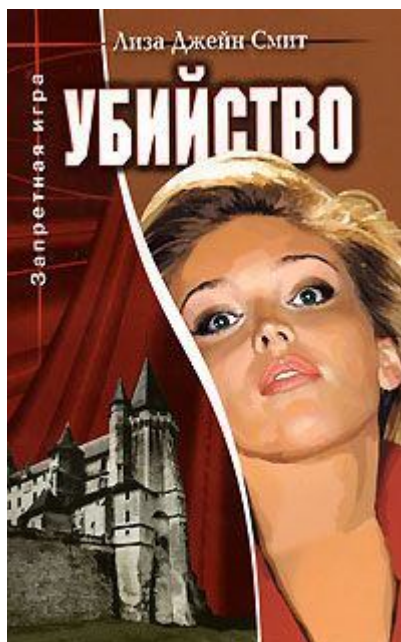

Лиза Джейн Смит Убийство

Запретная игра – 3

Эта книга – плод фантазии автора. Имена, персонажи, места и события являются вымышленными. Какое бы то ни было сходство с реальными событиями или людьми следует считать случайным.

Настоящей Сью Карсон, вдохновительнице ее тезки. И Джону Д. Чек III с любовью и благодарностью.

1

Стюардесса направилась к ним.

Дженни почувствовала легкое покалывание в затылке. От напряжения у нее дрожали руки.

«Держись естественнее, – сказала она себе. – Успокойся».

Но сердце предательски заколотилось, когда бортпроводница подошла к местам, которые они занимали. Одета в синий с кремовой отделкой костюм, она выглядела немного по-военному, у нее было приятное, хотя и властное лицо строгой учительницы.

«Не смотри на нее. Смотри в иллюминатор».

Дженни вцепилась в пластиковую овальную раму и уставилась в темноту за бортом. Она чувствовала, как напрягся садящийся рядом с ней Майкл, похожий на медвежонка. Боковым зрением Дженни увидела Одри, расположившуюся в кресле у прохода: ее отливающая цветом меди головка склонилась над журналом – одним из тех, что предлагают пассажирам в полете. Дженни не видела Ди, сидящую через проход, – ее загораживала стюардесса.

«Пожалуйста, пусть она уйдет, – подумала Дженни. – Пожалуйста, все, что угодно... Ну почему она так долго стоит?»

В любой момент Майкл мог нервно расхохотаться или, что еще хуже, поддавшись панике, рассказать обо всем. Не дрогнув ни единым мускулом, Дженни взглядом приказала ему сидеть тихо. Бортпроводница должна уйти. Она просто не может так долго оставаться на одном месте.

Нет, может. Стало ясно, что она остановилась возле них не случайно, не для того, чтобы передохнуть. Она смотрела на них, на каждого, по очереди, серьезным изучающим взглядом.

«Мы члены дискуссионного клуба, летим на финал. Наш сопровождающий заболел, но в Питтсбурге нас встретит новый. Мы члены дискуссионного клуба, летим на финал. Наш сопровождающий заболел, но...»

Стюардесса наклонилась к Дженни.

«О господи, мне сейчас станет плохо!»

Одри сохраняла хладнокровие, уткнувшись в журнал. Ее длинные ресницы были неподвижны на фоне бледных, как цветы камелии, щек. Майкл затаил дыхание.

«Спокойно, спокойно, спокойно, спокойно...»

– Это вы, – спросила бортпроводница, – заказали фрукты?

Мысленно Дженни была настроена на агрессию и поэтому слегка растерялась. Она облизала губы и прошептала:

– Нет. Это вот она, с другой стороны прохода.

Стюардесса повернулась к Ди. Ди сидела, неестественно согнув ногу и засунув носок ботинка в карман спинки впереди стоящего кресла. Она подняла глаза от «Геймбоя» и улыбнулась. Если бы не «Геймбой» и походная одежда, она выглядела бы как Нефертити. У нее даже улыбка была царственной.

– Фрукты, – сказала бортпроводница, – место восемнадцать D. Отлично, будет сделано.

В следующий момент она исчезла.

– Ты и эти твои чертовы фрукты, – прошипела через проход Дженни. И Майклу: – Ради бога, Майкл, дыши!

Майкл со свистом выдохнул.

– В любом случае, что они нам сделают? – пожала плечами Одри. Она продолжала листать журнал и говорила, не разжимая губ, ее голос был еле слышен из-за рева двигателей «Боинга-757», – Выкинут нас? Мы на высоте шести миль.

– Не напоминай, – взмолилась Дженни, отвернувшись к иллюминатору, когда Майкл стал в подробностях описывать Одри, что именно, по его мнению, могут сделать с четырьмя беглецами в Питтсбурге.

«Беглецы. Я беглянка», – удивленно подумала Дженни.

Это так нехарактерно для нее, Дженни Торнтон.

В темном стекле иллюминатора она видела собственное отражение: глаза цвета лесной зелени, темные, как сосновые иглы, прямые брови, – два решительных мазка кистью и волосы цвета меда, освещенного солнцем.

Дженни посмотрела сквозь свое призрачное отражение на черные тучи. Теперь, когда опасность со стороны стюардессы миновала, единственное, чего она боялась, это умереть.

Она действительно ненавидела высоту.

Она была одновременно и напугана, и взволнована, как человек, попавший в чрезвычайную ситуацию или во время стихийного бедствия, когда все обычные правила перестают действовать, а то, что раньше было важным, внезапно теряет смысл, – например, школа, одобрение родителей, необходимость быть хорошей девочкой.

Все лопнуло, когда она убежала из дома. И ее родители даже не поймут почему. Ведь в записке, которую Дженни оставила им, почти ничего не говорилось: *«Я уезжаю кое-куда и надеюсь, что вернусь. Я люблю вас. Есть кое-что, что я должна сделать. Извините. Я взяла у вас в долг \$600»*.

Не очень содержательно. Но что ей оставалось?

«Дорогие мама и папа, на дне рождения Тома в прошлом месяце произошло нечто ужасное. Знаете, мы построили картонный дом, а он стал настоящим. И мы все оказались внутри него, и парень, которого зовут Джулиан, втянул нас в игру. Нам пришлось столкнуться лицом к лицу с нашими ночными кошмарами и победить их, в противном случае он навсегда оставил бы нас у себя, в Сумеречном мире. Мы победили... Все, кроме Саммер... Бедная Саммер! Вы знаете, что она никогда не отличалась особой сообразительностью. Вот почему она исчезла несколько недель назад. Ее убил собственный ночной кошмар. Но дело в том, мама и папа, что Джулиан последовал за нами за пределы Сумеречного мира. Он вышел в наш мир и охотится. За мной. Он заставил нас играть в другую игру, и эта игра закончилась плохо. Он забрал Тома и Зака. И сейчас они там – они не сбежали, как думают все. Напоследок Джулиан

сказал мне: *«Если вы хотите их вернуть, выходите на поиски сокровищ»*. Именно это я и делаю. Но есть небольшая проблема: надо попасть в Сумеречный мир – а я понятия не имею, как это сделать. Так что я лечу в Пенсильванию, в дом дедушки Эвенсона. Он давно открыл дверь в Сумеречный мир, и, может, у него остался ключ к этой загадке... Сказать это? Господи, нет», – подумала Дженни.

Первую часть истории родители уже слышали и не поверили ей. Вторая часть просто сообщит, куда она поехала, и даст возможность ее остановить.

«Извините, доктор, но наша дочь свихнулась. Она думает, что какой-то демон забрал ее друга и кузена. Надо поместить ее в сумасшедший дом. О да, и делать ей огро-о-омное количество уколов».

Нет, Дженни не могла никому ничего сказать. И она, и Одри, и Ди, и Майкл потратили три дня на составление плана этой поездки. Им понадобилось время, чтобы раздобыть денег на билеты: каждый из них ежедневно снимал по двести долларов со счетов на родительских кредитных картах. Сейчас они летели ночным рейсом из Лос-Анджелеса в Питтсбург. Совершенно одни, беззащитные, на высоте шести миль над землей. Их родители думали, что они спят в своих кроватях.

Дженни нервничала. Сделать это или умереть. В буквальном смысле – сделать или умереть. Больше не существовало такого понятия, как безопасность. Она направлялась туда, где ночные кошмары становятся явью и убивают. Она никогда не забудет, как белокурая Саммер исчезла в кучах мусора.

Когда она попадет туда, в безумный мир, она сможет рассчитывать только на себя и своих друзей.

Дженни взглянула на них.

Майкл Коэн: его темные волосы взъерошены, а в карих глазах можно прочесть все, что у него на душе. На нем чистая, но мятая одежда, даже отдаленно не напоминающая ни одну известную торговую марку.

Одри Майерс: модная и элегантная, в черно-белом итальянском брючном костюме, силится скрыть смятение, которое испытывает.

Ди Элайд – ночная принцесса. У нее странное чувство юмора и черный пояс по кунг-фу.

Им всем по шестнадцать, они старшекласники и готовы сразиться с дьяволом.

Стюардессы разносили ужин, Ди съела фрукты. Как только убрали подносы, в салоне выключили яркий свет, и скоро один за другим ребята задремали.

«Освещение, как в траурном зале», – подумала Дженни, разглядывая тусклый светильник под потолком.

Это напомнило ей комнату прощаний, где она в последний раз видела бабушкину сестру Шейлу. Она чувствовала себя слишком взвинченной, чтобы уснуть, но надо было попробовать.

«Думай о чем угодно, только не о Джулиане, – приказала она себе, прислонив голову к вибрирующей обшивке самолета. – Хотя кого это волнует? Думай о нем, если хочешь. Он потерял власть над тобой. Та часть тебя, что симпатизировала ему, исчезла. На этот раз ты можешь победить – потому что не испытываешь к нему никаких чувств».

Чтобы доказать это, она мысленно представила его себе. У него красивое своеобразное лицо, какое трудно вообразить, – красивее, чем у обычного человека. Волосы невероятно белые, как иней, как густой туман. Нет, еще невероятнее – как лед. Его глаза... Таких не бывает. Такой синий цвет невозможно описать, потому что не с чем сравнить.

Доказывая свою силу, она вспомнила еще кое-что: стройный, отлично сложен. Когда он прижимал ее к себе, она чувствовала сильное тело, напряжение мускулов; его прикосновение – особенное, шокирующе нежное. Его долгие, медленные поцелуи – такие медленные, такие уверенные, потому что он абсолютно точно знал, что делал. Он, возможно, и выглядел как сверстник Дженни, он, возможно, и был самым молодым среди подобных себе, но он был гораздо старше, чем Дженни могла себе представить. У него были девушки – из века в век, любые, ни одна не могла устоять перед ним.

Губы Дженни приоткрылись.

Может, это и не самая хорошая идея: у Джулиана не было власти над ней, но глупо испытывать судьбу, думая о нем. Вместо этого следовало бы подумать о Томе, ее маленьком

Томми, который целовал ее за фикусом во втором классе, о Томе Локке, звезде спортивной площадки. О его карих с зелеными крапинками глазах, аккуратно причесанных темных волосах, беззаботной улыбке. О том, как он посмотрел на нее, когда прошептал: «О, Ежик, я люблю тебя», – как будто слова причиняли ему боль.

Он был обычным человеком, а не каким-то сверхъестественно красивым сумеречным принцем. Он был настоящим и равным ей, и она была ему нужна. Особенно сейчас.

Дженни не предаст его. Она найдет его и вернет из того адского места, куда забрал его Джулиан. И когда она спасет своего парня, то уже никогда его не отпустит.

Она расслабилась. Мысли о Томе успокоили ее. Через несколько минут все ее волнения развеялись, и тогда...

Дженни находилась в лифте. Серебряная маска полностью закрывала лицо маленького человечка. Он был такой маленький, что она подумала: не карлик ли это?

– Ты пойдешь с нами? Мы можем взять тебя с собой?

Дженни поняла, что он уже долгое время задавал ей один и тот же вопрос.

– Мы можем отвести тебя?

Дженни испугалась.

– Нет, – ответила она. – Вы кто?

Он продолжал спрашивать:

– Мы можем взять тебя с собой?

На стене лифта позади него висел огромный плакат с изображением Джойланд-парка, парка аттракционов, который Дженни так любила в детстве.

– Мы можем взять тебя с собой?

В конце концов она согласилась, и человечек нетерпеливо наклонился вперед, его глаза сверкали в отверстиях маски.

– Мы можем?

– Да... если вы скажете, кто вы, – выдвинула она свое условие.

Маленький человечек разочарованно отпрянул.

– Признайтесь, кто вы, – настаивала Дженни.

Зажатой в поднятой руке бутылкой, она была готова разmozжить ему голову. Подозревая, что его в действительности нет, что это всего лишь фантом, Дженни сообразила, что он может быстро материализоваться, чтобы доказать свою реальность.

Однако человечек не стал этого делать. Дженни пыталась его ударить, но бутылка скользила мимо. Потом издевательский призрак исчез.

Дженни была рада, в очередной раз доказав себе, что контролирует свои чувства.

Лифт остановился, Дженни прошла через открывшиеся двери в другой лифт.

– Мы можем взять тебя с собой? Мы можем отвести тебя?

Маленький человечек в серебряной маске смеялся.

Голова Дженни дернулась, и она очнулась, удивленно озираясь по сторонам. Самолет.

Она в салоне самолета, а не в лифте. В самолете, темные углы которого, казалось, полны опасности. Она одна бодрствует, все остальные спят, напоминая собой восковые фигуры из музея. Майкл сидел в соседнем кресле абсолютно неподвижно, положив голову на плечо Одри.

Пока она осматривалась, Майкл вдруг открыл глаза и закричал. Он резко выпрямился, схватившись за горло, словно ему не хватало воздуха.

– В чем дело? – спросила Одри, проснувшись.

Иногда эта девушка вела себя так, будто Майкл ей совсем безразличен, но это был не тот случай.

Майкл продолжал тупо смотреть вокруг, он выглядел напуганным.

У Дженни от страха по телу побежали мурашки.

– Майкл, ты можешь дышать? С тобой все в порядке? – теребила его Одри.

Ну конечно он дышал. Он сделал долгий, но неглубокий вдох. Выдохнув, откинулся на спинку кресла. Его карие глаза с тяжелыми веками были широко раскрыты.

– Мне приснился сон.

– Тебе тоже? – невольно вырвалось у Дженни.

Ди облокотилась на ручку кресла, свесилась в проход. Остальные пассажиры, разбуженные криком Майкла, смотрели на них, Дженни избегала их взглядов.

– Что тебе приснилось? – спросила она, не повышая голоса, – Не... лифт?

Она понятия не имела, что означал ее собственный сон, но была уверена, что ничего хорошего он не сулил.

– Что? Нет. Саммер, – ответил Майкл, облизывая губы, словно хотел избавиться от дурного привкуса.

– О...

– Но... не вся Саммер. А ее голова. Она лежала на столе и разговаривала со мной.

Чувство невыразимого ужаса охватило Дженни.

В этот момент самолет резко пошел вниз.

2

Дженни вскрикнула. Но это было неважно, потому что кричали все. Ди, расстегнувшая ремень, чтобы наклониться к Майклу, подпрыгнула так высоко, что чуть не ударилась головой о багажную полку.

Они падали, и это оказалось хуже, чем тысяча лифтов. Сиденье уходило из-под Дженни.

«О чем думают люди перед смертью? О чем я должна думать? Том».

Ей надо бы подумать о Томе и о том, как она любит его. Но в ней не осталось места ни для чего, кроме удивления и страха.

Потом самолет взмыл вверх. Теперь ее плотно вдавило в сиденье, только что уходившее куда-то вниз. Все произошло мгновенно.

Из динамиков раздался голос пилота, ровный и мягкий: *«Приносим свои извинения, друзья. Мы попали в зону небольшой турбулентности. Сейчас попытаемся подняться выше, а вы тем временем держите ремни пристегнутыми».*

Всего лишь турбулентность. Обычное дело. Они не умрут.

Дженни снова посмотрела в иллюминатор, впрочем, без особого успеха. Они летят среди облаков. Туман и темнота...

Такие же туман и темнота, которые приносят Сумеречные люди... Ее сознание, не встретив сопротивления, устремилось туда: «В любую минуту ты можешь увидеть его глаза – голодные, голодные глаза...»

Но она ничего не увидела.

– Эй, послушайте, – охрипшим голосом произнес Майкл, – про мой сон.

– Это всего лишь сон, – резюмировала рассудительная Одри.

Дженни была благодарна ей за бодрость в голосе и остроумие. Как шлепок при пробуждении.

«Всего лишь сон. Ничего не значащий», – не слишком искренне вторила ей Дженни, потому что и на мгновение не могла в это поверить.

Но она понятия не имела, что он значил на самом деле. Стоял ли за этим Джулиан, пытающий их образом Саммер? Ночные кошмары были характерной особенностью Сумеречного человека.

Сумеречный человек – как ночной сказочник, только приносящий кошмары.

«Но сейчас он знает нас всех, знает наши слабые места. Он может воплотить наши страхи в жизнь, и мы не отличим их от реальности. Во что мы ввязываемся?» – думала Дженни.

Остаток полета она смотрела в овал иллюминатора, сжимая холодные металлические края подлокотников.

В Питтсбурге в шесть пятьдесят шесть утра было холодно. И небо было такое синее, каким оно редко бывает в Южной Калифорнии ранним утром. В Виста-Гранде, где жила Дженни, майское небо было серого цвета.

Им пришлось взять от аэропорта такси, потому что машину напрокат не дадут никому младше двадцати пяти. Ди посчитала это оскорбительным и собралась поспорить, но Дженни

вовремя оттащила ее в сторону.

– Мы стараемся не привлекать к себе внимания, – прошипела она.

Но дороге в Монессон они видели реку с огромными уродливыми судами.

«Монангаэл и угольные баржи», – припомнила Дженни.

Они видели деревца со стройными стволами и воздушными розовыми почками.

«Багряник, – узнала Дженни, – А вон там, с белыми цветами, – кизил».

Затем на горизонте появился металлургический завод – белый дым, поднимаясь, становился серым.

– Здесь повсюду были домны, – сказала Дженни. – Когда они работали, местность напоминала ад. В самом деле. Все эти трубы, изрыгающие огонь и черный дым... Когда я была маленькой, я думала, что ад выглядит именно так.

Они добрались до маленького городка Монессон. Майкл следил за счетчиком такси с нарастающей озабоченностью. Все остальные смотрели в окно.

– Мощные улицы, – удивилась Ди. – Вы можете себе представить?

– C'est drole ca!¹ – пожала плечами Одри. – Как необычно!

– Они не все мощные, – возразила Дженни.

– Зато крутые, – ответила Ди.

Город стоял на холмах.

«На семи холмах», – вспомнила Дженни.

Когда они с Заком были детьми, это казалось...

«Не надо думать о Заке. И не думать о Томе», – но, как всегда, от имени Тома у Дженни заныло в груди.

– Мы на месте, – сказала она вслух, с усилием отвлекаясь от своих мыслей.

– Сентер-драйв, дом три, – подтвердил водитель и вышел, чтобы вытащить их вещи из багажника.

Одри, отец которой работал в дипломатическом корпусе и которая выросла, путешествуя по всему миру, заплатила таксисту. Она проделала это с потрясающим изяществом, добавив чаевые.

– Деньги... – начал было Майкл страдальческим шепотом.

Одри проигнорировала его. Такси уехало. Дженни задержала дыхание и огляделась. На всем пути от Питтсбурга ее преследовали обрывочные воспоминания. А сейчас, напротив дедушкиного дома, что-то знакомое и родное стремительным напором буквально поглотило ее.

«Я знаю это! Я знаю это место! Я помню!»

Конечно, она все помнила. Она здесь выросла. Широкий зеленый газон без тропинки посередине – они с Заком играли здесь. Низкий кирпичный дом с белым крыльцом – сколько раз она взлетала по его ступенькам!

Тем не менее это было странное воспоминание. Дом казался меньше и не совсем таким, каким она его представляла.

«Может, потому, что он пустовал десять лет, – подумала Дженни. – А может, он действительно изменился...»

Да нет, дом-то остался прежним – это она изменилась. Она была здесь последний раз, когда ей было пять лет.

Память об этом, как брызги ледяной воды, вернули Дженни к цели приезда.

«Хватит ли у меня смелости? Хватит ли смелости вернуться в ту комнату и пережить снова все, что произошло тогда?»

Тонкая рука, сильная, как у мальчишки, легла ей на плечи. Дженни оглянулась и увидела устремленные на нее глаза друзей.

Одри молчала, ее блестящие золотисто-каштановые волосы отдавали медью в лучах утреннего солнца, а карие глаза были полны спокойного сочувствия. Круглое лицо Майкла казалось особенно серьезным. Ди, держа руку на плече Дженни, грубовато ухмыльнулась.

– Ну, давай, Тигренок! Сделаем это! – сказала она.

¹ Как забавно! (фр.).

Дженни выдохнула и попыталась изобразить улыбку.

– Надо пройти на задний двор. Там должны быть... м-м-м... каменные ступеньки, ведущие в подвал, и дверь. Если мне не изменяет память...

Память не изменила Дженни. На заднем дворе Ди вытащила ломик из своего рюкзака.

Они хорошо подготовились. В рюкзаках были также полотенца, чтобы расстелить их под окнами, которые им, возможно, придется разбить, молоток и отвертка.

– Хорошо, что дом пустует. В противном случае нам не удалось бы это сделать, – сказала Ди, ловко орудуя ломиком.

– В противном случае не было бы никакого смысла делать это, – возразила Дженни, – Если бы кто-то въехал, то вычистил бы подвал. Кстати, мы не можем быть уверены, что этого еще не сделали...

– Постойте! – вскрикнула Одри.

Все замерли.

– Посмотрите на это! – Одри показала пальцем на что-то рядом с дверью.

Серебристо-черный листок с загнутыми краями. Майкл вытер с него грязь, и Дженни смогла разобрать написанное:

ЭТА СОБСТВЕННОСТЬ НАХОДИТСЯ
ПОД ОХРАНОЙ ОРГАНОВ
БЕЗОПАСНОСТИ ДОЛИНЫ МОНАНГАЭЛ,
ВОЗМОЖНО ПРИМЕНЕНИЕ ОРУЖИЯ.

– На сигнализации, – разочарованно присвистнул Майкл. – О ужас!

Одри посмотрела на Дженни:

– Думаешь, она все еще работает?

Ди крепче сжала ломик.

– Предлагаю проверить это опытным путем, – ухмыльнулась она.

– Нет, – возразила Дженни, – Это именно то, чего мы не можем сделать. Если сигнализация сработает, мы не вернемся сюда сегодня, потому что они будут здесь повсюду.

– Думаю, у нас действительно серьезная проблема, – хмыкнул Майкл.

Дженни закрыла глаза.

Почему она не подумала об этом? Видимо, в доме у дедушки всегда была сигнализация, но разве дети обращают внимание на такие вещи?

«Но я-то уже не ребенок. Мне надо было подумать об этом».

– Должен быть какой-то способ попасть внутрь, – сказала Ди.

– С чего это? – Одри была раздражена, потому что плохо себя чувствовала. И еще – она была напугана, – Ди, не всегда должен быть способ только потому, что тебе этого хочется.

«Думай, Дженни. Думай, думай, думай! Ты забыла о сигнализации – есть ли что-то еще, о чем ты забыла?»

– Если подойти философски... – начал Майкл.

– Миссис Дюраш! – перебила его Дженни.

Все посмотрели на нее.

– Она была экономкой дедушки. Может, она все еще присматривает за домом? Тогда у нее есть ключ.

– Блестяще! – похвалила подругу Ди, опустив наконец ломик.

– Надо найти ее телефон. О боже, только если она по-прежнему живет здесь. Телефон должен быть... о, я думаю, в баре. Это туда, мне кажется. Довольно далеко.

Майкл отвел глаза.

– Пожалуй, я останусь здесь и посторожу вещи, – сказал он.

– Ты пойдешь с нами, и точка, – отрезала Одри. – А вещи мы спрячем в кустах.

– Да, дорогая, – пробурчал Майкл. – Да, дорогая, да, дорогая...

Бар Петро, как и все, мимо чего они шли, медленно приходил в упадок. Дженни вошла в бело-голубую металлическую будку у дверей и вздохнула с облегчением, обнаружив висящую на цепочке телефонную книгу. Она пристроила ее на коленке и стала перелистывать страницы.

– Да! Б. Дюраш. В Монессоне не может быть другой Дюраш. Это точно она.

Дженни бросила монетку и набрала номер, прежде чем сообразила, что не придумала, что скажет.

– Ал-ле» – Голос на другом конце провода произнес нечто, похожее скорее на «ле-оон» со слабым акцентом, грубовато, не столько медленно, сколько манерно.

«Здравствуйте. М-м, это Дженни Торнтон и... команда дискуссионного клуба, – подумала Дженни, – Каникулы, родной город, поздние весенние каникулы, родители. Где могут быть мои родители?»

– Это миссис Дюраш? – выпалила она.

Последовала, как ей показалось, продолжительная пауза.

– Миссис Дюраш сейчас нет дома. Это ее невестка.

– О... но она здесь живет? Миссис Дюраш? И послушайте, вы случайно не знаете, та ли это миссис Дюраш, которая работала у мистера Эрика Эвенсона?

«Я должна казаться полной идиоткой», – подумала Дженни, всматриваясь в граффити на стеклянной двери.

Снова пауза.

– Да-а, она присматривает за домом Эвенсона.

Великолепно! У сторожей должны быть ключи. Дженни так обрадовалась, что забыла, что изображает из себя идиотку.

– Спасибо. Это замечательно. Я имею в виду – было бы замечательно поговорить с ней. Вы не знаете, когда она вернется?

– Она всегда навещает по субботам своего сына в Чарлерое. Вернется часам к семи. Позвоните позже.

– В семь часов вечера? – огорчился Майкл, когда Дженни пересказала свой разговор. Он плюхнулся на зеленую сломанную скамейку у стены бара. – И до семи мы должны ждать ни улице? Я не пойду обратно, пока не получу мороженое.

– Деньги, – напомнила ему Одри.

Из-за угла с грохотом выехал автобус. Дженни рассеянно посмотрела на него.

Надо ждать девять часов. Они должны остаться незамеченными в этом маленьком городке. Надо спрятаться на заднем дворе дедушкиного дома или»...

В поле зрения попали слова, написанные на автобусе: «ПАРК ДЖОЙЛАНД, СТОЛИЦА АМЕРИКАНСКИХ ГОРОК». Там же были изображены горки и карусели.

Деревянная скамья, казалось, уплыла из-под Дженни.

Когда она пришла в себя, автобус взревел, Дженни мгновенно приняла решение.

– Поехали!

Ди вскочила, Майкл только прислонил голову к стене и закрыл глаза. Одри спросила:

– Куда?

– Садитесь в автобус. Быстрее! – Дженни побежала и ухватила за поручень, прежде чем водитель закрыл двери, – Вы едете в Джойланд-парк? – крикнула она.

– Клертон, Дуквесн, Вест-Миффлин – Вест-Миффлинз-Джойланд, – лаконично ответил водитель.

– Хорошо. Четыре билета, пожалуйста.

Автобус был почти пуст. В нем пахло старой резиной. Они сели на рваные кожаные сиденья в самом конце салона. Одри посмотрела на Дженни.

– А теперь объясни, пожалуйста, куда мы едем?

– В Джойланд-парк, – ответила Дженни, еще не отдышавшись.

– Зачем?

– Потому что там продают вареную кукурузу, – чуть слышно подсказал Майкл.

Дженни посмотрела Одри прямо в глаза:

– Ты видела, что написано на автобусе? Это было в моем сне. Я видела в самолете сон. Пока Майклу снилась Саммер, мне снился плакат.

Одри задумалась, прикусив нижнюю губу.

– Это вполне естественно. В твоей голове могли всплыть воспоминания о парке, так как ты бывала там, вот и все.

– Это может означать и что-то другое, – предположила Дженни. – Что-то... не знаю даже... что-то типа послания. Послушайте, а кто-нибудь из вас думал о том, что Саммер могла действительно умереть?

Одри выглядела удивленной.

Ди сухо заметила:

– Мы уже целый месяц говорим это полицейским.

Но Майкл возразил, окончательно проснувшись:

– В моем сне она была живая. Она разговаривала со мной.

Дженни почувствовала себя неловко.

– Что она сказала?

– Она злилась, что мы оставили ее. Ей было страшно.

Дженни стало еще хуже.

– То есть ты думаешь, что оба сна связаны между собой или что-то вроде того? И что это своего рода послание? – не унималась Одри.

– Я не знаю. Все так запутано... И я даже не знаю, зачем кому-то понадобилось, чтобы мы ехали в парк аттракционов... – Дженни чувствовала, что силы покидают ее.

– Не бери в голову, – усмехнулась Ди и похлопала ее по спине. – Ты идешь на поводу у своих ощущений. Это, возможно, и правильно. Но даже если это было не послание – что из этого? Парк аттракционов. Отлично! Повеселимся! Правда, ребята?

– Я бы предпочла пройтись по магазинам, – заметила Одри, – Но парк – тоже способ убить время.

Майкл тяжело опустился на сиденье и уперся коленками в спинку переднего ряда.

– ...И покончить с нашими деньгами. Я когда-нибудь рассказывал вам ночной кошмар о парке аттракционов, который я видел в детстве?

– Заткнись, Майкл, – хором отозвались все трое, и он замолчал.

Это был долгий и скучный переезд к Вест-Миффлинзу. Джойланд-парк, казалось, был одним из немногих работающих мест в округе, хотя и располагался обособленно. Было удивительно обнаружить его здесь, посреди пустого пространства.

Майкл издал испуганный возглас, когда они вышли из автобуса.

– Боже мой, – прошептал он. – Это Ноев ковчег.

– Это «Дом смеха», – поправила его Дженни. – Вход с другой стороны.

Даже при солнечном свете она почувствовала себя странно, когда они вошли в ворота.

«Может, потому, что все изменилось – подумала она. – Это место действительно изменилось. «Дом смеха» остался таким же, но многое стало другим».

Старые вагончики заменили на новые, как в шахте, и назвали аттракцион «Рудник». Появились новые американские горки «Стальной демон» и новые водяные – там, где вы скользите по огромным трубам.

Самое большое впечатление произвел новый зал игровых автоматов. Его было видно издали – светящиеся видеореклама, голограммы – настоящая виртуальная реальность. Дженни скучала по прежней галерее, темной, пугающей, призрачной, с автоматами начала века – из красивого резного дерева и настоящей меди, а не из стали и неоновой дряни.

Но потом она перестала обращать на это внимание. Она ничего не могла поделать – парк был чудесный. Она наслаждалась запахом попкорна, колесной смазки – и чего-то еще, что было похоже на запах, но не являлось им. Ощущение восторга от вкуса сладкой ваты.

– Я не понимаю, почему Саммер хотела, чтобы мы пришли сюда? – недоумевала Одри, когда они остановились, чтобы купить вареную кукурузу.

– Я не думаю, что это было послание. – Дженни была рада произнести это.

С какими бы ужасными вещами им ни пришлось столкнуться ночью, сейчас они могут наслаждаться.

Блаженная улыбка Майкла, евшего кукурузу, на секунду исчезла.

– Может, лучше пойдем туда? – опасливо произнес он, – Я бы предпочел умереть, чем быть как Саммер в том сне.

Они отправились на американские горки, Дженни с криком распустила на ветру волосы. «Стальной демон» был хорош, но все согласились, что старые деревянные горки, скрипящие,

грохочущие, были лучше.

– Они страшнее, – с удовольствием сказала Ди. – Такое ощущение, что они могли в любую минуту сломаться.

Аттракцион «Рудник» тоже должен был казаться жутким.

– Это золотой рудник? – скептически поинтересовалась Одри, пока огни ярко мигали, имитируя взрывы.

– Включи воображение, – улыбнулся Майкл, потихоньку обнимая ее.

Дженни отвернулась. Она так соскучилась по Тому, что ей пришлось часто-часто поморгать, чтобы не дать волю слезам.

«Дом смеха» действительно пугал. Стена, выгнутая в виде бочки, поворачивалась вокруг своей оси до тех пор, пока никто, кроме Ди, уже не мог двигаться прямо: пол зашатался и ушел из-под ног. Майкл в шутку пригрозил пожаловаться на администрацию – или сдаться.

– Иди сюда! – весело крикнула Ди Дженни.

Сквозь стеклянную стену можно было смутно разглядеть красную фигурку. Как только Дженни остановилась, чтобы посмотреть, картинка потемнела. Девушка наклонилась, почти уткнувшись носом в стекло, и тут фигурка устремилась прямо на нее с ужасным криком. Она спустилась по проволоке и врезалась в стекло, Дженни с визгом отпрянула назад.

– Здорово, очень весело, – хихикала Ди, пока подруга, потрясенная, стояла, прислонившись к стене.

Дженни погрозила в ответ кулаком, но в этот момент красная фигурка снова привлекла ее внимание.

Это был дьявол – с рогами, раздвоенными копытами и хвостом. Красный с головы до ног. Но вот его глаза, глаза были синими! И... перед тем как двинуться назад по проволоке, он подмигнул ей.

Руки Дженни задрожали.

После этого все в парке стало казаться ей неправильным. У зазывалы на аттракционе, где бросали обручи, странно блестели глаза. Даже Лео, лев, пожирающий бумагу, выглядел немного зловещим.

– Господи, что это? – спросил Майкл, тяжело опустившись на скамейку.

Он уставился на сооружение, которое напоминало цирковой вагончик с красной крышей и серебристыми решетками. Между прутьями решетки просунулась голова льва, его морда растянулась в широкой дружелюбной улыбке.

– Я Лео, лев – пожиратель бумаги! – Голос звучал весело и бодро.

Дженни похолодела: чем-то вроде ледяного кубика провели по ее шее.

– Я ем любую бумагу, – продолжал голос радостно. – Я также ем картон, фантики, апельсиновую кожуру, пакеты из-под попкорна. Покорми меня.

– Это мусорный бак, – объяснила Ди, стараясь заглянуть в пасть льва. – Он засасывает отходы, как пылесос.

Какая-то мамаша везла коляску с двойней к вагончику. Оба малыша серьезно уставились на льва.

– Хотите покормить его? – спросила детей женщина.

Ребенок, сидевший впереди, не улыбаясь кивнул. Он скомкал бумажную салфетку и бросил ее в пасть.

– Нет, ты должна дать ему это. Сюда, – Мать протянула ребенку другую салфетку.

Ребенок, по-прежнему без улыбки, наклонился вперед и протянул руку.

– Бьюсь об заклад, завтра у меня заболит животик! – весело запел Лео.

Вперед, вперед – маленькая ручка почти достала...

– Лео всегда голоден...

Дженни подскочила и закрыла рукой львиную пасть прежде, чем туда попали пальцы ребенка.

Малыш посмотрел на нее, не изменив выражения лица. Его мамаша испуганно пискнула. Дженни поспешно извинилась, но руку все же не убрала. Все смотрели на нее – и Ди, и Одри, и Майкл. Ребенок уселся обратно, а мать после секундного замешательства резко развернула коляску и покатила ее прочь.

Шею Дженни по-прежнему покалывало сзади, пока она медленно отводила руку. Она боялась, что произойдет... Что?

– Хорошо, – вызывающе сказала она, – Я поступила глупо. Ну, накажите меня.

– Мы все слишком нервные... – спокойно начал Майкл и тут же доказал это, быстро наклонив голову, когда два малыша набросились на него с леденящими кровь боевыми криками.

Дженни, готовая защищаться, упала около льва, прежде чем поняла, что это всего лишь дети.

Мальчишки нырнули под железную скамейку и вылезли оттуда с победным криком: «Мы нашли его! Мы нашли еще один!»

– Что нашли? – спросила Ди, загордив им дорогу.

– Дублон, тупица, – ответил мальчик, зажав в пальцах с грязными ногтями что-то круглое и сверкающее, похожее на шоколадную конфету в дешевой позолоченной обертке. Потом он добавил: – Ты что, читать не умеешь?

Дженни повернула голову. За ними висела большая афиша с темно-красными буквами:

НОВЕЙШИЙ АТТРАКЦИОН!
НАЙДИ ТРИ ЗОЛОТЫХ ДУБЛОНА
И ПЕРВЫМ СТУПИ НА... ОСТРОВ СОКРОВИЩ

– Находишь три жетона, и они бесплатно пропустят тебя в день открытия. Но надо сначала перейти через мост. Дублоны спрятаны по всему парку.

Увидев что-то интересное, дети убежали. На афише сундук с пиратскими сокровищами медленно открывался и закрывался, словно морская раковина. За ним Дженни разглядела остров Джойланд-парка, искусственный остров посреди искусственного озера. Когда Дженни была здесь в последний раз, на острове находилась сцена, где проходили выступления акробатов и играл оркестр. Сейчас остров с высоким маяком в центре, очевидно, перестраивался. Она не видела моста, ведущего к нему.

Почему она почувствовала себя от этого неудобно?

– *Просто бросьте все ненужное мне в пасть. Лео ждет....*

– Пошли, – устало сказала Дженни, поняв, что ее мутит и нужно отвлечься. – Давайте сделаем что-нибудь глупое, что-нибудь детское. Пойдем ловить рыбу.

Темная вода закручивалась в воронку у павильона для рыбной ловли.

– Как суши-бар, – заметил Майкл, наблюдая за водоворотом, – Знаете, такой, где блюда вращаются по кругу? За двадцать пять центов можно закинуть удочку в воду. Клешня на конце лески зацепит номер, и ты получишь приз.

– Когда я была маленькой, все эти призы казались настоящим сокровищем, – вспомнила Дженни.

Она опустила крючок в мутную воду.

– Клеует! – обрадовалась Ди и выдернула удочку.

На крючке болтался мокрый деревянный брусочек с номером. Служитель взглянул на него, потом бросил обратно в воду и протянул Ди пластиковый кошелек для мелочи. Розового цвета.

– Именно о таком я мечтала всю жизнь.

Дженни почувствовала, что ее удочку повело в сторону, как если бы на крючок попала живая рыба. Она потянула ее вверх – и раскрыла рот от удивления.

«О боже! О боже!...»

Дыхание Майкла за спиной стало свистящим. Он испуганно таращился на воду.

Дженни поймала не деревянный брусочек. Вместо него на крючке висел тонкий золотой ободок. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что это.

Кольцо.

То самое кольцо, которое подарил ей Джулиан и на внутренней стороне которого были выгравированы четыре магических слова: «Все отвергаю – тебя выбираю».

Это означало, что Дженни отказывалась от всего земного и выбирала – его. Обещание, которое Джулиан пытался от нее получить. Сейчас она была свободна от этого, но

воспоминание леденило душу.

Она ошиблась, думая, что они смогут хорошо провести время до вечера. Джулиан наблюдал за ней в эту минуту, как наблюдал за ней годами. От него некуда было деться ни здесь, ни где бы то ни было.

Оставалось только встретиться с ним лицом к лицу.

– Возвращаемся, – сказала Дженни и сама поразилась своей твердости.

Она взяла кольцо и бросила его в темную бурлящую воду.

3

– Вам нужен ключ?

– Ну, он нужен моим родителям. Они плохо переносят разницу во времени, поэтому остались в гостинице. Они, знаете ли, решили осмотреть дом. Черт возьми, миссис Дюраш, вы помните старую стиральную машину моей прабабушки? А машину для отжима белья? Вот потеха – машина для отжима белья...

«Я очень смешная, – вдруг поняла Дженни. – Я виртуозная мошенница».

Улыбка смягчила черты лица миссис Дюраш. Это была миниатюрная женщина, одетая так же, как всегда: цветастое ситцевое платье и кофты сверху.

– Я пользовалась этой стиральной машиной, – сказала миссис Дюраш предостерегающе. Она произнесла: «Стир-р-ральная машина».

– Я знаю. Это-то смешно! – «Если я не придумаю что-то более умное, я все испорчу, – подумала Дженни. – О господи, мне кажется, сто она поморщилась».

Но это сработало. Миссис Дюраш порылась в лоснящейся черной сумочке.

– Давай я расскажу тебе, как отключить сигнализацию.

Дженни вздохнула с облегчением и вся обратилась во внимание, словно на экзамене в колледже. Она спускалась по ступенькам крыльца, бормоча:

– Три-шесть-пять-пять на пульте, потом нажать «Включить», «Выключить», «Включить».

– Три-шесть-пять-пять, потом «Включить»... У нас очень мало времени, – Дженни присоединилась к друзьям, ждавшим ее за углом. – Напоследок миссис Дюраш попросила меня передать родителям, чтобы они позвонили ей завтра, так как она ничего не знала о нашем приезде. А поскольку они не позвонят, она поймет, что что-то случилось.

– Но мы совсем не спали, – уточнил Майкл. – И еще целая миля до дома твоего дедушки, не меньше.

– Давайте возьмем такси, – предложила Одри.

– Не выйдет, – Ди потрясла пустым кошельком, в котором лежали общие деньги. – Мы заплатили тринадцать девяносто пять за каждого, чтобы добраться до парка, не считая кукурузы, которую съел Майкл. Мы истратили все деньги, которых, как думали, хватит на несколько дней. Мы разорены, принцесса.

– Это я виновата, – сказала Дженни. – Я должна была предвидеть это. Что ж, попытаемся управиться сегодня. Как только мы попадем в дом, думать о деньгах не придется. Кто-то может поспать, пока другие будут осматривать дедушкины вещи. По очереди, хорошо? И можно съесть несколько шоколадных батончиков из наших запасов.

– А если мы ничего не найдем сегодня вечером?

– Мы должны, – решительно ответила Дженни. – Мы сделаем это, потому что должны, Майкл.

В старом кирпичном доме все еще не отключили электричество, вероятно для того, чтобы питать сигнализацию, но все равно было жутко: мебель под белыми простынями, настенные часы стоят. Дженни не покидало непонятное ощущение – одновременно знакомое и незнакомое.

Еще страшнее был подвал. Ноги Дженни отказывались спускаться по ступенькам. В прошлом месяце она видела это место в каком-то подобии сна, в галлюцинации, вызванной Джулианом, но на самом деле она не была здесь больше десяти лет. С того самого дня, когда соседи услышали ее отчаянные вопли, а полицейские с грохотом спустились по лестнице и нашли пятилетнюю Дженни на полу в разорванной одежде и со спутавшимися волосами. Она

кричала, не отрывая глаз от открытой двери чулана, на которой был вырезан странный символ. Она кричала так пронзительно, что Старший из полицейских побежал обратно вверх за врачами.

Они пришли к выводу, что это сделал ее дедушка. Царапины, порванная одежда. Кровь. Они не обратили внимания на рассказ пятилетней девочки о ледяном холоде и тенях в чулане, о голодных глазах, о том, что ее пытались забрать. О том, что вместо нее они увели дедушку.

Полицейские решили, что ее дед сумасшедший. Теперь, разглядывая подвал, шестнадцатилетняя Дженни поняла, почему все стены и книжные шкафы напичканы защитными амулетами.

Не самое плохое решение для тех, кто охотится на демонов. Но для обычных людей, несомненно, это выглядело более чем странно.

– Посмотри на этот хлам! – воскликнула Одри. – Но могу поспорить, найдется и кое-что бесценное.

– Например, это. – Она сделала шаг вперед и дотронулась до серебряного колокольчика на полке. – Китайский колокольчик. Я видела такие, когда папа останавливался в Гонконге. В него звонят, чтобы прогнать нечистую силу. А это тибетское молитвенное колесо. А это... – Она взяла браслет с агатом и золотыми бусинками.

– Это из Египта, – прервала подругу Ди. – Семь ниточек, понимаешь? Эба рассказывала, что число семь было священным у египтян.

Бабушка Ди много путешествовала.

– А вон русские иконы, – подхватила Одри. – Очень редкие и дорогие.

– А вот это из каббалы, – восторженно сказал Майкл, вступая в разговор и рассматривая на стене «Числовые характеристики древнееврейского алфавита». – Магическая система древнееврейского гадания.

– Многим экспонатам место в музее, – подытожила Одри.

Дженни задыхалась. В переполненной странными предметами комнате ей было тяжело.

«Это и есть магия? – подумала она, пытаясь зафиксировать свое странное состояние. – Ну что ж, за этим мы сюда и приехали. Настало время начать поиски».

Она заставила себя подойти к письменному столу. В ее сне – во сне, созданном Джулианом, – дедушкин дневник лежал на столе открытым. В реальности все было не так. На выцветшем зеленом сукне не было ничего.

– Может, поискать на полках? – предположила Дженни.

Она подошла к одному из книжных шкафов и наклонила голову набок, чтобы прочитать надписи на корешках. Она не сомневалась в том, что узнает коричневый кожаный переплет.

– Нашла! – воскликнула Дженни и открыла дневник. Она узнала тяжелый почерк деда. Потом она снова посмотрела на полку. – О боже, но здесь не один такой том. Их три. Нужно просмотреть все.

– Сделаем это по очереди, как ты и предлагала, – Ди кивнула в сторону лестницы. – Ты и Майкл пойдете вверх и поспите немного – вы устали больше остальных. А мы с Одри будем читать.

Дженни проспала три часа на кушетке в гостиной – она не осмелилась войти ни в одну из спален – и потом спустилась вниз, чтобы занять место рядом с Майклом. За чтением она съела батончик Ди с солодом и орехами. Есть не хотелось, и она ненавидела вкус протеиновых батончиков, но ей нужны силы.

Дневники оказались совершенно необычными. Ее дед записывал все с дотошностью ученого, но то, о чем он писал, было странным и подчас пугающим. Почти все касалось способов, какими можно вызвать Сумеречных людей.

«Сумеречные люди, – задумалась Дженни. – Они известны под разными именами: Чужие, Волшебный народ, Пришельцы, Другие. Те, кто наблюдает за людьми из тени и забирает людей к себе».

Дженни невольно посмотрела на приоткрытую дверь чулана, и что-то сжалось у нее внутри. Там это и случилось. За этой дверцей – другое, параллельное пространство. Оно всегда

там, оно всегда недоступно. Сумеречный мир.

Ее дед призвал их, потому что захотел получить их силу. Но они оказались могущественнее его.

Дженни попала на глаза фраза: *«Бродящий между мирами»*. Ее сердце забило от волнения, когда она вчитывалась в бисерный текст на полях. Сначала неразборчиво, а потом: *«Я сам становлюсь бродящим между мирами. Если бы опасность не была столь велика! Существует несколько методов, чтобы...»* Снова неразборчиво... *«...но один, как мне кажется, получится. Руны...»*

– Руны, – прошептала Дженни. Магические символы, которые Джулиан и ее бабушка использовали, чтобы преодолеть завесу между мирами. Она взглянула на рисунок под этими словами. – Майкл, я нашла!

– Правда?

Дженни крепко сжала кожаный переплет.

– Правда. Позови Ди и Одри. И достань нож.

Они захватили с собой швейцарский складной армейский нож Тома, а у Ди был нож с пятидюймовым лезвием. Он предназначался для спасения байдарочников – им удобно было быстро разрезать веревки.

– Надо вырезать эти руны на двери, – сказала Дженни. – Потом мы закрасим их, произнесем названия и откроем дверь.

– Закрасим чем? – подозрительно спросил Майкл.

– Кровью. Чем же еще? Не волнуйся, Майкл, я позабочусь об этом. Давай используем дверь в подвал – не со стороны лестницы, а с другой. Здесь гладкая поверхность.

То, что они задумали, казалось им простым и безопасным делом. А еще им казалось странным, что на это не решился бабушка Дженни. Никто не спрашивал: «Мы правда попадем туда, сделав это?» Никто не поучал, не давал ненужных советов, даже Майкл. Они делали это так же, как сооружали стереокабинет в спальне Тома. Майкл читал вслух инструкции, остальные следовали им.

– Два круга, один внутри другого. Здесь не сказано, какого размера они должны быть, – сказал Майкл. – Но оставьте место для рун, которые будут вписаны между ними.

Дженни начертила фломастером круги на дубовой поверхности двери.

– Хорошо, теперь руны. Сначала Дагаз, Она должна быть на самом верху и выглядит, как лежащие песочные часы, – командовал он. Дженни нарисовала руну над внутренним кругом. – Здесь сказано, что Дагаз все изменяет. Это свет и тьма как единое целое.

«Свет... – Дженни вспомнила о сияющем синем рассвете в Пенсильвании и о глазах такого же цвета. – Джулиан как Дагаз. Все изменяет, действуя между светом и тьмой. Одной ногой в другом мире»

– Следующая – Туризас, шип. Она должна быть справа – нет, немного ниже. Посмотри, как она рисуется, – вертикальная прямая линия с треугольником сбоку. Как шип на стебле.

– Существует много сказок, связанных с шипами, – заметила Одри. – Уколешься шипом, или веретеном, или иголкой и умираешь, или слепнешь, или засыпаешь мертвым сном.

Дженни молча начертила руну.

– Следующая – Гебо. Она выражает многое: дар, жертвоприношение, смерть. Она имеет форму буквы «Х», видишь?

Жертвоприношение. Смерть. Странная дрожь охватила Дженни, Она заглянула в дневник. Это была прямая «Х», не наклонная, как руна Наутиз, которую вырезал в чулане ее бабушка, чтобы изгнать Сумеречных людей.

– Видишь, Дженни?

Она кивнула и нарисовала руну. Но странное ощущение не ушло. Оно каким-то образом связано с Гебо. Что-то должно произойти...

Не сейчас. В будущем.

Голос Майкла вернул ее к реальности.

– Следующая – Иза. Это руна силы первородного льда. Просто вертикальная прямая линия.

Дженни оторвалась от мысли о жертвоприношении и нарисовала руну.

– Кеназ, факел. Сила первородного огня. Она выглядит как угол. Смотри... Райдо – для движения, путешествия. Как скачущая лошадь. Для защиты во время передвижения между мирами. Она похожа на «R»... Уруз, бык... выглядит как перевернутая «U»...

– Я знаю, Майкл. Она была нарисована на коробке с игрой, которую продал мне Джулиан. Она похожа на направленные вниз бычьи рога, готовые проткнуть завесу между двумя мирами, – сказала Дженни. – Эта последняя?

– Да. Теперь вырежем их.

Вырезать руны оказалось не так сложно, как ожидала Дженни, Дверь была сделана из прочного дерева, но руны состояли из прямых линий и углов, и вырезать их было гораздо легче, чем закругленные формы, хотя иногда острый армейский нож Тома застревал в древесине.

Дженни беспокоилась насчет крови. Как это сделать? Если они собираются закрасить все руны, им понадобится намного больше крови, чем после укола булавкой.

«Не думай сейчас об этом. Когда придет время, ты воспользуешься ножом – и, надеюсь, не отрежешь себе палец».

Но проблема решилась сама собой. Нож соскользнул.

«Господи!»

Дженни почувствовала какую-то вспышку, слишком молниеносную, чтобы ощутить боль. Она выронила нож, и ее глаза расширились от ужаса, когда она посмотрела на свою руку.

Впрочем, ничего страшного. Она порезала подушечку большого пальца. Ранка сначала была белой, потом наполнилась кровью и стала ярко-красной.

– Скорее, воспользуйся моментом, – сказал Майкл. – Не трать кровь зря.

Порез стал затягиваться. Дженни посмотрела вокруг в поисках чего-нибудь вроде пера, но ничего не нашла. Тогда она обмакнула в кровь ноготь и начала закрашивать им руны. Бледные царапины в древесине окрасились в светло-красный цвет.

Пока Дженни занималась «кровавым» делом, Одри и Ди вырезали остальные руны.

Результат выглядел немного неаккуратным, но впечатляющим. Два круга с рунами между ними. Глядя на дверь, Дженни впервые задумалась о том, что мог бы предположить кто-нибудь – скажем, сосед, – если бы застал ребят за этим занятием. Вандализм. Такой же ужас, как граффити.

Но Дженни было все равно. Она вышла за пределы нормальной жизни, чуда, где все могло случиться и где действовали свои правила. Это пугало, но и придавало ощущение свободы. Девушке казалось, будто она летит к Тому на огненных крыльях.

«Ты пожалеешь о том, что затеял эту игру», – мысленно обратилась она к Джулиану.

Ди критически рассматривала рисунок:

– Что теперь? Как это действует?

– Смысл в том, что, когда руны готовы, все происходит в действительности, – сказал Майкл. – Помнишь наши кошмары и нашу первую игру? Мы нарисовали то, чего больше всего боимся, и изображения стали явью. То же и с рунами. Ты представляешь что-то, и оно становится реальностью. Ты изменяешь действительность путем представления.

– То же самое говорил Джулиан, – подтвердила Дженни. – Когда я надела его кольцо и произнесла клятву, я определила свою судьбу. Слова стали реальностью.

– Что нам с этим делать? – повторил Майкл. – Мы уже сделали первые шаги: вырезали руны и покрасили их. Теперь мы должны надеть руны силой, произнести их названия вслух. А потом...

– А потом берегись, – сказала Ди и прищурила черные глаза. – Вперед.

– Сначала надо переодеться и взять вещи, – напомнила Дженни. Она избавилась от страха, но находилась в крайне возбужденном состоянии. – Мы не знаем, что произойдет. Потом у нас может не быть времени.

Они переоделись и достали вещи из рюкзаков. Дженни вернулась к двери. Она была в джинсах и рубашке с кармашками, свитере (поверх рубашки) и ветровке. На ногах у нее были толстые носки и походные ботинки, на ремне болталась фляжка с водой и пара кожаных перчаток. В рюкзаке лежало необходимое снаряжение для экстремальных ситуаций.

Вещи подбирались по принципу легкости и необходимости. Коробок спичек, рулон туалетной бумаги, спальный мешок, свернутый в квадрат. Два толстых пластиковых мешка для

мусора. Две упаковки аспирина. Плитка шоколада. Три пакетика чая, три бульонных кубика. Цепочка из английских булавок. Все это лежало в ведерке с крышкой. Под крышку была подсунута нейлоновая веревка, два шоколадных батончика и фонарик.

Последним, что положила Дженни, был армейский нож Тома с шестью лезвиями.

Они понятия не имели, с чем столкнутся в Сумеречном мире. В каком месте они окажутся, какая там будет погода? Дженни видела в окне картонного дома острые верхушки скал, отшлифованные бесконечными снежными бурями и освещаемые синими и зелеными вспышками, словно молниями. Но будет ли этот мир таким?

«Скоро я это выясню, – подумала Дженни. – Очень скоро. На этот раз мы подготовились как следует».

Остальные ребята оделись так же, как она. Даже Одри надела легкие походные ботинки и нейлоновую куртку. Ди засунула нож в черные пластиковые ножны на поясе, но самым надежным оружием были ее сильные руки и нога, обутые в высокие сапоги с отворотами.

Они молча переглянулись и повернулись к двери.

Майкл передал Дженни дневник:

– Это должна сделать ты.

Джинни глубоко вздохнула и начала читать:

– «Дагаз – руна перемен. Туризас. Шип. Гебо. Жертвоприношение. – Голос Дженни задрожал, у нее перехватило дыхание. Невольно она понизила голос. – Иза. Первородный лед. Кеназ. Первородный огонь. Райдо. Путешествие». – Дженни замолчала и, подняв голову, посмотрела на последнюю руну в круге. Это мгновение показалось ей бесконечным.

«После того как я произнесу эти слова, обратного пути не будет».

Почти шепотом она выдохнула:

– «Уруз». Чтобы проникнуть сквозь завесу между мирами.

С последними словами свет стал мигать, как окошко киномеханика в кинотеатре. Черный, белый, черный, белый, черный, белый...

– Господи! – воскликнула Одри.

Они попятились. Но за ними была стена. Майкл наткнулся на столик, и телефонная трубка упала на пол.

За последние месяцы Дженни повидала много странных вещей. Джулиан специализировался на странностях. Но тут было другое: может, потому, что место выглядело совершенно обычным – обычный дом, обычная дверь. Или потому, что они сделали это сами?

Непонятный холодок пробежал по позвоночнику Дженни. Нарисованный круг засветился, потом закружился огненным кольцом, – ярким, как фейерверк в полночь, стремительным, как колесо Фортуны, От этого огненного верчения закружилась голова.

Боковым зрением Дженни, видела друзей.

Ди раскачивалась из стороны в сторону, готовая ко всему. Одри прислонилась к стене, огненные блики исполняли безумный танец в ее каштановых волосах. Глаза Майкла расширились.

Послышалось монотонное рычание. Казалось, оно доносится из-под земли; под ногами завибрировал пол.

Сердце Дженни бешено колотилось, свет острыми иглами впивался в глаза. Она наполовину ослепла, но не могла отвести глаз от огненного колеса.

Финальный взрыв света – и рычание превратилось в не менее страшный треск, – как будто гигантские руки разрывали брезент. Дженни захотелось лечь на пол, сжаться в комок и закрыть уши.

А потом все прекратилось.

Так же внезапно, как и началось. И наступила абсолютная тишина. Дверь приняла прежний вид: нарисованное на ней колесо рун не крутилось.

Однако Дженни заметила кое-какие изменения. Дагаз, руна, нарисованная на самом верху, немного сдвинулась. Остальные руны поблекли.

Дженни дышала так, как будто только что пробежала длинную дистанцию.

– Мы сделали это, – прошептала Ди.

– Да? – хрипло переспросил Майкл.

Дженни помедлила немного, потом взялась за дверную ручку. Она так волновалась, что ощущала биение собственного пульса. Металл даже не был теплым.

Дженни повернула ручку и толкнула дверь.

Она увидела не лестницу, ведущую в подвал, а непроглядную темень, какая бывает беззвездной ночью.

4

Дженни включила фонарик и шагнула вперед. Она почувствовала некоторое сопротивление, когда переступила порог, – что-то похожее на силу притяжения, которую она испытала, когда самолет разогнался перед взлетом. Она споткнулась, не ощутив земли под ногами.

Луч фонарика осветил маленький желтый цветок. Раздавленный цветок.

«Нет, это не цветок, – догадалась Дженни. – Это раздавленный попкорн. Попкорн?»

Позади нее зажглись фонарики. Лучи пересекались в темноте и разбегались в разные стороны. Ди, Одри и Майк шли за ней.

– Что это, черт возьми? – спросила Ди.

Раздался стук двери – как раз в тот момент, когда Дженни посветила фонариком **назад**. Захлопнулась дверь подвала. Дженни видела ее лишь мгновение (вокруг нее не было стен), а затем она исчезла.

– Я не верю, – в отчаянии сказала Одри.

– Не сработало! Это совсем не Сумеречный мир! – возмутился Майкл.

Они попали в Джойланд-парк.

Да, это был Джойланд-парк, точно такой же, как днем. Только сейчас в парке было темно и пустынно.

Те же металлические скамейки, выкрашенные зеленой краской, с деревянными планками на сиденьях и спинках. Те же изгороди (тоже зеленые) вокруг тех же подстриженных кустов. «Кустов-пуделей», как назвал их Майкл. И бело-розовые бегонии, которые Дженни заметила: она всегда обращала внимание на цветы. Теперь их бутоны закрылись.

Луч света упал на огромную коричневую урну и столб с указателем «Сладкая кукуруза».

Жалюзи в магазине сладостей были опущены, а маленькие фонарики вокруг вывески, на которой было написано: «Домашняя кухня» и «Яблочная карамель», – потушены.

Днем парк был полон звуками: болтовня, крики, шум аттракционов, смех, музыка. Сейчас единственным звуком было ее дыхание, а единственным движением – легкий трепет флажков на верхушке американских горок.

Вскоре Дженни заметила еще одно движение в этом спящем царстве. На огромном рекламном щите медленно открывался и закрывался, словно морская раковина, пиратский сундук.

– Здесь никого нет, даже обслуживающего персонала, – проворчала Ди.

– Уже поздно, – сказал Майкл, – все разошлись по домам.

– Но кто-то остался. Посмотрите! – Фонарик. Ди осветил оранжевого цвета тележку, стоящую рядом с изгородью.

«Мы не видели ее до тех пор, пока Ди не упомянула об обслуживающем персонале», – подумала Дженни.

Ее руки дрожали. Что-то не так. Все выглядело точно так же, как в Джойланд-парке, – от искусственного озера до тележки с прохладительными напитками с ее красно-желтыми колесами. Но Дженни не покидало ощущение, что что-то не так.

Как будто некто бодрствовал и наблюдал за ними из темноты. Как будто пустынный парк в любой момент мог стать многолюдным и шумным.

– Жуткое местечко, – вдруг заявила Одри.

– Да ну, – засмеялся Майкл, – не более жуткое, чем закрытый на ночь парк аттракционов.

В голове Дженни пронеслись слова: «Я рассказывал тебе когда-нибудь о своем детском ночном кошмаре? В парке аттракционов?»

– Послушайте, – резко обернулась она, – кроме Майкла у кого-нибудь были кошмары, связанные с аттракционами?

Одри остановилась, луч ее фонарика опустился, через мгновение она прошептала:

– У меня были.

Ди добавила:

– У меня тоже.

– И у меня, – призналась Дженни. – Может быть, это универсальный кошмар?

– Архетип, – перебил Майкл, его голос слегка дрожал, – Ну и что? Это ничего не значит...

Дженни догадалась, насколько ужасны были его сны.

– Не глупи, Майкл, – сказала Одри очень спокойно и взяла его за руку. – Ты думаешь... – обратилась она к Дженни.

– Не знаю. Все совсем не так, как я ожидала. Похоже на Джойланд-парк, но...

– Но Джулиан может сделать так, что все будет выглядеть как угодно, – решительно закончила Одри.

Ди оглянулась по сторонам, затем хихикнула.

– Послушайте, вы, идиоты, – сказала она, поворачиваясь к друзьям, – если это Сумеречный мир – или его часть, – то это место, где мы были. У нас есть преимущество, так как нам знакома эта местность. И это лучше, чем сине-зеленая метель или что там Дженни видела из окна в последний раз.

Одри кивнула, но без энтузиазма, Майкл не пошевелился.

– А если это не Сумеречный мир, то мы попали в беду, так как это означает, что мы упустили шанс спасти Тома и Зака. Возможно, наш единственный шанс.

– C'est juste,² – вздохнула Одри. – Я забыла.

– Давайте лучше проверим все вокруг. Посмотрим, настоящий это Джойланд-парк или... – Дженни не нужно было договаривать.

Она не очень-то представляла себе, как они узнают это. Все, что их окружало, выглядело абсолютно реальным. Они крадучись шли по парку, направляясь к главному входу. Позади остался ресторан.

– Что это? – прошептала Одри. – Я что-то слышу.

Впереди шумела вода.

– Водоем для рыбной ловли, – угадала Дженни.

Она узнала павильон с красной черепичной крышей. Там было темно – так же, как и повсюду. Они приблизились, и девушка увидела, что мутная вода бурлит.

– Ее бы не оставили включенной на ночь, – сказала Одри. – Ведь нет? Нет?

Сердце Дженни, и без того колотившееся с перебоями, едва не остановилось.

– Я думаю, мы не в сказочном Канзасе, – прошептала она.

– Да, – согласилась Ди, шагнув вперед. – Как вам это нравится? – Она показала на удочку, прислоненную к стене.

– Мне это очень не нравится, – подал голос Майкл.

Дженни понимала, что он имел в виду. Это очевидно. Но они не знали наверняка, что они не в Джойланд-парке. Возможно, воду оставляли включенной на ночь, чтобы остановить рост водорослей или еще зачем-то.

– Забросить? – раздумывала Ди, вертя в руках удочку. – Или не забрасывать?

– Ты очень довольна собой, да? – спросил Майкл, и в его голосе прозвучало возмущение. – Знаешь, здесь есть и другие люди. Любые неприятности, которые ты создашь, скажутся и на нас.

– Да ну вас, ребята. Это же единственный способ все выяснить, Разве не так?

Дженни кусала губы. Иногда безрассудство Ди выхолило за рамки разумного, и никто, кроме Дженни, не мог остановить ее. Если она промолчит, то Ди точно сделает это.

Дженни колебалась.

Ди забросила удочку.

² Точно (фр.).

Дженни поняла, что ребята напряжены до предела. Никто из них не был идиотом. Если это Сумеречный мир, произойдет что-то ужасное.

Поплавок покачивался на воде. Дженни думали о том, что может вытащить из воды ее подруга. Дохлах котят? Отрубленные руки? Водяных мутантов?

Джулиан знает, о чем они думают. Он читает мысли и воплощает и в реальность. Так что если они в Сумеречном мире, тогда самое ужасное – самое ужасное! – это то, о чем каждый из них думает...

– Ключет, – сказала Ди. – Поймала? – Она наклонилась над водой, сжав в кулаке толстую, как пряжка, леску, и потянула к себе.

– Ди...

– Давай? Давай! – Ди снова потянула леску, затем коснулась воды, чтобы нащупать, что мешало. – Что случилось с...

– Ди, не...

Одри завизжала.

Вода взметнулась вверх фонтаном. Дженни однажды видела гейзер – не такой большой, как Олд-Фейтфул, а поменьше. Это выглядело примерно так же. Взрыв – и струя грязной воды взметнулась вверх. Жидкость плеснула Дженни в лицо, намочила ее ветровку и осталась на ней. Дженни вдруг поняла, что это вовсе не вода. Это было что-то, что появилось из воды, схватило и удерживало Ди.

Человек. У него были руки, которые обвилились вокруг шеи Ди. Но что-то мешало Дженни признать в нем человека. В следующее мгновение она поняла что.

У него не было головы.

Тело заканчивалось обрубок на уровне шеи. Однако оно обладало силой: даже если у него и не было мозгов, оно пыталось затащить Ди в воду.

Все это пронеслось в голове Дженни в одно мгновение. Однако и этого времени хватило, чтобы чудовище успело подтолкнуть Ди к самой воде.

«Я трусиха. Я не умею драться», – всегда говорила о себе Дженни.

Но она обеими руками схватила мерзкое существо за рукав. Ее пальцы легко проникли под лохмотья и... утонули внутри его руки. Это привело ее в ужас.

Кроме того, от монстра исходил резкий запах разложения. Что-то ужасное случилось с его плотью, превратившейся в липкую желеобразную массу, колышущуюся на костях.

Из такой массы сейчас делают игрушки. У Джоуи, младшего брата Дженни, была змея, сделанная из такого же материала. Но плоть этого существа была совсем не подделкой. Когда Дженни непроизвольно отдернула руки, она обнаружила, что вязкая масса застряла у нее под ногтями.

Ребята орали что есть мочи. Кто-то визжал. Через секунду Дженни узнала свой собственный голос. Ди зацепилась ногами за угол павильона, а Майкл и Одри крепко держали ее. Она не могла размахнуться и ударить, но попыталась нащупать нож, висевший у нее на поясе. Наконец ей удалось вытащить его, она замахнулась... но тут Майкл толкнул ее, и наводящий ужас нож полетел в темный водоворот.

– Рубашка! Рубашка! Рубашка! – вопил Майкл.

Существо держало Ди за воротник. Майкл попытался стащить с Ди рубашку, но застегнутые пуговицы мешали сделать это.

Дженни больше не могла заставить себя дотронуться до этой безголовой мерзости. Но чудовище почти погрузило голову Ди в воду, и девушка вновь схватила липкую руку. Чудовище согнулось пополам, пытаясь утопить Ди, и Дженни взглянула прямо на него. Его тело под лохмотьями было ужасно – оно распухло до такой степени, что походило на резиновую куклу, которую надули велосипедным насосом.

Визг и крики не смолкали. Все попытки освободить Ди были тщетны. В отчаянии Дженни взобралась на крышу павильона и стала перебираться по ней через водоем. Одна ее нога сорвалась и зависла над бурлящим потоком, но Дженни сконцентрировалась и вскоре оказалась позади существа без головы.

– Тяни, Майкл, тяни! – Дженни обхватила труп у пояса, прямо над поверхностью воды. Талия его сплющилась, как перезрелый персик. Щека Дженни прижалась к мокрым лохмотьям

монстра.

О боже – запах! Дженни открыла рот, чтобы еще раз крикнуть Майклу, но не смогла выдавить из себя ни звука. Она не видела, что происходило перед ней. Все, что она могла, – это упорно тянуть назад.

Казалось, что существо пустило в воде корни. Она не могла его сдвинуть. Со стороны это выглядело как перетягивание каната: Дженни тянула на себя существо, а Майкл и Одри тянут Ди.

Но вдруг что-то изменилось. Тело подалось назад, напряжение исчезло. Ди была свободна.

Дженни откинулась назад и чуть не упала. Руки существа некоторое время еще дергались, ловя воздух. Затем, словно кто-то схватил его за ноги и резко потянул вниз, оно исчезло под водой.

Все стихло.

Дженни спустилась вниз по другую сторону водоема и села прямо на разбросанные пластмассовые свистки, игрушечные машинки и плюшевых коал. Потом она поднялась и подошла к воде.

Ди неуклюже растянулась на коленях Майкла. Одри стояла, опираясь на одно колено, позади. Все прерывисто дышали.

Ди первая пришла в себя и заметила Дженни.

– Скорее прыгай, – крикнула она таким голосом, словно у нее целую неделю, болело горло. – Я не думаю, что оно видит, но оно точно чувствует, когда касаются воды.

Дженни прыгнула, обнаружив при этом, что обо что-то ударилась лодыжкой. Некоторое время они молча сидели на земле. Они слишком устали и были слишком ошеломлены, чтобы разговаривать.

– Чтобы это ни было, но это не человек, – сказала наконец Одри. – Не только потому, что у него нет головы, – просто человеческое тело не может так выглядеть.

– Адипосер, – произнес Майкл. – Это то, во что превращается плоть после долгого пребывания под водой. Она как мыло. У моего отца была похожая маска. Он избавился от нее, потому что она доводила меня до безумия.

Отец Майкла, писатель-фантаст, собрал внушительную коллекцию масок и костюмов.

– Тогда все это из-за тебя, – зло сказала Ди, ее голос был все еще хриплым. – Это твой кошмар.

Майкл был на удивление оптимистичен.

– Ты так думаешь? Тогда, может, мне вообще не следует волноваться? Может, для меня все самое страшное уже позади?

– Если ты вспомнил о маске, значит, у твоего кошмара голова все же была. Не так ли? – поинтересовалась Дженни.

– Была. А что? – Майкл, казалось, пребывал в замешательстве.

– Я имею в виду, что этот монстр был не точно таким же, как тот, которого ты видел и кошмарном сне. Я думаю, что на этот раз Джулиан позволил себе отступления от правил. Кроме того...

Что-то мучило Дженни с тех пор, как монстр резко вынырнул из воды. Чувство смутного припоминания... Но откуда она могла знать эту мерзость? Одри права, существо не похоже на человека, разве что у него две ноги и две руки и на нем была одежда.

Одежда... мокрая и вонючая... превратившаяся в лохмотья и потемневшая от воды... но хорошо знакомая. Длинная фланелевая рубашка в черно-синюю клетку.

– О боже мой, боже мой, боже мой! – Дженни опустила на колени, ее голос дрожал. – О боже мой, это Слаг. Неужели вы не поняли? Это Слаг, это был Слаг!

Она почти кричала. Остальные смотрели на нее с ужасом. Слаг Мартел и Пи-Си Серрани были те самые хулиганы, которые выкрали картонный дом из комнаты Дженни и исчезли в Сумеречном мире. Никому из друзей Дженни не было их жалко, но чтобы такое!.. Такой участи не заслуживал никто.

– Это не Слаг, – прошептала Одри.

– Нет, он. Он.

– Хорошо, хорошо. – Ди на коленях подползла к Дженни и обняла ее тонкими, но крепкими, как у юноши, руками. – Только успокойся.

– Разве вы не понимаете? – Голос Дженни звучал возбужденно и резко. – Разве вы не понимаете? Это был Слаг, без головы. Во сне Майкл видел голову Саммер. А что, если мы найдем тело Саммер, такое же, как это? Что, если мы найдем Саммер?

– Черт возьми! – Ди посмотрела на Дженни, – Я знаю, ты считаешь себя виноватой в смерти Саммер...

– А если она не умерла? Что, если она бродит здесь? – Дженни все больше, теряла контроль над собой.

Она прерывисто дышала, ее руки, сжатые в кулаки, замерли на уровне груди.

Ди дала ей пощечину. Она сделала это, чтобы вернуть ее к жизни, и это сработало. Дженни икнула, и истерика прекратилась. Ди часто грозилась крайними мерами, но никогда не использовала их, разве что в целях самообороны.

– Это ужасно, – сказала Ди. – Это действительно ужасно. – Она прикоснулась к своей шее. – Но мы должны сохранять спокойствие, иначе погибнем. Очевидно, мы в Сумеречном мире. Думаю, никто не будет с этим спорить. – Она оглянулась на Одри и Майкла. – И это новая игра, которую придумал для нас Джулиан. Мы не знаем, чего ждать, мы даже не знаем правил. Но одно мы знаем точно: если мы позволим подобраться к нам, то погибнем раньше, чем начнем игру. Правильно? – Она слегка встряхнула Дженни. – Правильно?

Дженни заглянула в глаза подруги, черные, как сажа, с пушистыми, как весенняя трава, ресницами. Дженни обязана взять себя в руки – ради друзей. Ради Тома. Она не могла позволить себе сойти с ума прямо сейчас.

Она еще раз икнула и неуверенно согласилась:

– Да.

– Мы все должны сохранять спокойствие, – повторила Ди, в очередной раз взглянув на Майкла и Одри. – И нам нужно оружие, Я потеряла свой нож, а если появится еще что-то подобное...

Дженни вдруг осознала, что за все это время так и не вспомнила об армейском ноже Тома. Она не привыкла драться. Быстро расстегнув молнию на рюкзаке, она засунула руку внутрь, чтобы убедиться, что нож на месте.

– У меня есть вот это, – сказала она, протягивая его Ди.

– Хорошо, но он слишком маленький. Нам нужно что-то посерьезнее, чтобы бороться с этими паразитами.

И тут Одри тихо сказала:

– Когда мы катались на аттракционе «Рудник», там были кирки. Я видела их днем.

– Она права, – взволнованно произнес Майкл. – Там были декорации с муляжами шахтеров и всякой дребеденью. Пойдем!

Дженни медленно встала.

– Сначала я должна смыть с себя грязь. Здесь где-то должен быть туалет.

Ее джинсы промокли насквозь, но еще хуже была липкая масса на ветровке и на руках.

Туалет находился рядом с рестораном. Дженни застирала джинсы, насколько это было возможно. Ветровку она выбросила в мусорное ведро, туда же отправился мокрый свитер. Она несколько раз вымыла руки, умыла лицо, а затем встала под фен, пытаясь высушить рубашку и джинсы.

Потом умывались Майкл и Одри, а Дженни и Ди караулили у входа. Дженни заметила раздавленный окурок. Она смотрела на него в течение нескольких минут, ей было холодно во влажных джинсах на ночном ветру.

«Все до мелочей, – подумала она, – Джулиан воссоздал все, как в настоящем парке, вплоть до мельчайших подробностей».

Это не означало, однако, что за поворотом их не ждали опасные сюрпризы. Они были здесь всего полчаса, а один из них уже едва не погиб. На территории Джулиана его фантазии становились реальными – или достаточно реальными, чтобы поколебать недоверие Дженни и ее друзей. Он был хозяином в Сумеречном мире. У Дженни сложилось ощущение, что все ее кошмары, связанные с парком аттракционов оживут очень скоро.

«А мы еще даже не видели Джулиана, – подумала она. – Он, вероятно, где-то здесь, смеется над нами».

По пути к «Руднику» Одри первая услышала музыку.

5

Музыка, казалось, доносилась из дальнего угла парка – откуда-то сзади, может, от зала игровых автоматов. В какой-то миг Дженни увидела огни, сверкающие сквозь деревья. Но аттракционы, мимо которых они шли, были темны и безмолвны. Механизмы стояли неподвижно, как замершие животные. Дженни почувствовала запах графита.

«Что такого в этих парках аттракционов? – задумалась она, когда громадный каркас американских горок заслонил звезды. – Почему они приводят к тому, что люди видят кошмары? Видимо, в них есть что-то мистическое, завораживающее. Конечно, не в новых, а в старых. В них есть что-то таинственное, древнее, значительное. Нечто большее, чем кажется на первый взгляд».

Огни мерцали, как блуждающие светлячки, но Дженни и ее друзья словно и не приближались к ним. Музыка звучала так тихо, что разобрать мелодию было невозможно.

Затем они услышали новый звук: «Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп». Как будто быстрые шаги босых ног. Ди мгновенно повернулась на звук. Джанни сжала, в руке нож Тома. Час назад она поостереглась бы идти с открытым ножом – он был острый, – а сейчас боялась спрятать лезвие.

Четыре луча фонариков пробежались по подстриженному кустарнику, по цветочным часам – ничего зловещего.

Затем Майкл вскрикнул:

– Там!

Что-то стремглав несло по дорожке с другой стороны живой изгороди. Фонарики высветили серо-голубую фигурку. Она двигалась слишком быстро, чтобы Дженни смогла как следует разглядеть ее, но это было что-то очень маленькое и невероятно уродливое. Что-то, похожее на сморщенный серый зародыш.

Он исчез за ветряной мельницей или внутри нее.

– Пойдем за ним? – спросила Ди.

Ди задавала вопросы?

«Она, должно быть, не в своем уме», – подумала Дженни и воспротивилась:

– Нет. Он нас не трогает, а мы еще не вооружились. – Она испытала смутное чувство воинственности, произнесла это «вооружились». – Давайте сначала пойдем к «Руднику».

– Но что это было? – изумилась Одри.

– Оно было похоже на обезьяну, – сказал Майкл.

– Он совсем маленький, – добавила Дженни и о чем-то задумалась: «Ее сон. Маленький человечек в лифте, человечек в маске».

«Мы можем взять тебя с собой? Мы можем отвести тебя?»

Сумеречные люди могли задать подобный вопрос, но это сморщенное существо не могло быть Сумеречным человеком. Сумеречные люди красивы необыкновенно, душераздирающе красивы.

– Что бы это ни было, оставайтесь на чеку и следите за тем, что происходит у вас за спиной, – напомнила она. – Здесь могут появиться и другие.

«Рудник» оказался таким же темным, как и все остальные аттракционы. Дженни направила свой фонарик на пульт управления с маленькими лампочками и кнопками.

– Нам ведь не придется пользоваться этим? – спросил Майкл.

– Нет, не думаю, – ответила Дженни. Она оглянулась на миниатюрный состав, который стоял у платформы, затем направила фонарик на рельсы. – Скорее всего, поезд движется за счет собственной энергии. Смотри, как выглядят рельсы, – в точности как настоящие. Но это неважно. Пожалуй, нам лучше пойти пешком.

Одри открыла рот, словно хотела возразить, но тут же его закрыла. Все четыре фонарика сошлись на входе в пещеру, куда уходили рельсы. В обычном парке эта пещера была темным, пугающим и холодным рудником с муляжами шахтеров, затопленными шахтными стволами,

скелетами, летучими мышами и динамитом. В Сумеречном парке в ней могло быть все, что угодно.

– Сделаем это? – сказала Дженни.

Они вошли в пещеру, и тьма, казалось, поглотила их. Друзья медленно продвигались по рельсам. Дженни оглянулась на удаляющееся очертание черного входного отверстия позади них – внешний мир удалялся.

Там, где вокруг поезда во время обычной поездки появлялись разноцветные огоньки и туман, что, возможно, говорило о том, что вы попали во времена золотых приисков, сейчас стоял затхлый запах сырости.

В пещере не было огней, освещающих декорации, и Дженни подпрыгнула от неожиданности, когда фонарик осветил фигуру усатого шахтера с засученными рукавами, закладывающего динамит, в отверстие в скале. Два помощника (тоже муляжи) стояли рядом и смотрели на него.

– У этого кувалда, – заметила Ди.

– Да, но она слишком тяжелая. Никто из нас ее не поднимет, – возразила Дженни. – Лучше посмотрим, что там, дальше. Я точно помню, что видела кирки.

– Мы не можем заблудиться, пока идем по рельсам, – сказал Майкл.

Дженни отметила, что выгладит он бодро. Ди пожала плечами, и они пошли дальше. Следующая сцена являла собой зрелище после взрыва – внутренняя пещера, в которой стояли те же три шахтера, оказавшиеся в ловушке за каменной стеной. В обычной поездке были слышны крики и стоны: «Выпустите нас!» и «Помогите!».

«Без звуковых эффектов еще страшнее», – подумала Дженни.

Фигуры среди камней выглядели жутко, как восковые, когда на стене позади них вырастали тени, отбрасываемые светом фонариков. Дженни задержала взгляд на исцарапанной руке, хватающейся за обвалившиеся камни.

– Они двигаются?

– Это у тебя рука трясется, – раздраженно смазала Одри.

– Это всего лишь папье-маше, – попытался успокоить их Майкл и постучал по стене пещеры. Звук походил на удар по доске для серфинга. – Ой, вру! Это стеклопластик.

Были и другие декорации: заполненная красной водой шахта, отвратительный склеп, где царствовали скелеты. Друзья забрались в него, чтобы осмотреть.

– Эти бутылки могут сослужить нам службу, – заявила Ди, вытащив одну из костлявой руки.

«Странно, – подумала Дженни, – стекло не похоже на современное».

Бутылка была сделана из толстого стекла, мутного от старости. На ней была надпись: *«Винодельческая компания «Краун».*

Остальные бутылки казались такими же древними. Коричневые, темно-синие, зеленые, даже розовые, на этикетках можно было различить надписи.

– Самые настоящие, – подтвердила Ди. – Я и не думала, что владелец Джойланд-парка так заботится об этом.

Друзья переглянулись, но промолчали.

– Продолжим наш осмотр, – предложила Дженни.

Они прошли мимо еще одного заваленного породой шахтера, по его лицу ползали тысячи маленьких муравьев. Дженни все меньше и меньше нравились эти фигуры. Чувство, что они в любую минуту могут ожить, было непреодолимым. Друзья миновали странные водопады, где по широким ступенькам в скале в бассейн падала пурпурная вода, вязкая, как жидкое стекло.

– Там! – крикнула Ди, когда они завернули за угол. – Кирки!

Шахтеры расположились вокруг потока: одни опирались на лопаты, другие держали в руках кирки, у третьих за ремни были засунуты ножи или пистолеты.

Ди приблизилась к декорации.

– Посмотрите, это великолепно!

Это был инструмент с длинной деревянной ручкой и железной лопастью.

С одного конца он заканчивался тупым шипом длиной с мизинец Дженни, с другого – был

плоский треугольник.

«Для того чтобы долбить, породу и выгребать ее», – подумала Дженни.

Ди раскачивала кирку вверх-вниз, пытаясь вытащить ее из рук шахтера. Муляж с опущенной головой стоял без движения.

– А мне нравится вот это, – решительно заявила Одри.

Она нашла инструмент, похожий на лом, острый с обеих сторон.

Ди покачала головой.

– Непрочный. Посмотри, наконечники привязаны к ручке кожаными ремешками и наверняка плохо держатся. – Ей удалось наконец вырвать кирку из рук шахтера, и она с триумфом подняла ее. – Вот это оружие!

Майкл нашел железную штуковину, похожую на вилы, с шестью тяжелыми изогнутыми зубцами»

– «Кошмар на улице Вязов», – не очень удачно пошутил он.

Дженни убрала в карман нож, зажала фонарик в зубах и выбрала себе оружие с короткой деревянной рукояткой и железным пятидюймовым наконечником. Трудно определить, был ли это молоток или кирка, но его было удобно держать в руке, и она взмахнула им пару раз, чтобы опробовать.

Дженни не была уверена, задрожала ли земля под ногами на самом деле или это ей показалось, потому что она потеряла равновесие. Она перестала размахивать руками.

– Кто-нибудь, почувствовал?

Ди осмотрела платформу, на которой они стояли.

– Не думаю, что эта штуковина очень устойчивая.

– Я ничего не заметил, – попытался успокоить Дженни Майкл.

Дженни дрожала от страха. Может, это платформа, а может, у нее закружилась голова, но появилась уверенность, что пришло время убираться отсюда.

– Пошли обратно.

– Ты права, – сказала Ди, закинув кирку, на плечо.

Под их ногами разноцветный гравий осыпался на рельсы. Звук напоминал треск лопающегося на сковородке попкорна.

Майкл светил на рельсы фонариком.

«Мы не заблудимся, – твердила про себя Дженни. – Мы не можем. Все будет хорошо».

Но почему тогда у нее так сосет под ложечкой?

Идущий впереди Майкл сообщил:

– Я работал на железной дороге.

Внезапно свет его фонарика замер.

– Эй! Что такое?

Дженни перестала дышать, чувствуя, как сдавило грудь.

Майкл бормотал что-то бессвязное, уставившись себе под ноги. Дженни сразу догадалась, в чем дело.

Рельсы расходились.

– Раньше было так? – Дженни посветила фонариком в одну сторону, потом в другую.

С обеих сторон было видно одно и то же: стальные рельсы и толстые деревянные шпалы.

– Нет. Я бы заметила, – уверенно сказала Ди.

Одри с шумом опустила свою кирку.

– Но с нашей стороны рельсы не выглядели бы расходящимися. Здесь они должна сходиться.

– Расходятся, сходятся – неважно. Я бы заметила.

– Но это было в темноте...

– Я бы заметила!

– Эй, ребята, ребята... – начал было Майкл, размахивая «вилами» и фонариком и делая знак остановиться, но, впрочем, безрезультатно. – Ребята...

– Я – не мальчик, – огрызнулась Одри и повернулась к Ди.

Неважно, в чем была причина спора, но враждебность Ди по отношению к Одри стала явной.

– Ну, покричи и на меня тоже, – сказал Майкл.

– Заткнитесь, все! – крикнула Дженни.

Все замолчали.

– Вы что, с ума сошли? У нас нет времени ссориться. У нас ни на что нет времени. Может, рельсы расходились и раньше, а может, и нет, но пришли мы отсюда. – Она показала направо. – Мы пойдем этой дорогой, и она выведет нас.

«Только, – подумала она, – ничто не происходит так, как должно быть, когда вмешивается Джулиан, и дрожание земли, которое она почувствовала, – возможно, это действительность».

Ребята выглядели так, будто побывали в эпицентре грозы. Но они послушно пошли в том направлении, которое указала Дженни.

Ди тихо произнесла:

– Если мы идем правильно, мы скоро должны увидеть шахтера с ползающими по лицу муравьями.

Они его не увидели.

Ком в желудке Дженни становился все тяжелее. Стена по правую руку оказалась глухой и словно приближалась. Это место было больше похоже не на железнодорожный туннель, а на настоящую шахту.

Когда они добрались до следующего испытания, оно показалось им почти облегчением, Дженни повернула и увидела прямо перед собой на рельсах вагонетку.

Настоящая горнорудная вагонетка, по крайней мере, так ее представляла себе Дженни. Она была четырех-пяти футов в длину, с округлыми стенками и массивными колесами, расположенными близко друг к другу; от нее пахло ржаным железом.

«Как котел ведьмы», – подумала Дженни, наклонилась к ней и повторила свои слова вслух, и они отозвались тихим эхом.

– Это не часть аттракциона, – сказала она.

– Было бы глупо со стороны работников парка оставлять ее здесь? – согласилась Ди и попыталась толкнуть вагонетку.

Та сдвинулась, но отъехала недалеко.

Дженни охватило дикое желание запрыгнуть в нее и спрятаться.

Она медленно обвела взглядом остальных.

Фонарик Майкла освещал волосы Одри, и вокруг них возник ореол цвета меди. Ди казалась черной тенью. Дженни не надо было видеть лиц, чтобы понять, что они чувствуют.

– Хорошо, у нас проблема, – сказала она. – Нам следовало этого ожидать. Ну, и чей это кошмар?

Тонкая черная тень блеснула белыми зубами:

– Кажется, мой, не люблю замкнутого пространства.

Дженни удивилась. Когда они были внизу в пещере, она не заметила, что Ди нервничает больше других. Впрочем, тогда ее внимание было сосредоточено исключительно на Одри.

– Я страдаю клаустрофобией. Но не помню ни одного кошмарного сна о чем-нибудь подобном. Хотя... – Ди выдохнула. – Если вы меня спросите, как я больше всего боюсь умереть, я бы ответила, что на первом месте была бы смерть под завалом.

– Боже! Об этом мы тоже должны беспокоиться? О способах умереть? – взорвался Майкл. – Я мог бы написать целую книгу.

– Интересно, чего я больше всего боюсь? – обратилась сама к себе Одри. – Боли? Сильной боли?

Дженни не хотела об этом думать.

– Надо вернуться к развилке и пойти по рельсам в другую сторону. Это единственный выход.

Они направлялись в глубь шахты. «Молоток» больно подпрыгивал на плече Дженни.

Так как они шли по своим же следам, перед ними должен был снова появиться ствол шахты. Но этого не произошло. Туннель сужался, потолок опускался все ниже и ниже и уже касался ее волос.

Дженни взяла фонарик и «молоток» в одну руку, чтобы другой можно было ощупывать стену.

– Определенно не стеклопластик, – пробормотала она.

Не стеклопластик, а настоящий камень – и на удивление красивый» В нем виднелись молочно-белые и оранжевые прожилки – от бледно-персикового до цвета охры. Все это мерцало миллионами крошечных кристаллов старца.

– Руда, – сказал Майкл, – Знаете, та, что содержит золото.

– Этот парк был построен в угольной шахте, – возразила Дженни. – Здесь добывали уголь, но это было в восемнадцатом веке.

– Это другая шахта, – покачал головой Майкл. – Мы находимся в настоящем золотом руднике.

Горная порода была повсюду – очень грубая, может, и специально обработанная, но выглядела она абсолютно натурально.

Стало холодно, Дженни пожалела, что выбросила свитер.

Ди, шагавшая впереди, поежилась, Дженни стало жаль ее. Она начинала чувствовать давление. Они находились в каком-то бездонном стволе шахты из оранжевых, коричневых и черных пород.

На первом перекрестке они остановились.

– Рельсы идут прямо, – заметила Дженни.

Она отлично понимала, что это ничего не значит. Это была совсем не та развилка, которую они видели раньше. Длинный коридор уходил куда-то в темноту.

Они пошли дальше.

Полосы белой породы на стенах встречались чаще по мере продвижения вперед. Было сыро, местами стены покрывала корка льда. Дженни дотронулась до нее, и ее пальцы стали черными от грязи.

Друзья подошли к новой пещере – футов тридцати и высоты. Дженни видела ржавые прожилки породы наверху, серые сланцы внизу, словно изрезанные потоками падающей воды.

– Этот ствол шахты, или пещера, или что бы то ни было ведет назад, – заявила Ди. – Может, нам удастся вскарабкаться...

– А может, и нет, – возразила Дженни. Она поняла, почему Ди хотелось выбраться из низкого туннеля, но эта черная дыра наверху ей не нравилась. – Мы сломаем себе шею, а наверху может оказаться, что угодно и кто угодно.

Одри сказала:

– Ну, очевидно, что вокруг нас все меняется. Я ошиблась с рельсами, Ди.

Ди испуганно посмотрела на нее. Она не привыкла к тому, чтобы Одри извинялась.

Холодная капля упала на щеку Дженни. А потом еще одна – на волосы.

– Послушайте! – воскликнул Майкл.

Сначала Дженни ничего не разобрала. Потом послышался самый унылый звук в мире. Вода медленно капала на камень, и звук капли эхом отдавался в пустынном стволе шахты.

– О боже, – прошептала Дженни, – мы заблудились.

Они попали в ловушку под тоннами горной породы, вдали от помощи и понятия не имели, куда идти дальше.

Ди вскрикнула и остановилась.

– Что? Что?

– Я просто вспомнила кошмарный сон про пещеру, который я однажды видела.

– Но наводнения в нем не было? – спросила Дженни, вспомнив о шахтерах.

– Нет. Но был обвал.

Одри многозначительно заметила:

– Я не думаю, что нам следует говорить об этом. *Tu comprend?*³

Она, конечно, была права. Им не следовало ни говорить, ни думать, ни делать что-либо. Отсутствие мыслей – вот что им было нужно. Но Дженни забыла об этом, задумавшись над словами Ди.

– Тебя завалило? – переспросила она. – Или ты просто попала в ловушку...

³ Ты понимаешь? (фр.).

Как только она поняла это, вокруг загрохотало.

– Откуда? – закричала Ди, как всегда собравшись в момент опасности, хотя это был именно ее ночной кошмар. Она светила фонариком вверх и вниз. – Откуда этот грохот?

Дженни увидела, что камни падали из вертикального ствола шахты позади них.

– Давай! – завопил Майкл и бросился в сторону. – Давай! Давай!

– Все рушится! – Одри металась по пещере.

– Давай! Давай! – кричал Майкл, и его голос становился все выше и выше.

Земля под ногами вздрогнула, как раньше, только намного сильнее. Дженни ничего не видела вокруг себя. Повсюду мелькали фонарики.

– Мы не можем идти этим путем...

– Осторожно – камень!

Но их голоса перекрывал грохот камней. Дженни пыталась бежать и натыкалась на стены, которые, казалось, выросли на ее пути. Ее бросало то в одну, то в другую сторону.

– Земля!

Дженни услышала визг Одри, но останавливаться было поздно. Под ее ногами неожиданно разверзлась земля: внизу оказалась еще одна шахта. Мелкие камешки полетели туда, и фонарик Дженни освещал пылинки, кружащиеся в воздухе. Потом девушка тоже полетела вниз.

Первый удар при падении был очень болезненным, но потом наступил шок, и она, оцепенев, мячиком отскакивала от стен, Дженни почувствовала, что лямка рюкзака оторвалась, «молоток» и фонарик тоже полетели вниз.

Потом шум и падение прекратились. Она оказалась одна в полной темноте и тишине. Ее рот был забит удушливой пылью. Она была напугана.

Дженни поняла это прежде, чем вспомнила, кто она и как сюда попала. Это было жуткое пробуждение – как одно из тех, что случались с ней среди ночи, когда она резко просыпалась, понимая, что там, в темноте, что-то есть и это что-то было страшным.

Самое ужасное, что это не сон. Нет ни ночника, который можно включить, ни родителей, к которым можно прибежать за помощью. Вокруг темнота и звук собственного дыхания.

– Ди! – крик вышел слабым, и он не дал эха, как того можно было ожидать.

Дженни повернула голову, но не почувствовала ни малейшего движения воздуха: она взаперти. Камни, должно быть, перекрыли отверстие, в которое она упала.

– Ди! Одри! – Голос звучал жалко и окончательно затих на середине слова «Майкл!».

Тогда она села, замерла и прислушалась. «Если я не буду двигаться, они не поймут меня».

Конечно, так думать смешно. Это срабатывало только с монстрами под кроватью. Мышцы свело до дрожи.

Дженни не слышала ни малейшего звука, ни даже отголосков гула и грохота обвала. Темнота обнимала ее со всех сторон.

Она почувствовала, что у нее начинается паника.

«О, пожалуйста, нет... Сохраняй спокойствие, думай о чем-нибудь... Но я боюсь. Должен быть какой-нибудь выход... Ты можешь хотя бы на ощупь определить, что это за место».

Но она не могла. Не могла пошевелиться. Слишком темно. Дженни чувствовала, как ее глаза расширяются от напряжения и страха.

«Все, что угодно, может напасть на меня. С любой стороны».

Паника овладела Дженни. Она была чрезвычайно напугана самим ожиданием услышать шуршание чего-то, подкрадывающегося в темноте.

«Я упала одна. Здесь мало места, я это ощущаю. Я одна. Здесь ничего нет. Ничто не может попасть сюда. Ничто...»

Едва слышный шорох. Трение камня о камень... До Дженни, продолжая стоять на коленях, повернулась в ту сторону, откуда раздался звук. Он прекратился. Ее сердце стучало, как механический молот, в ушах звенело от ужаса.

О боже!..

– Рагнарок, – раздался знакомый мелодичный голос, – что означает камнепад и конец света одновременно. Я имею в виду, для тех людей, которые открыли руны. Ты не находишь,

что это интересно?

6

«Джулиан...»

Ощущение – как от падения в ствол шахты.

Дженни резко спросила:

– Где ты?

– Здесь.

Неожиданно вспыхнул красный свет.

Дженни попыталась собраться, пока ее глаза привыкали к свету. Но она никогда не сможет держать себя в руках с Джулианом – его появление потрясло ее так же, как и всегда. Как неожиданный пассаж в скучной джазовой пьесе. Как картина, на которую можно смотреть часами и находить все новые поразительные детали. Все в нем было столь совершенно и столь неистово, что взгляд перебегал с одной черты на другую и дух захватывало от волнения.

Сейчас отблески красного света играли на его волосах, как пламя на снегу.

Свет превратил его невероятно синие глаза в столь же невероятно фиолетовые. Он бросал на лицо Джулиана танцующую тень, подчеркивая красоту верхней губы, как будто высеченной из камня. Он создавал дьявольское сияние вокруг – Джулиан был соблазнителен, как смертный грех, и величествен, как дьявол.

На нем были черные, облегающие, как вторая кожа, брюки и жилет без рубашки. Красный свет исходил от факела, который он держал.

Дженни с ужасом осознала, что ее джинсы помялись, оттого что сохли прямо на ней, а рубашка выглядела так, будто она ползла по дымоходу.

– Ты пригласил меня, и вот я пришла, – сказала она.

Он ответил так непринужденно, словно они разговаривали уже несколько часов:

– Да, вы плохо начали. Не смогли избежать простой ловушки. Даже не знаете, в какую игру играете.

– Какой бы она ни была, это последняя игра, – отрезала Дженни.

Сейчас она чувствовала себя не так, как раньше, когда ей казалось, что она мысленно постоянно сражается с ним – неважно, рядом он или нет. Борется с его чувственностью, с его красотой, с воспоминаниями о его прикосновениях...

Тогда часть ее существа страстно желала того момента, когда она прекратит борьбу, желала полной капитуляции. А сейчас...

Дженни стала иной. Ее изменил огонь, сквозь который она прошла во время предыдущей игры. Он сжег ту ее часть, которая отвечала Джулиану взаимностью, которая жаждала опасности и дикости. Дженни выжила, пройдя сквозь пламя, – и очистилась. Возможно, она не стала такой же сильной, как Джулиан, но ее воля закалилась.

Она больше никогда не уступит. И это означает, что все между ними стало иначе.

Джулиан заметил изменения, которые произошли с его собеседницей.

– Еще света? – спросил он и сделал жест, как будто написал в воздухе какой-то знак.

«Кеназ, – подумала Дженни. – Одна из рун, которые она вырезала на двери».

Стоило Джулиану пошевелить своими длинными пальцами, свет, казалось, заструился волнами. Эффектным движением фокусника он материализовал из воздуха другой факел.

Дженни с непроницаемым лицом захлопала в ладоши.

Глаза Джулиана засветились голубым, как пламя газовой горелки.

– Ты же не хочешь рассердить меня. Не так быстро, – произнес он с пугающим спокойствием.

– Предполагалось, что я буду потрясена?

Он внимательно посмотрел на нее.

– Ты ведь действительно не хочешь рассердить меня?

О, он был великолепен! Нечеловечески, непостижимо! И такой живой! Он, казалось, излучал энергию. Но Дженни была тверда как сталь.

– Где Том? – спросила она.

– Ты не думала о нем, – усмехнулся Джулиан.

Это была правда, Дженни не думала. Не постоянно, не все время, не так, как раньше, когда она не считала себя самостоятельной личностью, а лишь частью единого целого: Том-и-Дженни. Но это неважно.

– Я пришла за ним, – сказала она. – Мне не нужно думать о нем каждую минуту, чтобы продолжать любить. Я хочу, чтобы он вернулся.

– Тогда выиграй. – Голос Джулиана был холоден и зловещ, как хрупкий лед.

Он вставил факел в широкую горизонтальную трещину в стене. Дженни не смотрела до этого момента по сторонам – когда Джулиан рядом, было очень трудно сосредоточиться на чем-нибудь, кроме него, но сейчас она увидела, что находится как раз в таком месте, которое представляла себе раньше. Замкнутое пространство, едва ли больше, чем ее спальня, с трех сторон – скальная порода, четвертая стена сложена из крупных камней.

Под трещиной, из которой торчал факел, находилось что-то похожее на естественную лестницу, ступеньки которой расширялись к низу.

«Как уступы водопада в аттракционе «Рудник», – подумала Дженни, – но только без воды».

Она увидела свой фонарик, батарейки которого, очевидно, сели, – он валялся на нижней ступеньке.

В помещении не было ни входа, ни выхода. Потолок нависал над самой головой. Казалось, он вот-вот обрушится. Сердце екнуло.

«Нет. Не позволяй ему испугать тебя. Именно этого он и хочет, именно это доставляет ему особое удовольствие. Чего бояться? Ну, будешь погребена под грудой камней наедине с демоническим принцем, который хочет овладеть твоими душой и телом и сделает все, чтобы заполучить тебя. Который может убить тебя, чтобы убедиться, что никому другому ты не достанешься. А ты намеренно говоришь ему «проваливай». И зачем волноваться из-за мелочей?»

Она попыталась говорить ровным, нарочито равнодушным голосом:

– Ну и в чем заключается игра на этот раз?

– Ключ к развязке будет стоить тебя.

Холодная ярость охватила Дженни.

– Ты отвратителен. Ты знаешь это?

– Я жесток, как жизнь, – отрезал Джулиан. – Жесток, как любовь.

Ярость в сердце Дженни придала ей храбрости сделать то, что потрясло бы даже его. Ей хотелось дать Джулиану пощечину, но вместо этого она... поцеловала его.

Это был не тот нежный поцелуй, каким она целовала Тома, и не те ужасные, дикие поцелуи, которые Джулиан вырывал у нее в прежние встречи. Дженни сжала его лицо ладонями, прежде чем он смог сделать что-либо с факелом. Она поцеловала его жестко, агрессивно и без малейших следов застенчивости, свойственных девушке.

Она почувствовала его недоумение. Свободной рукой Джулиан обнял ее, но не мог притянуть к себе ближе, чем она уже прижалась к нему. Дженни не обращала внимания на факел, что было опасно. Впрочем, если бы он оказался рядом с ее волосами, то это стало бы проблемой Джулиана. Пусть великий магистр мелочей сам позаботится об этом.

Джулиан быстро пришел в себя. Можно на время ослабить его бдительность, но оставить в замешательстве надолго – вряд ли. Дженни чувствовала, что он старается взять ситуацию под контроль.

Но она знала опасность нежности. Джулиан мог сплести вокруг нее хитроумную ловушку из теней, прикосновений, подобных взмахам крыльев мотыльков, и поцелуев, мягких, как сумерки. Он мог направить ее собственные чувства против нее самой, пока от поцелуя не закружится голова и не перехватит дыхание, а прикосновения мотыльков не станут обжигать. И к тому времени, когда она поймет, что скрывается за этой нежностью, она уже будет трепетать и таять и погибнет.

Дженни продолжала целовать его строго и по-деловому. Гадкое, отвратительное занятие, которым она никогда раньше не занималась, так как до Джулиана целовала только Тома. Она целовала его зло, с циничной холодностью. В конце концов она поняла, что ей удалось

вскружить ему голову.

«Ты не думал, что я смогу противостоять, да?» – торжествовала она.

Дженни сделала шаг назад и ледяным голосом произнесла:

– Ну, теперь как насчет ключа к разгадке?

Джулиан выглядел удивленным. Затем он притворно засмеялся, но она видела, что он теряет самообладание, видела, что его глаза сверкают, как небывалой синевы сапфиры.

Она задела его гордость и попала в точку.

– В данный момент я не уверен, что это стоит моих денег, – произнес он. – Я знал ледышек, которые целовались лучше.

– А я знавала, дохлую рыбу, которая целовалась лучше, чем ты, – парировала Дженни, безрассудно пренебрегая опасностью.

Она знала, что это безумие, но ей было все равно. Само сознание, что тени не имеют силы над ней, опьяняло. Эта неожиданная встреча с Джулианом отличалась от всех остальных.

Дженни вновь подумала о доме. Она увидела угрожающую ярость, появившуюся в его глазах, – затем тяжелые ресницы опустились и скрыли ее. Улыбка искривила его губы. Отвага покинула Дженни. Он был дьяволом. Она это знала. Жестокий, капризный и опасный, как кобра. А она была полной идиоткой, подстрекая его, потому что прямо сейчас он планирует что-то ужасное – или ее зовут не Дженни Линдт фон Брейнз Торнтон.

– Я дам тебе ключ к разгадке, – сказал Джулиан. Он сунул руку в карман брюк и вытащил ее обратно, подбросив на ладони какой-то золотой предмет. Золото поблескивало в свете факела. – Я выигрываю головы, а ты их проигрываешь, – добавил Джулиан со сладкой улыбкой.

Затем он резко бросил ей сверкающую золотую вещицу – так быстро, что Дженни едва уклонилась. Та ударилась о камень с поразительно мелодичным звоном. Дженни подняла ее и обнаружила, что это монета, поверхность которой походила на тонкое домашнее печенье.

– Испанский дублон, – пояснил Джулиан, но даже после этого Дженни еще какое-то время с удивлением смотрела на него, прежде чем поняла.

«О боже – конечно же. Игра – одна из тех, что была в настоящем парке аттракционов. Что говорил этот ребенок сегодня днем? *«Вы находите три жетона, и они пускают вас бесплатно...»* И афиша:

НАЙДИ ТРИ ЗОЛОТЫХ ДУБЛОНА И ПЕРВЫМ СТУПИ НА ОСТРОВ СОКРОВИЩ».

Теперь Джулиан лично приглашает их на охоту за сокровищами. Но Дженни не подумала об этом, даже когда они увидели гигантский сундук в парке сегодня ночью.

– Ты воссоздал это место, как Джойланд-парк? Почему? Потому что я ходила сюда, когда была маленькой?

Он рассмеялся.

– Не обольщайся. Этот Сумеречный парк, если хочешь знать, уже существовал. Он был создан десять лет назад совсем по другой причине, по особой причине... но ты узнаешь об этом позже. – Он так странно улыбнулся, что у Дженни мороз пробежал по коже. – Ты знаешь, он был построен на месте старого угольного рудника. Сумеречные люди давно были здесь.

«Рудник. Глубоко в руднике», – вспомнила Дженни.

Это была строчка из стихотворения, которое она нашла на дедушкином столе во время первой игры Джулиана. Может быть, дед обнаружил Сумеречных людей?

Она, вероятней всего, никогда не узнает этого – если только Джулиан сам не расскажет. Но это маловероятно.

«Забудь об этой чепухе, – сказала она себе. – Займись делом».

– Том и Зак на Острове сокровищ? – спросила Дженни.

Джулиан ответил ей зверской улыбкой.

– Точно. И даже не пробуй доплыть туда или что-нибудь в этом роде. Единственный путь – мост, плата – три золотых дублона, спрятанные в парке.

– Один у меня есть, – напомнила она, зажав монету в кулаке.

Его улыбка стала мечтательнее.

– Да-да, – сказал он весело. – Теперь тебе нужно выбраться отсюда вместе с ней.

При слове «с ней» все погрузилось во тьму.

Это случилось так быстро, что у Дженни перехватило дыхание. Только что ярко светили два красных факела, а в следующее мгновение она оказалась в крошечной тьме, такой глубокой, что сердце заколотилось, а глаза широко раскрылись от страха. Она успела разглядеть краем глаза призрачные мерцающие голубые огоньки, потом все исчезло. Она как будто ослепла.

«Не паникуй. Он допустил ошибку. Он пришел в бешенство и ошибся. Он оставил фонарик. Надеюсь...» – мысленно добавила она, засовывая дублон в карман, и осторожно начала передвигаться в темноте.

Рука почувствовала холодный металл. Она затаила дыхание и включила фонарик.

Свет. Совсем слабый, тусклое оранжевое свечение. Или сломался фонарик, или садятся батарейки. Но света достаточно, чтобы не сойти с ума.

«Ты не должна была дразнить его, Дженни. Это очень, очень глупо».

Потому что даже со светом Дженни была в беде. С трудом, но она все же разглядела каменные стены своей тюрьмы и исследовала каждый ее дюйм, от низкого потолка до неровного пола и плотно сложенных камней, перекрывающих вход.

Выхода не было. Она, очевидно, не сможет отодвинуть камни сама – и если даже сдвинет один, то, вероятно, другие посыплутся вниз и придавят ее.

«Не паникуй. Нет, нет, нет, не паникуй».

Но свет фонарика постепенно тускнел, темнота подступала все ближе. Вокруг не было слышно ни звука, даже звука падающих капель.

«Подожди. Ты нашла выход из огня в прошлой игре. Почему бы не отыскать выход из пещеры сейчас? Давай, попробуй! Просто представь, что скала тает, представь, что твоя рука проходит сквозь нее».

Но это не сработало. Как она и подозревала, здесь, в Сумеречном мире, чары Джулиана были слишком сильны, чтобы можно было разрушить их. Здесь он был полноправным хозяином.

Это означало, что она застряла в каменной норе, если только кто-нибудь не придет на помощь.

«Ну, хорошо, тогда нужно кричать».

Дженни заставила себя закричать. Еще и еще. Она даже подняла камень размером с кулак, который лежал внизу, и стала стучать им по каждой из каменных стен, медленно и ритмично. В паузах между криками она слушала.

В ответ не раздалось ни звука.

Наконец, когда фонарик почти погас, она села, прислонившись спиной к камням, вытянув руки и ноги.

Затем послышался шепот.

Сначала он был такой тихий, что Дженни показалось: это кровь стучит в висках. Но шепот был реален. Отдаленные голоса звучали мелодично – и одновременно угрожающе. Однако нельзя было разобрать ни слова.

Она медленно повернула голову, пытаясь определить источник звука. И там, в темноте, она увидела глаза.

Они испускали какой-то внутренний свет, как будто фосфоресцировали. Они были холодные и хищные. Дженни узнала их, она видела эти глаза в дедушкином чулане.

Сумеречные люди. Сумеречные люди были здесь, с ней.

Казалось, это глаза самой стены. Дженни покрылась гусиной кожей и почувствовала легкое покалывание, которое началось с мизинцев, а затем поднялось по ладоням к локтям. Вполне естественная реакция на то, что она видела.

«Люди всегда знали об этих глазах», – подумала Дженни.

Все действительно знали о них, даже если пытались забыть в дневное время. Ночью же это знание вырывалось на свободу: чувство, что за тобой следят чьи-то глаза, присущее многим людям. Глаза древние и недоброжелательные, в которых не больше сочувствия, чем у осы или крокодила.

Кроме того, Сумеречные люди? возможно, обладают большим интеллектом, чем обычные люди. Что делает их вдвойне опасными.

«Они хотят, чтобы ты пришла в ужас, Дженни. Так что береги голову. Они здесь, чтобы испугать тебя, но они ничего тебе не сделают».

Но они шептали...

Они шептали что-то невнятное, и это до ужаса ее пугало. Искаженные неестественные звуки. Как будто пленку прокручивают в обратную сторону на медленной скорости.

Она не могла удержаться и не слушать их, не пытаться осмыслить их слова – хотя отчаянно боялась. Она не хотела, чтобы эта невнятица обрела какой-то смысл.

Затем к ее удивлению и облегчению, глаза исчезли.

Не совсем исчезли, но, казалось, отдалились. Звуки раздавались еще какое-то время, а затем стихли.

«Спасибо, – обрадовалась Дженни. – О, спасибо!»

Тишина казалась сейчас почти желанной.

Затем она услышала журчание, этот звук прежде заглушали шипящие голоса.

Она посветила фонариком на ступеньки – туда, где раньше светились глаза, – и подпрыгнула от изумления.

Ступеньки двигались! Однако, когда Дженни поднесла фонарик ближе к стене, она почувствовала влагу. Каменная лестница оставалась неподвижной, просто по ней текла вода. Как водопад в шахте. Только быстрее.

Вода лилась сплошным потоком по всей ширине трещины. Она стекала вниз, как в фонтанах, которые устраивают в отелях.

Поначалу Дженни восприняла это как очередное неудобство, не такое жуткое, как глаза. Она не осознавала опасности до тех пор, пока ее ноги не промокли.

«Вода не просто так течет между камнями», – догадалась Дженни.

Предзнаменование. Каменную стену, должно быть, действительно сложили, чтобы закрыть вход. Или, может быть, это обычная стена, и отверстие, в которое она провалилась, было в потолке. Но теперь даже потолок заблокирован. А вода все прибывает.

Она прибывала с каждой минутой все быстрее и была холодна, как лед. Ноги в походных ботинках окоченели.

«Как жаль, что я потеряла рюкзак, у меня там были резиновые сапоги». И в этот момент Дженни поняла, что погибает.

Это была изолированная пещера. Меньше, чем ее спальня, и наполняющаяся быстрее, чем отцовский бассейн. Вода все прибывала и прибывала.

«А куда уходит воздух?», – задумалась Дженни, поставленная в тупик этой задачей по физике. На секунду она решила, что спасена. Если бы воздух не мог выходить из пещеры, то вода не могла бы поступать в нее.

Но, вероятно, в потолке были щели в камнях, куда и выходил воздух. Так высоко Дженни ничего не могла разглядеть, так как батарейки совсем сели. Она стояла в темноте, вода поднялась уже до икр, но, если она попытается вслепую вскарабкаться по этим булыжникам или вытащить их, они просто погребут ее под собой. В противном случае она в конце концов окажется под потолком и сделает последний неглубокий вдох, прежде чем вода поглотит ее.

Истерики не было, но мысли проносились с головокружительной скоростью. Дженни пыталась вспомнить декорацию, изображающую затопление пещеры в аттракционе «Рудник», и руку, цепляющуюся за булыжники. Ей показалось, что она наконец поняла, что шептали голоса: «Умри... Умри».

Так вот что означала улыбка Джулиана!

Самое странное, что, хотя вода поднималась все выше? Дженни не могла заставить себя поверить в это.

Джулиан хотел, чтобы она умерла? Это, конечно, неудивительно – он ведь злодей, не правда ли? Законченный злодей. И он был в ярости, когда уходил.

Но – чтобы она умерла?

Вода дошла ей до бедер и была холодна, до боли холодна. Зачем она сушила джинсы?

Не сознавая, как именно она туда попала, Дженни оказалась на коленях на одной из ступенек водопада, прижимая ладони к трещине, пытаясь закрыть ее изнутри. Это не помогало. Она чувствовала, как вода потоком лилась в темноте. Руки окоченели.

Может быть, Джулиан хотел заставить ее покориться, запугать до такой степени, чтобы она молила его о помощи? Нет, в этом не было никакого смысла. Джулиан знал, что она не будет просить пощады. Она не сдастся. Он понял это, когда напустил на нее пчел во время первой игры. Дженни тогда готова была умереть, но не уступить.

Но тогда он должен понимать, что и сейчас будет так же, и желать, чтобы она умерла, на самом деле умерла!

Если только не...

Дженни не предполагала, что может испугаться больше, чем уже была напугана. Она ожидала, что наступит миг, когда ее мозг оцепенеет. Но хотя тело заоченело, в голове вдруг возникла новая мысль, и ужас обуял ее.

А что, если Джулиан не знал? Если не он сделал это?

Джулиан удалился в ярости – и затем пришли ОНИ. А что, если вода – дело ИХ рук?

Она умрет прежде, чем он узнает.

Эта мысль застряла в ее голове со странной определенностью, Джулиан был в ссоре с Сумеречными людьми, это случилось, когда пятилетняя Дженни открыла дедушкин чулан. Сумеречные люди хотели убить ее. Но Джулиан был против. Он любил ее и хотел, чтобы она жила.

И она осталась жить, потому что ее дедушка пожертвовал собой. Но сейчас...

«Сейчас, – подумала она, – они заканчивают свою работу. А Джулиан не знает».

Она вдруг осознала, что Джулиан, конечно, злодей, но Сумеречные люди еще хуже. Озлобленнее. В картонном доме Джулиан контролировал все – но сейчас она не в картонном доме, а в самом Сумеречном мире, хозяева которого – Сумеречные люди.

Вода уже доходила до шеи.

«Как холодно, – стучало в голове Дженни. – А что, если станет еще холоднее? Джулиан каким-то образом зажег факел с помощью руны Кеназ. Тогда, может быть...»

Дженни так заоченела, что почти не понимала, ползла она или плыла. С трудом нащупала верхнюю ступеньку и нашла камень, который попыталась засунуть в трещину. Она ничего не видела, но чувствовала стену, а руна, которую она собиралась написать, была самой простой формы, какую только можно было вообразить. Просто линия сверху вниз. Руна силы первородного льда, Иза.

Дженни нацарапала ее над трещиной, в потоке воды. И стала ждать.

Она слишком замерзла, чтобы сразу сообразить, что это сработало, но затем нащупала на стене острые зубцы.

Льющаяся из трещины вода замерзла. Хотя Дженни все еще оставалась в почти затопленной пещере, вода перестала подниматься.

«Я сделала это! Я остановила воду! Это лед, прекрасный лед! – Она возбужденно втянула носом воздух, не боясь, что задохнется. – О боже, как хорошо дышать! Руна подействовала!»

Дженни не могла управлять Сумеречным миром сама, но руны работали на кого угодно.

Через несколько минут она поняла, что погибнет в любом случае.

Не утонет – значит, замерзнет до смерти. Как холодно! Она промерзла насквозь. Находиться здесь все равно что плыть в океане в такую же ночь, когда затонул «Титаник». Она умрет от переохлаждения – потеряет сознание и утонет. И пойдет ко дну.

И ничего нельзя с этим поделать.

Дженни была уже слишком слаба, когда вспомнила о руне Кеназ. Если бы она смогла вспомнить ее... Если бы она смогла найти камень или пошевелить пальцами...

Но камня не было, руки замерзли и не слушались, а мысли путались, как будто она засыпала, Кеназ... Дженни пошевелила негнувшимися пальцами, но, конечно, никакого факела не появилось. Вода может превратиться в лед, но огонь просто так не разгорится. Она не изменит правила по своей прихоти.

Несвязные обрывки мышей крутились в голове. Уже не так больно. Не так сильно. И ничто не казалось срочным – все, что волновало несколько минут назад? перестало быть важным.

Помощь. У нее было смутное ощущение, что она может позвать на помощь. Но ей казалось, что существует какая-то причина, чтобы не делать этого.

«Меня не услышат. Вот в чем дело. В этом? Он в любом случае меня не услышит. Слишком далеко. Сейчас уже все равно. Ничто не имеет никакого значения. Гебо, – успела подумать Дженни, как раз перед тем, как соскользнула в воду. – Гебо, руна жертвоприношения».

7

«О, Том!»

Умирать не больно, но грустно. Больно думать о людях, которых она оставляла.

Она представляла себе родителей, думая о том, что они скажут, когда Ди и другие вернутся домой и все расскажут. Если Ди и другие вернутся домой и расскажут...

Ее мысли, беспорядочные и разрозненные, рассеивались, как пух одуванчика на ветру.

Мистер и миссис Паркер-Пирсон – родители Саммер – так страдали, когда потеряли Саммер. Дженни не хотела даже думать о том, что ее родители будут так же страдать.

А Том... Что будет с Томом? Может, Джулиан отпустит его. Нет причин держать его после смерти Дженни. Но это казалось невероятным. Джулиан – Сумеречный человек, а Сумеречные люди не способны на жалость.

Джулиан, должно быть, перенесет свой гнев на Тома.

«Пожалуйста, нет», – подумала Дженни... но это уже не имело значения. Даже ее грусть угасала сейчас – разбивалась и улетала прочь. Она умирала. И ничего не могла изменить.

Странно, однако, что мертвый человек может вдруг ощутить боль – физическую боль. Жжение. Ледяная вода уже давно перестала причинять страдание, и она не чувствовала собственного тела. Запертая в абсолютной темноте и тишине, онемевшая, чтобы что-либо ощущать. Казалось, что у нее вообще нет тела. Она была лишь скоплением блуждающих мыслей.

Откуда взялось это жжение? Сначала оно показалось далеким и легко преодолимым. Но не прекращалось, наоборот, становилось сильнее. Дженни почувствовала тепло: легкое, покалывающее тепло. И вместе с ним она снова стала ощущать свое тело.

Руки. Она чувствовала свои руки. И ноги – у нее были ноги. У нее было лицо, в которое вонзались тысячи крошечных жгучих иголок. Она почувствовала.

«Открой глаза», – приказала она себе.

Не получалось. Веки были слишком тяжелы, все тело болело! Ей снова захотелось вернуться в темноту, где не было боли.

«Дженни! Дженни!»

Ее имя, произнесенное с любовью и отчаянием.

«Бедный Том», – отрешенно подумала она.

Она нужна Тому, и он, должно быть, сходит с ума от беспокойства. Ей надо идти к Тому.

Но было больно.

«Дженни! Пожалуйста, Дженни, вернись...»

«О нет! Нет, не плачь. Все будет хорошо».

Есть только один путь, чтобы все было хорошо, – вернуться, постараться забыть эту ужасную боль.

«Хорошо, тогда сделай это!»

Дженни сконцентрировалась на тепле, пытаясь приблизить его. Подталкивая себя к нему. Боль была ужасной – болели легкие. Но если есть легкие, значит, можно дышать, «Дыши, девочка!»

Было чертовски больно, и темнота засасывала, пытаясь снова утащить ее вниз.

«Так держать, Дженни! Продолжай бороться! О, Дженни...»

Она с усилием открыла глаза. Золотой свет ослепил ее. Кто-то растирал ей руки.

«Я сделала это ради тебя, Том!»

Но это был не Том. Это был Джулиан.

Это он растирал ей руки и звал ее. Золотой свет плясал в его волосах, на лице.

«Это огонь», – поняла Дженни, которая находилась теперь в другой, сухой пещере, немного просторнее предыдущей. Девушка лежала в чем-то наподобие гнезда из белого меха,

очень мягком, удобном. Тепло возрождало ее к жизни.

Боль немного утихла, однако внутри Дженни по-прежнему ощущала твердый кусок льда. Она была слишком слаба и измождена, чтобы мыслить ясно. Это Джулиан, не Том – но она не могла до конца осознать это.

Он не был даже похож на Джулиана, потому что Дженни никогда не видела Джулиана испуганным. Но сейчас синие глаза потемнели от страха и широко раскрылись, как у ребенка, – от избытка чувств. Лицо Джулиана, всегда казавшееся высокомерным и надменным, даже в свете огня было бледным и худым – как будто кожа обтягивала кости, а от улыбки, всегда игрившей на его губах, не осталось и следа.

Но самым странным было то, что Джулиан, похоже, дрожал. Он прекратил растирать ладони Дженни, и крупная дрожь пробежала по его рукам. Дженни заметила, как часто он дышит, по тому, как поднимается и опускается его грудь.

– Я думал, ты умерла, – глухо сказал он.

– Я тоже так думала, – судорожно выдохнула Дженни.

– Вот. Выпей, это должно помочь. – И в следующую секунду он, поддерживая голову, поднес дымящуюся чашку к ее губам.

Жидкость была горячей и сладкой, она проникала теплым потоком в холодный комок внутри, избавляя от него и унося последние остатки боли.

Дженни почувствовала себя расслабленно; она лежала спокойно, впитывая жар огня.

Как странно... Джулиан был нежен... но ведь он никогда не был нежным. Он принадлежал к тому типу людей, которые не испытывают подобных чувств. Они черствы, не способны на жалость.

Она, возможно, даже не приняла бы его помощь, но он выглядел затравленным – как будто испытал смертельный страх.

– Я думал, что потерял тебя, – проговорил он.

– Значит, это не ты наслал воду?

Он лишь посмотрел на нее.

Не время упрекать друг друга. Может, ей следовало что-то сказать – например, о том, что он сделал ей в прошлом.

Он преследовал ее всеми мыслимыми способами.

Но сейчас, здесь, в этой маленькой пещере, в окружении скал, где не было никого, кроме них, а единственным звуком было мягкое потрескивание огня... все казалось таким далеким. Частью прошлой жизни. Джулиан не был похож на Сумеречного человека, не был похож на охотника. И потом, если он и был хищником, его жертва находилась перед ним, изможденная и беспомощная. У него никогда не было лучшего шанса. Если бы он захотел ее, у нее просто не хватило бы сил сопротивляться.

Вместо этого он, почерневший от беспокойства, смотрел на нее странным изумленным взглядом.

– Ты бы переживал, если б я умерла, – сказала она медленно.

Он секунду пристально вглядывался в нее, потом отвел взгляд.

– Ты что, и правда не знаешь? – произнес он не своим голосом.

Дженни не ответила. Она приподнялась на белом мягком ложе и села.

– Я уже говорила, что думаю о тебе.

– Да. Но...

Джулиан не скрывал, что любит ее, – но Дженни никогда не ощущала нежности в его чувствах.

Она должна была это сказать, но почему-то показалось неуместным признаваться в этом тому, кто выглядел таким потерянным. Как ребенок, который ждал удара.

– Но я никогда не понимала почему.

– Правда. – Это был даже не вопрос.

– Мы такие разные.

Безумие говорить об этом. Но они оба смотрели друг на друга спокойно, как никогда прежде. Пристально – но без вызова.

«Это что-то значит – смотреть кому-то в глаза так долго», – подумала Дженни. Ей не

стоило этого делать.

Но конечно ей с самого начала было интересно, что он мог увидеть в ней. Чтобы следить за ней так долго, с того времени, когда ей было всего пять лет, чтобы покинуть свой мир, прийти, выслеживать и подстеречь, как будто ни о чем другом он и не думал.

– Почему, Джулиан? – мягко спросила она.

– Тебе нужен перечень? – Его лицо было абсолютно непроницаемым, его голос был отрывистым и равнодушным.

– Что?

– Волосы, как янтарь, глаза, зеленые, как воды Нила, – произнес он, как показалось, совершенно бесстрастно. С таким же успехом он мог бы читать вслух домашнее задание. – Но дело не в цвете, а в выражении. В том, что они становятся глубокими и мягкими, когда ты думаешь. – Дженни открыла было рот, но он продолжал: – Кожа, которая светится, когда ты радуешься, золотое сияние тела...

– Но...

– Но существует много красивых девушек. Конечно. Ты другая. Есть что-то внутри тебя, что делает тебя другой, какой-то особый дух. Ты – невинна. Даже после всего, что с тобой произошло. Нежная. Но в душе как огонь.

– Я не такая, – возразила Дженни почти испуганно. – Одри говорит, что я слишком простая...

– Простая, как свет и воздух. Люди считают это само собой разумеющимся, но без этого они умерли бы.

Дженни была напугана. Этот новый Джулиан был опасен – он заставил ее почувствовать слабость и головокружение.

– Когда я увидел тебя в первый раз? Ты была как поток солнечного света. Все остальные хотели убить тебя. Они думали, я сошел с ума. Они смеялись...

«Он имеет в виду других Сумеречных людей», – подумала Дженни.

– Но я знал об этом, и я следил за тобой. Ты росла и становилась все более красивой. Ты была совсем не такой, как все остальные. Я не хотел убивать или использовать тебя, как это иногда делают с другими людьми. Ты была нужна мне.

Однако за полным безразличием в его голосе теперь скрывалось что-то еще.

«Это голод, – подумала Дженни, – но не холодный, озлобленный голод, который она видела и слышала в страшных глазах и шепчущих голосах Сумеречных людей. Похоже, Джулиан испытывает голод к тому, чего у него никогда не было, голод, наполненный парализующим желанием, которого он даже не осознает».

– Я не видел ничего другого, не слышал ничего другого. Все, о чем я мог думать, была ты. Я никогда никому не позволил бы причинить тебе страдание. Я знал, что должен заполучить тебя любыми путями. Они говорили, что я безумно влюбился в тебя.

Он поднялся и подошел ближе к огню, Дженни казалось, что она видит его в первый раз, она смотрела на него другими глазами. Он казался маленьким и незащищенным.

Все в мире замерло, только ее сердце стучало, и это приводило ее в ужас.

Она никогда не заботилась о том, что другие Сумеречные люди могут сказать Джулиану. Она знала, что он был самым молодым в их древнем роде, но никогда не задумывалась о его жизни, взглядах.

– Что это значит – быть... – Дженни колебалась.

– Быть Сумеречным человеком, наблюдать из темноты за всем, что происходит в мире, где нет теней? На земле есть цвета, которых здесь никогда не встретишь.

– Но ты можешь делать все, что хочешь. Ты можешь их создать.

– Это не одно и то же. Вещи здесь блекнут. Они недолговечны.

– Но тогда почему ты остаешься здесь? Вместо того чтобы смотреть на нас, ты мог бы... – Дженни снова умолкла, не договорив. «Боже, что я несу? Приглашать Сумеречного человека в свой собственный мир?» Она глубоко вздохнула. – Если бы ты мог измениться...

– Я не могу изменить себя. Никто из нас не может. Остальные девять миров не допускают нас, держат нас в своих пределах; там утверждают, что наша природа разрушительна. Нам нигде не рады, но мы всегда будем рядом, будем наблюдать. Из тени. – В его голосе было нечто

новое – горькая отчужденность. За этими словами скрывалась покорность. – Всегда, – закончил он.

– Всегда? Ты никогда не умрешь?

– Что не родилось, не может умереть. У нас есть начало, конечно. Наши имена вырезаны на доске рун, на специальной доске рун... – Он закончил фразу почти с насмешкой: – На Доске Жизни.

В дедушкином дневнике было что-то об этой доске. Картинка, нарисованная чернилами...

– Вырежи наши имена на доске – и мы оживем, – сказал Джулиан, – Уничтожь их – и мы исчезнем.

Это показалось Дженни бессердечным. Создания, которые оживали после вырезания знаков на дереве или камне.

«Как страшно быть Сумеречным человеком, – мелькнуло у нее в голове, – И как печально! Обречен собственной разрушительностью всегда оставаться неизменным».

Джулиан стоял спокойно у самого огня, пристально вглядываясь в темноту, лицо его было наполовину в тени.

Дженни вдруг подумала: что бы было, если бы он не пытался применять силу по отношению к ней?

С самого начала Джулиан использовал силу и обман. Он завлек ее в магазин «Иные игры», заставил купить игру, зная, что, когда она соберет картонный дом, он затянет ее в Сумеречный мир. Он взял ее в заложницы. Заставил играть в свою собственную дьявольскую игру, чтобы она попыталась завоевать свободу. Он угрожал ей, заставил ее друзей страдать, он убил Саммер. Он сделал все, чтобы вынудить ее подчиниться.

– Неужели ты не мог просто прийти и спросить? – пробормотала она.

Она говорила ему то же самое в башне картонного дома: «Неужели это никогда не приходило тебе в голову? Что ты мог просто появиться перед моей дверью, без игр, без угроз, и просто спросить меня?» Но тогда, в башне, эти слова были лишь уловкой, чтобы выбраться, и она не думала так на самом деле.

Сейчас она подумала именно об этом. А что, если Джулиан появился бы как-нибудь ночью из тени, например, когда она шла домой, и сказал бы ей, что любит ее? Что бы она сделала?

Она бы испугалась. Да. А потом? Если бы Джулиан, нежный, ранимый, как сейчас, приходил, дарил ей подарки?

Если бы она принимала его подарки...

Это было невозможно, слишком странно, чтобы случиться на самом деле, но подозрительно волнующе. Было слишком фантастично представить себя в роли принцессы с Князем тьмы в качестве супруга. Однако на мгновение в голове Дженни возникла яркая картинка. Она в черном шелке, в соболях, на черном мраморном троне в большом каменном зале, в вечных сумерках. Она становится равнодушной, забывая о мире, который оставила, – но, возможно, она счастлива от обретенной власти и положения. Будут ли рядом с ней маленькие создания из Сумеречного мира, которые прислуживали бы ей и заботились о ней? Будет ли она способна управлять так же, как это делает Джулиан?

Или, может, не черное платье, а белое, с маленькими сосульками, как в «Снежной королеве» Андерсена. И драгоценности в виде замороженных цветов на шее, и голубоглазый белый тигр, припавший к ее ногам.

Что бы подумали Ди и Одри, если бы увидели ее такой? Они сначала, наверное, испугались бы – но она подала бы им напитки, как тот в кружке, сладкие и горячие, И со временем они привыкли бы. Одри стала бы завидовать милым штучкам, а Ди – власти.

Что еще? Джулиан сказал, что у нее было бы все, что угодно... Если бы она могла иметь все, что хотела, без ограничений, не сдерживая воображение... Если бы она могла иметь все...

«Я бы хотела Тома».

Дженни на миг забыла о нем, потому что нарисованная ею картина совершенно не вязалась с его образом. Теплота и сила Тома, его ленивая улыбка совсем не вписывались в нее, да и Джулиан никогда бы не впустил его туда. Но Дженни не нужен другой мир, если в нем нет Тома.

Видение исчезло, и Дженни каким-то образом поняла, что оно никогда не возникнет снова, что оно существовало только мгновение, когда она поверила в это. Она никогда не забудет, но в то же время никогда не сможет снова представить себе эту ситуацию.

«Тем лучше», – неуверенно подумала она.

Она больше не хотела думать об этом.

Она вся дрожала, чувствуя опасность.

– Я согрелась, – сказала она, отбрасывая в сторону белый мех.

Все ее мысли были теперь сосредоточены на том, что ей нужно уходить. Она, конечно, должна поблагодарить его за то, что он спас ей жизнь, – хотя, если бы не Джулиан, она не оказалась бы в опасности.

Он не отрывал от нее глаз. Дженни смотрела в сторону, сосредоточившись на том, чтобы подняться. Когда ей это удалось, ноги подкосились. Она попыталась сделать шаг и споткнулась.

Он тут же оказался рядом.

Дженни почувствовала его теплые руки на своих плечах – он поддерживал ее. Она посмотрела на его обнаженную грудь под кожаным жилетом, вздымавшуюся в такт дыханию. Все вокруг было золотым от огня.

Дженни не хотелось смотреть ему в лицо, но каким-то образом это все-таки произошло.

Глаза Джулиана были по-прежнему широко открыты: неземная синева вокруг темных бездонных зрачков. Они всегда расширялись, когда он видел ее, но сейчас в этой одинокой глубине было что-то навязчивое.

– Извини меня, – прошептала она, с трудом представляя себе, что имела в виду, – Мне надо идти. Извини.

– Я знаю.

В это мгновение он, казалось, понимал это лучше, чем она сама. Он выглядел очень молодым, и очень уставшим, и обремененным чем-то, чего ей было не понять. Он слегка наклонился, его лицо оставалось по-прежнему серьезным.

Дженни закрыла глаза.

Этот поцелуй не был похож на прежние. Не потому, что он был мягче, – поцелуи Джулиана всегда были мягкими, по крайней мере поначалу. Не даже потому, что он был длительным, – поцелуи Джулиана почти всегда были длительными. Но он был другой – такой необычный, что мысли Дженни спутались и она смутилась.

Чувство... это было оно. Не просто ощущение, но эмоции. Такие сильные эмоции, что ее затрясло. Это был такой невинный поцелуй, такой безгрешный... Его теплые губы дрожали, касаясь ее губ. Как могла такая простая вещь так сильно растрогать ее?

Потому что она могла ощущать его чувства, поняла она. Когда она коснулась его губ, она чувствовала его боль, почти невыносимую боль человека, чье сердце разрывалось от печали. На этих теплых мягких губах был вкус невосполнимой потери. Если бы кто-то из них двоих умирал, такой поцелуй был бы в самый раз.

«Он так страдает, оттого что теряет меня?» – Дженни никогда не отличалась особой скромностью, но с трудом могла в это поверить.

Ей надо было бы полностью отбросить эту мысль – исключая то, что чувствовала она сама.

Она чувствовала... смятение.

Когда он отступил, Дженни была как будто в трансе. Она стояла, закрыв глаза, все еще полная чувств, и не могла пошевелиться. Слезы наворачивались на глаза.

А как же Том?

В шестом классе он сломал ногу и сидел в луже белый как полотно, но продолжал шутить, держа Дженни за руку и не показывая, как ему больно. Всякий раз он подбадривал Дженни, когда ей было страшно в кино или когда она плакала, жалея потерявшихся животных. Он не спал всю ночь, когда ей показалось, что Козетта, найденная на парковке кошечка, умирала. Он стал частью самой Дженни с семи лет.

Джулиан заставил его страдать.

Дженни пришла в себя и открыла глаза. Она отступила и увидела, как изменилось лицо Джулиана. Как будто он знал, о чем она думала.

– Я нужна Тому, – уверенно сказала она.

Джулиан зловеще улыбнулся, и это рассеяло туман в ее голове. Потерянность, растерянность исчезли, как будто их никогда и не было.

– О да, Томми нуждается в тебе, как в воздухе. Но мне ты нужна, как...

– Как что? – спросила Дженни, когда стало ясно, что он не собирается продолжать.

– Как свет, – сказал Джулиан с той же горькой улыбкой. – Ты – свет. Хорошо: как огонь – мотыльку. Я уже говорил однажды, что тебе не следует вмешиваться в запретные вещи, – я должен был последовать этому совету сам.

– Свет не может быть запретным, – возразила Дженни.

– Для меня – да. Он смертелен для Сумеречных людей. Свет убивает тени, разве ты не знаешь?

Это казалось ему забавным. Его настроение в очередной раз молниеносно сменилось и, глядя сейчас на его лицо, Дженни подумала: не были ли последние полчаса сном?

– Не думай, что, раз я вытащил тебя из воды, игра закончилась, – добавил он. – Нужны три золотых дублона, чтобы попасть к твоему драгоценному Томми. А часы тикают: тик-так...

– У меня уже есть один, помнишь? Я... – Дженни оборвала невнятную речь, сунув руку в карман джинсов. Швейцарский армейский нож был на месте, но золотой дублон, брошенный Джулианом в пещере, исчез. – Но он был у меня. Он, должно быть, выпал...

– Извини. У участника игры только одна попытка. Нельзя начать сначала...

– Ты... – Голос Дженни снова оборвался. Гнев растаял, но она почувствовала, что ожесточилась. Она, должно быть, сошла с ума, жалея Джулиана, – Джулиана! – но сейчас она все поняла. Они были противниками, как всегда, играли друг против друга в игре жестокой и безжалостной, как и сам Джулиан. – Я достану монеты – если ты дашь мне шанс. Здесь я мало что могу, – сказала она.

– Это правда. Выход слева. Пожалуйста, будь аккуратной и иди вперед. Мы надеемся, вам понравилась поездка.

Дженни повернулась и увидела прямоугольник тусклого света. Раньше его там не было. Она вздохнула и направилась к выходу, стараясь держаться прямо.

Дженни, не оглядываясь, подошла к выходу и увидела, что перед ней обычная двустворчатая дверь, – такая же, как на космических горках в Диснейленде. Она бросила быстрый взгляд через плечо: Джулиан стоял там, где она его оставила. Черный силуэт на фоне огня.

Дженни отвернулась и пошла вперед. Она видела крошечные далекие огни, много огней, искрящихся и описывающих круги, – ослепительную игру света.

– Что?... – прошептала она.

Что-то схватило ее.

8

– Слава богу! – прокричал кто-то в самое ухо.

Дженни держали тонкие, но очень сильные руки.

– Ди, ты до смерти напугала меня...

На противоположном берегу искусственного озера над каруселью горели огни. Карусель крутилась и Дженни слышала тихую музыку.

– Это ты до смерти напугала нас, – сказала Одри, – Где ты была последние два часа? Мы бежали вниз по стволу шахты, свод обваливался прямо за нами, и когда мы наконец добрались до выхода, поняли, что тебя с нами нет. Ди бросилась назад, и нас едва не завалило. Пришлось срочно выбираться, и мы оказались здесь, у аттракциона.

– Шум внутри пещеры прекратился, – объяснил Майкл, – а когда я оглянулся, стены опять были из стеклопластика.

– И никого, – добавила Ди, крепко обняв Дженни, – Мы обшарили все вокруг, но тебя не было. Обычный аттракцион «Рудник».

– Мы вышли через аварийный выход, – продолжала Одри, показывая пальцем на Дженни. – У меня вопрос: где была ты? Ты ведь видела его, да?

Дженни увидела себя в свете фонтана, расположенного поблизости. В прошлый раз он не был освещен. Джинсы мятые, но сухие, волосы растрепались и закудрявились, как бывает, когда сушишь их не расчесывая. Все предметы, которые она так тщательно запасала перед отправкой в Сумеречный мир, исчезли, даже фонарик.

– Я видела его, – коротко ответила она, не глядя на Одри. – Я узнала, в чем заключается новая игра.

Она объяснила, что нужно найти три дублона, чтобы попасть к Заку и Тому. Она умолчала о других Сумеречных людях, о поднимающейся воде в темной пещере и о том, что испытываешь, когда умираешь. Она хотела рассказать об этом с глаза на глаз или же поплакать и успокоиться, находясь в безопасности со своими друзьями. Но пока ни какой безопасностью и уединенностью и не пахло, кроме того – зачем тревожить остальных?

Что касается Джулиана и причудливой смены его настроения – она даже не хотела вспоминать об этом.

– Ну, по крайней мере, что-то мы получили от этого аттракциона, – подытожил Майкл. – Я имею в виду, что нас чуть не убило, мы потеряли большую часть своих запасов, но зато раздобыли оружие и теперь знаем, что делать. Что будет после того, как мы соберем дублоны?

– Я думаю, надо идти к мосту, как говорил тот мальчик в настоящем парке, – ответила Дженни. Она была благодарна друзьям и гордилась ими. Они были измучены и очень устали, у них осталось только два фонарика... но никто даже не заикнулся о том, чтобы сдаться. – Мост, должно быть, с другой стороны озера, – добавила она. – Когда мы попадем туда, полагаю, Джулиан не помешает перебраться на остров.

Дженни оглянулась на озеро. В воде отражались огни карусели и другие огни тоже – синие, зеленые, желтые, горевшие на самом острове. Тени от деревьев частично закрывали их.

Посреди острова стоял маяк, высокий и белый. Он выглядел точно так же, как и тот, который Дженни видела днем в настоящем парке, только сейчас он был подсвечен, как памятник Вашингтону. Как башня, в которой томится принцесса-пленница.

– Именно там Том и Зак, – прошептала она.

– Откуда начнем? – тоже негромко спросила Ди.

Дверь аварийного выхода вывела Дженни на улицу, неподалеку от главного входа в «Рудник».

– Ну, мы можем пойти налево, в Детскую страну, – предложила она, – или направо, вернуться к пруду. Или же обойти вокруг озера и дойти до карусели.

Майкл взъерошил рукой свои темные волосы.

– Лучше вокруг озера – это приведет нас к афише о конкурсе. Может, она даст нам ключ?

– Это там, где мы вошли сегодня вечером, – напомнила Одри. – Я имею в виду дверь с рунами.

Они миновали темную будку и направились вдоль плавного северного изгиба озера. Друзья очень внимательно следили, не появится ли очередной монстр вроде того, что напал на Ди, но ничего похожего не заметили. Зато когда они подошли к доске с афишей, Дженни услышала чей-то голос.

Низкий голос. Он напугал ее. Кто еще, помимо них, мог находиться в парке?

Она обогнула ели и увидела цирковой вагончик с красной крышей и серебряными решетками.

– Я Лео, лев, пожирающий бумагу, – произнесла морда, просовываясь сквозь прутья решетки.

Но это был не бодрый дружелюбный тенор Лео из настоящего парка, а искаженный, хриплый кибернетический голос на пару октав ниже.

– Очень странный, – прошептал Майкл.

Дженни осторожно подошла ближе, следуя за Ди. «Цирковой вагончик» сиял огнями. На фоне темных кустов он выглядел очень ярким. Животное было похоже на Лео из настоящего парка, с мордой цвета жженого сахара, темной гривой и раскрашенным телом. Взгляд Дженни остановился на этой морде, расплывшейся в вечной улыбке в форме буквы «О». Он выглядел так, как будто звал: «Э-эй».

– Я ем все подряд, – произнес механический зверь.

Майкл вздохнул.

– Зачем он здесь? Чтобы испугать нас? – спросила Одри, обходя «вагончик» на безопасном расстоянии.

Ди направила фонарик прямо в разинутую пластиковую пасть.

– Мне кажется, там внутри что-то есть! – воскликнула она.

– Ты шутишь. Ты ведь шутишь, да? – Дженни стояла прямо за Одри.

Ей не хотелось подходить ближе, – по ее мнению, асфальтированная дорожка была недостаточно широкой, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Ди опустила на колени и прищурилась.

– Что-то золотое, – подтвердила она. – Нет, правда. Я серьезно. Посмотрите внутрь.

Без особой радости Дженни достала фонарик и посветила в черную дыру. Действительно, внутри что-то блестело, но золото это было или серебро, она сказать не могла.

– Может, это обертка от жвачки? – предположила она без особой уверенности в голосе.

Ди положила руку ей на плечо:

– Только не говори, что у тебя были кошмары, связанные с Лео.

У Дженни их не было, по крайней мере, она не могла припомнить. Но этот лев пугал ее даже днем, а сейчас он выглядел вдвойне зловещим.

– Я не собираюсь засовывать туда руку, – заявил Майкл.

Ди ядовито улыбнулась:

– Нет, Одри может сделать это, у нее прекрасные длинные ногти. Как ты на это смотришь, Од?

– Не приставай к ней, – рассеянно сказала Дженни. – Что нам нужно сейчас, так это что-нибудь длинное, но удочка не подойдет, потому что она не подцепит монету. Может, просунем что-нибудь липкое на конце.

– Нет ничего лучше руки. Одри могла бы...

– Ди, прекрати! – Дженни бросила взгляд на стоявшую рядом подругу.

Она не знала, что за проблемы были сегодня у Ди и Одри – возможно, это была просто реакция на пережитое. Но сейчас не время для злого юмора Ди. Одри стояла чуть поодаль от всех остальных, презрительно прищурив глаза и поджав вишневые губы. Она выглядела спокойной и высокомерной.

– Лео всегда голоден. Покормите меня, – дребезжал все тот же механический голос.

Всякий раз, когда он произносил что-то, сердце Дженни замирало от страха. Она была в ужасе от того, что морда цвета жженого сахара вдруг зашевелится и, стоит на миг отвернуться, Лео тут же набросится на нее.

«Не может быть, он ведь пластиковый», – уговаривала себя Дженни.

Но казалось, что ее сердце остановится, если это случится. Тишина и темнота в парке делали этот говорящий мусорный бак еще более жутким.

Ди присела на корточки.

– Кажется, нужно не просто найти монеты – мы на самом деле должны достать их, что может оказаться очень трудным. Это игра-поиск.

– Поиск? – переспросила Дженни.

– Ага. Помнишь, как-то я рассказывала тебе, что игры можно разделить на несколько категорий. Первая, в которую Джулиан играл с нами, – где мы должны были до заката добраться до чердака дома, – игра-гонка.

– Точно. А вторая, когда за нами гнались животные, – игра-охота. Как прятки, – подхватила Дженни.

– Да. Ну а здесь другой тип игры, где нужно что-то найти, чтобы выиграть, – как поиски сокровищ или «горячо – холодно». Игра-поиск, такая же древняя, как и другие.

– Естественно, – подтвердил Майкл. – Люди вечные искатели – они обожают что-нибудь искать...

– Чашу Грааля, или правду, или пиратские клады – да мало ли что!

– Конечно, вы можете найти что-нибудь, чтобы накормить Лео-бумагопожирателя. Я умираю от голода.

Дженни подняла глаза, отвлеченная от теоретической дискуссии. Одри стояла около

«циркового вагончика», разглядывая свои ногти. Лак, обычно безупречный, немного облупился. Девушка казалась задумчивой.

– Давай, принцесса. Ну же! – поддразнивала ее Ди, черные глаза которой сверкали.

«Не глупи, Одри, – автоматическиотреагировала Дженни.

Впрочем, Одри никогда не совершала опрометчивых поступков, поэтому Дженни не произнесла этого вслух и, следовательно, в какой-то степени была ответственна за то, что случилось потом.

Одри сунула руку внутрь.

Майкл закричал, Дженни подпрыгнула. На какое-то мгновение показалось, что все обойдется.

Одри с застывшим лицом шарила внутри. Ее рука была погружена в бак по запястье.

– Я что-то нащупала! – закричала она.

Сердце Дженни глухо стучало. «Ох, Одри...» На губах Одри появилась торжествующая улыбка, подчеркивающая ее красоту.

– Она холодная, – я взяла ее!

Все дальнейшее произошло в мгновение ока.

Пластиковая морда цвета жженого сахара стала таять и потекла, как это бывает в кино при спецэффектах. Но в кино это показалось бы увлекательным, а здесь было реальностью, и такой ужасной, что Дженни замерла на месте.

Краски текли и меняли цвет, становясь сначала оливковыми, а потом ужасного серовато-кладбищенского оттенка со стальными разводами. Глаза провалились, и на их месте остались впадины. Пасть, казалось, огрызалась, обнажив длинные клыки, готовые захлопнуться, как капкан, на запястье Одри.

Все произошло столь стремительно, что даже Ди не успела пошевелиться. Одри тяжело задышала, затем завопила, подавшись вперед.

Ее руку засосало по локоть.

– Одри! – закричал Майкл.

Он в два шага подскочил к ней. Ди следом за ним с киркой.

«Ничего хорошего, – мелькнуло в голове Дженни. – Это даже не плоть, как та тварь, что вцепилась в Ди. Это камень, или металл, или еще что-то подобное».

– Не бей по нему, Ди, это не поможет! Мы должны вытянуть ее.

Существо – это был уже не лев, а какой-то отвратительный кибернетический зверь – стало теперь цвета древнего каменного истукана, покрытого мхом.

Одри вновь закричала, задышавшись, и ее тело задергалось. Нейлоновая куртка задралась до плеча, она собиралась в складки, как гармошка, по мере того как ее руку затягивало все глубже.

– Он оторвет мне руку!

Дженни с трудом дышала, Майкл дергал Одри.

– Нет, не тяни. Не тяни – больно!

«Нужен вазелин, – подумала Дженни, – или мыло, что-нибудь скользкое. Но у нас ничего нет».

– Ди, – сказала она, – попробуй киркой раздвинуть ему зубы. Майкл, будь готов и, когда это получится, тяни.

Одри кричала, Майкл тоже. Смутно, находясь в состоянии шока, Дженни заметила, что каменный зверь продолжал меняться, становясь все более уродливым. Ди засунула конец тяжелой кирки между серыми, покрытыми мхом клыками и надавила на ручку. Дженни тоже схватилась за нее, чтобы помочь.

– Тяжело!

Ди повисла на рукоятке кирки, и Дженни молилась, чтобы та не сломалась.

Она почувствовала, как что-то сдвинулось, – верхняя челюсть приподнялась, совсем чуть-чуть, как машина на домкрате.

– Тяни, Майкл!

Майкл потянул. Рука Одри освободилась.

Она закричала, но уже иначе – этот визг буквально пронзил душу Дженни.

Они упали на спину, когда кирка полетела вниз. Инстинктивно они попытались отползти

от «циркового вагончика», по-прежнему держась друг за друга.

И лишь тогда Дженни посмотрела на руку Одри.

На ней отчетливо виднелись следы зубов. Как будто острые камни поцарапали кожу и оставили отметины. Длинные, свежие, глубокие царапины начинали кровоточить.

– Одри, о боже, ты в порядке? – Майкл тяжело дышал.

Булькающим, урчащий голос произнес:

– Уверен, что завтра у меня заболит животик.

Дженни оглянулась. Киберзверь перестал меняться, его черты застыли в оскале.

Ди подняла сжатый кулак, вены проступили на ее тонкой руке.

– Я не думаю, что он может сдвинуться в нашу сторону, – произнесла она странно спокойным голосом.

Дженни взглянула на нее, но Ди отвернулась, и Дженни увидела лишь ее коротко стриженный затылок.

– У кого-нибудь есть аспирин? – спросила Дженни. – Я свой потеряла.

Майкл, раздевшись, пытался перевязать руку Одри своей майкой. Он засунул руку в карман.

– У меня есть, вот.

Левая рука Одри дрожала, когда она глотала таблетки, запивая их водой, молча предложенной Ди.

– Ты в порядке? – неуверенно спросила Дженни.

Одри глотнула еще воды. Ее ресницы казались особенно темными на фоне бледных щек. Она откинулась назад, прислонилась к Майклу. Бледная, как фарфор, и такая же хрупкая, она все же кивнула.

– В самом деле? Ты можешь двигаться?

На хлопчатобумажной ткани проступили розовые пятна, но Дженни волновали не порезы. Она боялась, что у Одри вывихнуто плечо.

Одри кивнула. Легкая улыбка появилась на ее губах. Она подняла правую забинтованную руку и повертела ею. Затем медленно разжала кулак.

На ее ладони лежала золотая монета.

Майкл рассмеялся.

– Ты достала ее! Ты не дала ей исчезнуть, малышка, – Он, как медведь, схватил Одри и стиснул ее в объятиях.

– Можешь меня поцеловать, – улыбнулась Одри, – только не дави на руку. – Она повернула голову к Ди. – Хорошо, что твоя кирка оказалась прочной.

Это было очень благородно, но Ди, казалось, восприняла ее слова как оскорбление. По крайней мере когда, Дженни посмотрела в ее сторону, то увидела, как напряглись ее темные скулы.

– Если вы в состоянии идти, то лучше пойдем, – сказала Ди. – Здесь мы на самом виду и кто угодно может к нам подкрасться.

Дженни помогла Одри подняться, пока Майкл надевал свитер. Уродливая горгулья, в которую превратился лев за решеткой, наблюдала за ними.

– Что будем делать с монетой? – спросила Одри.

– Я возьму ее, – Дженни положила монету в кармашек бледно-голубой рубашки и застегнула его. – Если доберемся до карусели, то сможем отдохнуть. За ней есть беседка.

Карусель погрузилась в темноту, но над мерцающей озерной водой Дженни видела свет маяка. Где-то там Том и Зак, и Дженни обязана до них добраться, что бы ни случилось.

Одри не захотела долго отдыхать.

– Если не встану сейчас – я не встану никогда. Куда пойдем?

– Тот лев был освещен и работал, – напомнил Майкл. – И в нем был дублон.

– Тогда поищем еще что-нибудь работающее?

– Мне не нравится, что нами управляют, – проворчала Ди, но без обычной уверенности в голосе.

Дженни волновалась за нее. Конечно, Ди не хотела, чтобы кто-нибудь пострадал, она просто дразнила Одри. Но то, во что это вылилось...

– Что это за огни там, внизу? – спросил Майкл.

За каруселью, между темными деревьями, сверкали крошечные белые огоньки.

– Думаю... думаю, это зал игровых автоматов, – ответила Дженни.

– Ну так он работает, – заметил Майкл.

– Allons-y!⁴ – скомандовала Одри.

Они миновали темную карусель и аттракцион с ракетами, стоящими на земле, потом дорожка повернула в сторону, и они увидели здание.

Сотни маленьких белых огоньков горели вокруг вывески: *«ЗАЛ ИГРОВЫХ АВТОМАТОВ»*.

Дженни тотчас же остановилась.

– Но он не такой, как днем! Он как будто, – вдруг поняла она, – как будто такой, как раньше. Так выглядели залы игровых автоматов, когда я была маленькой! Я помню.

– Ну так он открыт, – повторил Майкл.

Двери были широко раскрыты, приглашая войти, Дженни стало не по себе, когда они осторожно ступили на порог. Она терялась в догадках, почему Джулиан сделал зал таким, но не сомневалась, что здесь не обошлось без подвоха.

Тем не менее у нее возникло странное желание увидеть, что там внутри. Сейчас на месте светящейся, безупречной хайтековской «страны чудес», которую она видела в настоящем парке сегодня, была темная, довольно грязная комната, заставленная старинными деревянными ящиками-автоматами.

«Автоматы, – вспомнила Дженни. – Так дедушка называл ящики с движущимися фигурками внутри».

Она помнила, как он приводил ее сюда, опускал десять центов в отверстие для монет и наблюдал за механическими сценками.

У дедушки, казалось, всегда находилось время для нее. Так как она была еще маленькая, она знала только, что он был профессором чего-то, но, кажется, никогда не ходил на работу. Он всегда был дома, когда Дженни и Зак приезжали к нему, если только не путешествовал. Он много путешествовал и всегда привозил подарки.

– Что там? Там – в конце комнаты, – спросил Майкл.

Дженни посмотрела в ту сторону, но увидела только автоматы.

– Исчезло. Я подумал, это одна из маленьких тварей, удирающих от нас. – Он нашел что-то. – Эй, хотите арахис в сахаре? Я обнаружил кучу мелочи вместе с аспирином.

Автомат выплюнул покрытый сахаром арахис, очень старый, и квадратную жвачку. Дженни немного успокоилась. Им было интересно. Здесь были кинескоп, и музыкальный автомат, и всевозможные механические фигурки.

– *«Танец Оле Варна»*, – прочитала Дженни на одном из автоматов. – *Смотрите, как они пляшут, как вертятся. Опустите две монетки»*.

Маленькие фигурки были вырезаны из цельных кусочков дерева и двигались с помощью проволочек, Их деревянные рты были нелепо раскрыты.

– Как ты думаешь, можно дотрагиваться до чего-нибудь? – спросила Одри»

Дженни поняла, что она имела в виду: после того, что случилось с Лео, мысль о приведении в действие чего-либо механического не доставляла ей удовольствия.

– Думаю, придется, – медленно сказала Дженни. – А если монета в одном из них? Только будем держаться от них подальше. Если что-нибудь заработает само – бегите.

– И проверяйте отверстия для монет, – благоразумно предложила Одри, – Нет места лучше, чтобы спрятать дублон.

Они с опаской стали продвигаться по темной комнате, держась вместе и проверяя ящики сверху и снизу, не блестит ли там золото.

Майкл нашел «Волшебный фонарь» и осторожно крутил ручку, наклоняясь, чтобы через окуляры посмотреть фильм из быстро переворачивающихся картинок *«СМОТРИТЕ, КАК ЗАГОРАЕТ НА СОЛНЦЕ МАРИЕТТА»*. На отделанном латунию аппарате была табличка с

⁴ Пошли туда (фр.).

надписью: «ПРОШЛА ЦЕНЗУРУ В НЬЮ-ЙОРКЕ, 12 окт. 1987».

– Рука заболела, – пожаловался он спустя некоторое время. – Это просто какая-то дама, завернутая в простыню.

Одри задержалась перед автоматом с искусной резьбой, покрашенной золотой краской, поблекшей и наполовину стершейся. Ди нашла автомат, похожий на дедушкины часы, на котором было написано: «ПОСМОТРИТЕ НА СТРАШНОГО МОНСТРА! УЖАСНЫЙ! ШОКИРУЮЩИЙ! ВСЕГО ПЯТЬ ЦЕНТОВ!» Дженни знала этот автомат: вы опускаете деньги и смотрите... в зеркало.

Дженни отважилась пройти дальше по коридору. Нет, не силомер – она не хотела до него дотрагиваться.

Вон там довольно потертый автомат с темным стеклом. На табличке написано: «СПРОСИТЕ У МАГА. ОПУСТИТЕ ДЕСЯТЬ ЦЕНТОВ, И МАГ ПРЕДСКАЖЕТ ВАШЕ БУДУЩЕЕ». Внизу надпись: «Получите предсказание здесь».

Дженни всегда любила автоматы, выдающие карточки с предсказаниями. Она обожала эти безобразные предсказания о том, выйдешь ли ты замуж или как сложится твоя карьера.

Она вытащила десять центов и поднесла к отверстию для монет. Внезапное предчувствие пронзило ее, как будто предупреждая: остановись и подумай, прежде чем сделать что-то опрометчивое.

Но что опрометчивого было в обращении к механическому магу? И они ведь все равно должны осмотреть это место.

Она опустила монетку.

9

После того как монета провалилась внутрь, Дженни услышала слабое жужжание, потом тиканье. Потом внутри загорелись две электрические лампочки.

Лампочки осветили колдуна ростом фута в два, у него был на удивление печальный и измученный вид. Дженни смотрела, как он двигается толчками, словно часы. Его глаза открывались и закрывались, а брови поднимались и опускались, Нижняя губа мага, казалось, шевелилась, прикрытая бородой, как будто он что-то бормотал про себя. Лицо было румяное, с пунцовыми губами и густыми тенями под глазами. Дженни увидела слой потрескавшейся краски на щеках.

«Несчастный», – подумала она.

Как бы абсурдно это ни было, она сочувствовала механическому магу. Он, несомненно, находился в плохом состоянии. Накрашенные ресницы потускнели, а черная бархатная накидка покрылась красноватой пылью.

У Дженни возникло странное ощущение, сдавило грудь. Было смешно, что она почувствовала что-то по отношению к игрушке. Но та выглядела жалкой – запертая в ящике, задняя стенка которого была обита потертым красным бархатом.

И что-то было в фигуре... что-то в лице...

Колдун сжимал в кулаке облупившуюся палочку. Он поднимал ее и ударял об стол перед собой – Дженни разглядела следы многочисленных ударов.

Глаза мага открывались и закрывались, вращаясь в разные стороны, Они не смотрели на палочку...

Его нижняя губа двигалась, обнажая покрашенные белой краской зубы. Он, казалось, разговаривал сам с собой.

Дженни была зачарована толчкообразными движениями колдуна, почти яростными движениями, но не могла понять почему, а между тем ей становилось все страшнее и страшнее.

«Это потому, что он похож на бездомных детей из приюта, – сказала она себе. – Поэтому и показался мне таким знакомым».

Нет. Было что-то еще в этом пластиковом лице с застывшим выражением несказанной грусти.

Стеклянные глаза глядели прямо на Дженни. Темные, усталые.

Дженни поняла.

«ПОГОВОРИТЕ С ДУХАМИ. ЗАДАЙТЕ ЛЮБОЙ ВОПРОС, И ВЫ ПОЛУЧИТЕ ОТВЕТ, ДЕСЯТЬ ЦЕНТОВ».

Дженни знала такого рода игры. Окно загоралось, и череп в окне то кивал, то отрицательно качал головой.

Ее словно окатило ледяной волной, такой же, как вода в шахте.

– Сделай это, Майкл, – прошептала она и затаила дыхание.

Майкл вытер губы тыльной стороной ладони, неуверенно взглянул на Дженни, потом опустил монетку внутрь.

Стекло осветилось, показав две головы с закрытыми глазами. Они подсвечивались снизу призрачным синим светом.

Увидев их, Одри приглушенно вскрикнула, Майкл икнул. Ди до боли сжала руку Дженни.

– Теперь вы мне верите? – спросила Дженни, – Они здесь, они все здесь.

Майкл зажимал рот рукой, Ди обнимала Дженни. Одри хрипела.

Никто не ответил. В ящике были головы Слага и Пи-Си. Голубой свет освещал их потрескавшиеся губы. Они, казалось, были без сознания, но невидимые руки будто тянули их за волосы, заставляя кивать.

«Вы, ребята, были такими крутыми, – подумала Дженни, не в состоянии отвернуться от смертельно бледных лиц. – Какие отвратительные мальчишки! Ворвались в дом, украли игру. Вторглись в Сумеречный мир без приглашения. Теперь вы оба здесь и выглядите такими жалкими. И...»

– Саммер, – захныкала Дженни. – Если Саммер... если Саммер...

– Дженни...

– Если мы найдем Саммер такой...

Раздался щелчок. Ди схватила карточку прежде Дженни.

– Что там?

Ди медленно повернула карточку:

ПОСМОТРИТЕ «В ДОМЕ СМЕХА».

– По крайней мере, это, не автомат, – сказала Ди.

Майкл спросил:

– Думаешь, это касается Саммер?

– Возможно. Или это ключ к дублону.

Одри закрыла глаза ладонями.

– Я не вынесу. Сделайте что-нибудь, чтобы они остановились! – закричала она.

Головы мирно качались вверх и вниз, вверх и вниз.

– Полагаю, это ответ на наш вопрос, – сказал Майкл.

– Да, но на какой из них – о Саммер или о дублоне?

– Мне все равно, я хочу выбраться отсюда! – билась в истерике Одри.

– Мы не можем уйти, – возразила Дженни. – Мы не можем его оставить. – Она поднялась, опираясь на автомат с магом-предсказателем, и обхватила его руками, глядя сквозь стекло. – Я должна ему помочь.

– Дженни, – Ди нежно тронула ее за локоть. – Ты ничего не можешь сделать для него. – Так как Дженни не отрывала взгляда от стекла, она добавила: – Хорошо, что ты собираешься делать?

Дженни не знала. Остаться здесь, с ним? Разбить ящик вдребезги? Но что тогда? Сможет ли она выдержать и взять в руки то, что там, внутри, обнять эту огромную куклу? Если она разобьет куклу, убьет ли это ее бабушку? Или он останется жить?

Он бы предпочел умереть, чем оставаться таким, она это знала. Но как убить то, что не было живым, а только запертным внутри?

– О, мне очень жаль, – прошептала она, прижимая руку к стеклу. – Мне так жаль. Мне так жаль...

Это была ее вина – он ушел вместо нее. Отдал себя Сумеречным людям.

Но Ди была права. Сейчас Дженни ничего не могла для него сделать.

Она провела рукой по стеклу.

– Пошли в «Дом смеха».

По дороге она оглянулась, чтобы еще раз посмотреть на мага, печально глядящего темными, широко раскрытыми глазами.

– Я вернусь, – пообещала она. – И когда вернусь, помогу тебе.

Две головы по-прежнему кивали в своем автомате.

Назад в темноту. Дженни пожалела, что у нее нет карты.

– «Дом смеха» недалеко от входа, – рассуждала она, – значит, надо идти по этой дороге. – Она указала на дорогу, по которой они пришли.

– Да, но если мы пойдем немного левее, мы можем срезать. – Ди стала разговорчивее, чем была после случая с Одри, но в ее голосе все еще слышалось беспокойство.

Они прошли мимо туалетов, мимо группы деревьев, мимо киоска с прохладительными напитками. Атракционы были темными. И «Дом смеха», когда они подходили к нему, не освещал ни единый огонек.

Потом раздался жуткий звук. Две долгие дрожащие ноты, повторяющиеся снова и снова, Дженни узнала их.

Свет шел от Ноева ковчега, освещая сначала крышу, потом окна. Дженни увидела животных: слона, страуса, гиппопотама и Ноя с хитрым выражением лица.

Радуга начала раскачиваться.

– Похоже, нас приглашают войти, – без особого энтузиазма сказал Майкл.

Они прошли через пасть кита, ступая по пористому розовому языку. Внутри возникло ощущение качки. Дженни ощутила приступ тошноты.

Она мало что могла разглядеть вокруг. Белая нейлоновая куртка Одри выделялась в темноте, блестели глаза Ди.

«Надо найти пульт управления, – подумала Дженни, – Должен же быть выключатель!»

Она оглянулась, – дверь, в которую они вошли, исчезла. Вместо нее появилась стеклянная будка, внутри угадывался силуэт человека.

Саммер! Сердце Дженни забило часто-часто. Она сделала шаг к будке, потом остановилась. Сделала еще шаг, протянув руку к стеклу.

«О боже, я не хочу этого видеть!»

В будке зажегся свет.

Дикий смех ударил по ушам Дженни. Это был какой-то безумный звук, и он так испугал ее сначала, что она не могла понять, что именно видит.

Потом она сосредоточилась на фигуре. Это была чрезвычайно толстая женщина с торчащими клыками, с веснушками, похожими на родинки, и тонкими волосами. Она махала перед собой руками и гоготала.

«Я помню! Смех. О, как же ее звали? Смеющаяся Лизи. Она и раньше была в зале игровых автоматов и всегда пугала меня».

Дженни внимательно изучила красное лицо.

Могла ли Саммер быть внутри нее?

Саммер была очень миниатюрной, с ямочками на щеках, с пушистыми светлыми волосами и голубыми глазами. Она была такой же легкой, как цветочные лепестки, уносимые ветром. Могли ли они разрушить ее тело и поместить ее душу в эту раздутую пластиковую куклу? Или, может, она стала как Пи-Си и Слаг?

Дженни взглянула на остальных:

– Давайте пойдем дальше.

Они пробирались по извилистым коридорам с колеблющимся полом. Синий бегемот глазел на Дженни, змея свалилась с потолка прямо к ее ногам. Со всех сторон гремела музыка – какофония звуков, из-за которых Дженни едва слышала своих друзей.

Было сложно обследовать экспонаты. Перед многими из них были натянуты цепи, так что их приходилось отбрасывать в сторону. Все, что хотя бы смутно напоминало человека, надо было осмотреть, все, что походило на золото, тщательно исследовать.

– Все здесь выглядит подозрительно, – сказал Майкл, когда они с изумлением наблюдали за смеющимся человеком с тремя лицами, которые медленно сменяли одно другое.

Больше всего Дженни смущали зеркала. Они имитировали бесконечные ямы в полу, отражали лучи света вниз, в бесконечность. Они путали ее, дублируя ее широко открытые глаза, медные волосы Одри, бледное решительное лицо Майкла. Они отражали плавные движения Ди, и казалось, будто целая дюжина камуфляжных курток расходилась в разных направлениях.

«Зак тоже всегда ненавидел зеркала», – вспомнила Дженни, поворачивая за угол.

Достаточно того, что Джулиан поместил их в картонный дом, как в ночной кошмар. Она вдруг поняла, что давно не вспоминала о кузене. Она была слишком занята Томом – и тем, как выжить.

Но ей действительно не хватало Зака. Она скучала по его серым глазам, острым чертам лица, его сдержанности. Даже если бы Том спасся, она должна была прийти в Сумеречный мир и потребовать вернуть Зака.

– Ух! – воскликнула Ди. – Что это?

Они вышли из зеркального лабиринта и оказались в темном, продуваемом ветрами коридоре с неустойчивым полом. На каждом шагу были экспонаты – очень похожие на музейные, только Дженни никогда не видела такого в музеях.

– Отвратительно, – сказал Майкл, вздыхая. – «Реплогл», отвратительно...

На самом деле «Реплогл» было названием компании по производству карт, но Майкл подумал, что это какое-то прилагательное.

Он пытался взбодриться.

«Потому что, – подумала Дженни, – экспонаты действительно ужасны. Это сцены пыток».

Восковые фигуры представляли жертв и палачей. Кое-какие предметы Дженни узнала. Дыба. Виселица. Колодки.

А некоторые были совершенно жуткими и незнакомыми. Сапоги с ручками, как у тисков из мастерской отца Тома.

«Чтобы дробить кости», – предположила Дженни.

Нелепые металлические шлемы с железными захватами по бокам, которые душили жертву. Клетки, слишком тесные, чтобы в них находиться. Всевозможные устройства, чтобы жечь, резать, калечить.

– Днем здесь этого не было, – сказала Одри.

– Думаю, это моя вина, – призналась Ди, – Я была однажды в Сан-Франциско с мамой, и там была «Рыбацкая пристань» – как комната ужасов, знаете? Мне потом годами снились кошмары.

Она резко отвернулась и прислонилась к стене, опустив голову и тяжело дыша. Дженни вглядывалась в темноту.

– Ди?

– Да? Подождите минуту.

– Что ты бормочешь?

– Это... это... м-м... помогает, когда ты выведен из равновесия. Я нашла это в... – сделала она паузу, – старой китайской рукописи.

– На каком диалекте? – спросила Одри.

– Ну хорошо, это из фильма о кунг-фу. Но оно помогает. Оно довольно длинное, но в конце есть слова: «Я сильна настолько, насколько должна быть. Я сама себе хозяйка».

– Я сама себе хозяйка, – повторила Дженни.

Ей понравилось это. Джулиан и его люди, должно быть, хозяева этого мира, но не ее хозяева. Никто не станет ее хозяином, пока она этого не позволит.

– Помогает? – спросила Ди.

– Вполне. Думаю, что я не упаду в обморок и меня не вырвет прямо сейчас.

Эта ситуация заставила Дженни испытать шок. Мысль о том, что Ди боится, была так ужасна, что она не могла совладать с ней. Ди никогда ничего не боялась.

– Я стану членом Международной коллегии по амнистии, если когда-нибудь выберусь отсюда, – пробормотала Ди. – Клянусь, клянусь!

– Мы с мамой уже состоим в ней, – сказала Одри.

«Миссис Майерс?» – подумала Дженни, а Ди спросила:

– Твоя мама?

Мама Одри была светской дамой, делала вкусные бутерброды и устраивала благотворительные показы мод. Они с Ди не ладили.

– Может, эта организация и нужна для чего-нибудь, – пробормотала Ди.

Дженни не покидало нехорошее предчувствие. Она бы хотела бежать вперед, чтобы как можно меньше видеть.

Но это было невозможно. Они должны были проверять каждую фигуру, всматриваться в неживые лица восковых фигур с сильно блестящими в свете прожекторов зубами, с каким-то неестественным румянцем, как будто верхние слои кожи были прозрачными, а он просвечивал сквозь них.

Ни одна пара стеклянных глаз не была похожа на глаза Саммер. И никто не двигался, хотя у Дженни было постоянное ощущение, что их веки вот-вот дрогнут, а грудная клетка начнет подниматься.

«Если они оживут, я сойду с ума», – подумала она почти отрешенно.

– Дженни... – Голос Майкла казался удивленный.

Дженни обернулась.

– Голубой сверток, – сказал Майкл, и Дженни поняла, что он имел в виду.

Сверток точно такого же цвета, как и платок Саммер, лежал на столе. Над ним на ржавых цепях был подвешен огромный деревянный диск с окровавленными железными шипами.

Забавно, что Дженни так хорошо запомнила этот наряд. Саммер появилась в нем в день рождения Тома и выглядела абсолютно нелепо, так как на улице подморозило.

Тончайшая голубая ткань полностью прикрывала тело. Но Дженни заметила обутые в босоножки ноги и мягкие светлые кудри.

И застыла в оцепенении.

Это произошло так внезапно: она не была готова. Она знала, что смерть в Сумеречном мире вовсе не означала, что тебя хоронят или ты исчезаешь. Они искали Саммер, и она могла быть перевоплотена.

После сна Майкла она позволила себе думать о том, что они еще не окончательно потеряли Саммер.

Но сейчас, когда она лоб в лоб столкнулась с этой возможностью, она не могла справиться с собой. Дженни не хотела смотреть, не хотела знать. Она взглянула на остальных и увидела, что они тоже парализованы страхом.

«Ты должна посмотреть. Ты должна сделать это. Это может быть обычная восковая фигура, и это не кровь, а краска».

Она отлично понимала, что все это иррационально, необъяснимо, что перед ней, возможно, не обычная восковая фигура и не было никаких причин думать, что на шипах не кровь. После всего, что она видела в Сумеречном мире, после того? что произошло со Слагом, Пи-Си и ее дедом, она знала это.

Но ее сознание должно было что-то подсказать.

Деревянный диск покачивался на цепях.

«Я могу сделать это. Я могу сделать это. Я сильная».

Дженни медленно приблизилась. Она увидела кудри такого же цвета, что и волосы Саммер, и маленькие ручки. Она не видела лица.

Диск качался и скрипел.

С внезапным воодушевлением Дженни подумала: «Я сама себе хозяйка». И дотронулась до фигуры.

– Берегись! – крикнула Ди.

10

Над Дженни раздался лязг разматывающейся цепи. Прежде чем какая-нибудь разумная мысль пришла ей в голову, она столкнула со стола тело в голубом платье из китайского шелка.

Недостаточно быстро. Диск упал вниз, отклонился в сторону и пронесся рядом с Дженни черной молнией.

Ди, проворно выбросив ногу, ударила по диску каблуком, один раз, потом другой. Диск отбросило в сторону, и он с шумом упал рядом со столом. Стол опрокинулся, и Ди растянулась на полу рядом с Дженни.

Сверток зашевелился.

Шок уничтожил все возможные мысли в голоде Дженни, все предположения о том, кто одет в голубое платье.

Было вполне естественным увидеть милое личико Саммер с румяными, как розы после дождя, щеками и заспанными голубыми глазами.

Саммер зевнула и потерла глаза.

– Я так устала. Что это за грохот?

Ди поднялась и осторожно подошла к ней. Одри и Майкл тоже.

– Оно... мертвое? – хрипло спросил Майкл.

Дженни знала, что он имел в виду. То, что Саммер могла говорить, еще не означало, что она не мертва – не здесь, в Сумеречном мире.

Но Саммер была теплой и выглядела живой.

У Дженни закружилась голова. Она не могла вымолвить ни слова. Никто не мог ничего сказать. Они молча уставились на Саммер.

Глаза Саммер испуганно округлились.

– В чем дело? – тихо спросила она. – В чем... Как долго я спала?

Одри медленно наклонилась к ней.

– Саммер?... – прошептала она, как будто нашла самое незнакомое слово в лексике всех языков, которые знала.

– В чем дело? – повторила Саммер.

– Как ты думаешь, сколько ты спала? – проворчал Майкл. – Что ты помнишь?

– Ну, я была... Мы все были... – Саммер выглядела смущенной, – Ну, я была в том коридоре... а потом вы нашли меня... и потом мы пошли в мою спальню. Только это была не моя спальня. А потом...

Она замерла, рот открылся, как у птенца.

– Подруга, – сказала Ди и беспомощно махнула рукой.

– Случилось что-то плохое.

– Да, но тебе не нужно думать об этом.

– Я ничего не помню. Только то, что было плохо. Меня ранили? Я потеряла сознание?

Ди посмотрела на Дженни, та – на Одри и Майкла.

– Думаю, это действительно она, – сказал Майкл.

– Это она, – согласилась Ди и, проворно подойдя к Саммер, лихорадочно ощупала ее руки и ноги. – С тобой все в порядке? Правда, в порядке?

– Ой!

– Саммер! – резко вскрикнула Дженни и истерично засмеялась.

А потом расплакалась.

Это было заразительно. Одри тоже начала смеяться и плакать одновременно. Майкл засопел.

Дженни не знала, что с ней случилось. Ее сердце учащенно билось – но оно билось и до этого. У нее кружилась голова – но с тех пор, как она вошла в Сумеречный мир, у нее периодически кружилась голова.

Однако теперь все было по-другому. Это было похоже на боль, но это была не боль. Это пронеслось по всему ее телу, от пальцев ног устремляясь вверх. Она действительно чувствовала себя легкой, как будто поднималась к потолку.

Ее разум отказывался принять тот факт, что Саммер находилась здесь, в своем собственном теле, разговаривала и двигалась и, казалось, была в полном порядке. И даже без синяков.

У нее был порыв связать Саммер и спрятать ее где-нибудь подальше отсюда, завернуть ее в тонкую оберточную бумагу, держать в безопасности. Доставить в убежище, прежде чем с ней что-то случится.

Но убежища не было. Саммер жива, но по-прежнему в опасности. У нее такие же шансы,

как и у остальных.

И что угодно могло случиться прежде, чем они окажутся дома.

Эта мысль помогла Дженни, прекратились головокружение и дрожь внутри. Она попыталась представить младшего брата Саммер, Кэма, его хулиганистое выражение лица, и задумчивые голубые глаза, и как он будет выглядеть, когда снова увидит свою сестру. Картинка не проявлялась, она была слишком хорошей, невероятно хорошей. Но сейчас, когда она поняла, что этого может никогда не случиться, ей стало спокойнее. В данный момент более вероятным казалось, что это всего лишь возможность, и письма призрачная.

– Тем не менее я постараюсь вытащить тебя отсюда, – сказала она и пожалела, что произнесла это вслух, когда Саммер подняла на нее глаза.

– Я знаю, ты это сделаешь, – улыбнулась в ответ Саммер, как доверчивым ребенком. – Я ненавижу этот картонный дом. Мы сейчас будем искать Зака? Разве не он следующий?

Дженни вздрогнула, когда поняла, как много придется объяснить подруге. Где бы ни была Саммер с момента их последней встречи, она, очевидно, ничего не помнит.

– Ну, может, стоит поговорить об этом позже. Когда выберемся отсюда, например, – предложил Майкл, устремляя на Дженни сосредоточенный взгляд, – Мне как-то не по себе.

Да. Им надо выбраться из этой страшной комнаты, пока очередное бревно не упало на них. Привычные заботы погасили дрожь в теле Дженни. Не то чтобы она стала менее счастлива – она была счастливее теперь, когда ей удалось преодолеть собственное неверие. Первая радость была болезненной, но сейчас спокойствие охватило ее. Что бы ни случилось, она вытащит Саммер из «Дома смеха» в такое место, где они смогут отдохнуть и поговорить.

Пока она помогала Ди поднять Саммер, она увидела глаза.

Такие же глаза она видела в затопленной пещере. Они светились бледным огнем. Они злобно смотрели из коридора позади Дженни.

Дженни обняла Саммер за плечи, развернув ее так, чтобы подруга ничего не заметила.

«Они не тронут тебя. Обещаю. Я им не позволю».

Именно это она намеревалась сделать. Счастье обернуло ее защитным покровом. Сумеречные люди могут сколько угодно глазеть на них, но они и близко не подойдут к Саммер.

К ее облегчению, испытания в «Доме смеха» закончились. Узкий коридор через несколько поворотов вывел их в маленькую комнатку с вращающейся дверью и неоновой табличкой «Выход».

– Сделано, – вздохнула Ди.

Дженни задумалась о том, видела ли Ди глаза.

Саммер высвободилась из рук Дженни.

– Подождите, посмотрите туда! – Ее голос был такой же, как всегда: ребяческий, нетерпеливый.

Дженни с трудом могла поверить, что слышит его снова.

Саммер стояла напротив автомата со сладостями, какие Дженни видела в игральном зале. Она засунула свои пальчики в карман платья.

– У кого-нибудь есть мелочь? Я до смерти хочу шоколада.

– Уф, – Майкл посмотрел на Дженни, – Думаю, нам бы лучше...

– Нам надо убираться отсюда, – решительно сказала Ди.

– Но я умираю от голода. Это займет только секунду...

Майкл снова посмотрел на Дженни, и она согласилась.

– Ну, дай ей монету, чтобы мы могли уйти. – И снова посмотрела в черный коридор в поисках глаз.

Конфеты, орехи – с этим все было в порядке; она надеялась, что так и будет. Она слышала, как Саммер бросила монету и повернула ручку, а потом раздался звук падающих «M&M's».

– Надеюсь, зеленых будет не очень много, – сказала Саммер.

Ди предложила:

– Я сама открою. Не спрашивай почему, Саммер.

– Только не суй туда руки, – попросила Одри, и Дженни повернулась, чтобы посмотреть, как отреагировала Ди.

Когда конфеты посыпались в руки Ди, та взвизгнула, и Дженни, забыв обо всем, подбежала к ней.

Ей хватило времени, чтобы мгновенно представить всякую жуть, которая могла выскочить из автомата. Мертвые жуки, раскаленные докрасна монеты, капли кислоты... Почему она не предусмотрела... Она была на расстоянии шага от подруги, когда увидела в горстке конфеток на ладони Ди блеснувший ответ.

– Пять коричневых, четыре желтых, две зеленых, одна красная и золотая монета, – равнодушно подытожил Майкл. – Неплохо.

Дженни мягко похлопала Ди по спине.

– Положи это в какое-нибудь укромное место, – сказала Ди.

Дженни взяла монету и почувствовала ее холод.

Она потерла ее большим пальцем. Монета была блестящей, как только что отчеканенная. Дженни положила ее в нагрудный карман и застегнула пуговицу.

– Пошли! Мы сделали это, мы сделали здесь все, что могли. Саммер и монета. – Она улыбнулась Саммер, которая в изумлении смотрела на друзей. – Мы объясним тебе все позже.

Саммер взяла у Ди горсть «M&M's» и успокоилась. Они подошли к вращающимся дверям.

Поскольку пройти сквозь них можно было только поодиночке, Дженни пропустила Саммер вперед. Потом шагнула в дверь сама и резко толкнула толстые металлические ручки. Междудвигающимися перекладинами она видела лишь темноту – снаружи было темно, и Дженни не могла различить даже волосы Саммер...

Прежде чем выйти на улицу, она поняла: что-то не так.

Это не улица. Это комната. И в ней нет остальных, потому что она не видела фонариков.

«Господи, где я оказалась?»

Она поглядела по сторонам и совсем не удивилась, не обнаружив железных ручек вращающейся двери. Здесь не было ни света, ни выхода.

«Сейчас я, наверное, увижу глаза».

Внезапно зажегся мерцающий огонек, и девушка увидела молодого человека в черной ветровке.

– Джулиан?

Он выглядел иначе.

– Джулиан!

Дженни бросилась к нему. Он ни на дюйм не сдвинулся в ее сторону.

Впервые она была рада его видеть. Она действительно обрадовалась. Счастье, как цветок, распускалось в ней. Дженни, задышавшись, остановилась перед ним.

– Это ведь ты, да? Ты вернул нам Саммер.

– Я вернул Саммер тебе. – Его голос звучал приглушенно, угрюмо.

Он был одет скромно, Дженни никогда, его таким не видела. Черная ветровка окутывала его, как тень.

– Спасибо. Я не знаю... – Она замолчала.

Джулиан, должно быть, действительно знал. Он годами следил за Дженни, он знал, что Саммер значила для нее. Он, вероятно, даже знал, что она чувствовала себя виноватой в смерти Саммер.

– С ней все в порядке? – спросила Дженни, боясь услышать его ответ.

– С ней все в порядке. Она спала. Как принцесса, уколочная палец веретеном. Сейчас она как новорожденная. – Джулиан произносил слова ровно и выглядел по-прежнему угрюмым, подозрительным.

Дженни не обратила на это внимания и пристально посмотрела ему в глаза.

– Спасибо, – повторила она очень тихо, вложив в свой взгляд все, что чувствовала.

Тяжелые ресницы Джулиана опустились, как будто он не мог выдержать ее взгляда.

– Джулиан, – дотронулась Дженни руками до его ветровки, – ты совершил хороший поступок. Тебе нечего стыдиться.

– У меня были на то свои причины. – Он взглянул на нее – быстрая вспышка синего огня, – потом отвернулся.

– Почему ты пытаешься все разрушить? Ты сделал это – вот что важно.

Почему он не мог не меняться? Дженни не знала. Когда она видела Джулиана в последний раз, он был мягким, грустным – незащищенным. Дженни едва ли не жалела его. Сейчас он был холодным и угрюмым – затаившим злобу. Ей хотелось встряхнуть его.

Но Дженни была напугана. С Джулианом так не получится.

– Знаешь, – сказала она и подошла еще ближе, понимая, что рискует, – было время, когда я думала, что ты – абсолютное зло, Абсолютное, Но сейчас я не верю этому.

Тогда он взглянул на нее, синий огонь по-прежнему горел в его глазах.

– Ты ошибаешься. Не рассчитывай на это, Дженни. Не рассчитывай на это.

Страх охватил Дженни от этого голоса, который был таким же холодным и звучным, как и раньше. Безжалостная музыка чистой горной речки, которая может внезапно превратиться в бурный поток, сносящий все на своем пути.

– Я по-прежнему не верю, – вздохнула Дженни.

Она не отвернулась от него и стояла очень близко.

– Я сказал, что ты ошибаешься. Я такой, какой я есть, и ничто не может меня изменить, – Он был неподвижен, как скала, совсем не похожий на того, другого Джулиана.

Пальцы Дженни сжали рукав его куртки.

– Ты не убил Саммер там, в картонном доме. Ты спас ее? – сказала она со злостью.

– Да, – произнес он так же холодно.

– Но ты мог убить ее. Правила говорят, что мог.

– Да.

– А что со Слагом и Пи-Си?

Он лишь взглянул на нее.

– Не строй из себя дурака! – Дженни рассердилась не на шутку и готова была устроить Джулиану хорошую взбучку, но она взяла себя в руки и теперь стояла так же твердо и неподвижно, как и он, их лица были всего в нескольких дюймах друг от друга, – Ты убил Слага и Пи-Си? Превратил их в то, чем они сейчас являются?

Он бросил на нее быстрый взгляд. Потом ответил:

– Да.

– Чертов лгун!

И снова только взгляд был ей ответом. У Джулиана были поистине бездонные глаза – ледяной омут, уходящий в бесконечность. Но Дженни не отвернулась.

– Ты сделал это со Слагом и Пи-Си? – спросила она, как журналист, готовый повторять свой вопрос бесконечно.

Слегка наклонив назад голову, он пристально посмотрел на нее. Лицо его оставалось по-прежнему холодным, глаза как синий лед... Наконец он сказал:

– Нет, – Голос был жестким и таящим опасность.

– Что с ними случилось?

– Они открыли чулан и выпустили меня. Но когда я вышел, – легкая тревожная улыбка появилась на губах Джулиана, – они убежали. Убежали из картонного дома и попали в руки Сумеречных людей.

Дженни почувствовала облегчение, тайна раскрылась. Она даже не была уверена, почему решила, что Джулиан не убивал Пи-Си и Слага. Он всегда утверждал, что это дело его рук, и у нее не было причин не верить ему. Он был Сумеречным человеком. Но тем не менее.

– И это сделали они? – спросила она.

– Это их право. Никто не приходит сюда без приглашения.

– А мой дедушка? Это тоже они... – В последней фразе не было вопроса.

– Уже давно. Я не обратил внимания, он мне был неинтересен. Они бы никогда не позволили мне тронуть его. Я мог оставить Саммер в живых, потому что она была моей жертвой. И я оставил ее, чтобы использовать в борьбе с тобой. – Его голос еще никогда не звучал так беспощадно, а лицо было словно вырезано из льда.

– Но ты не сделал этого, – возразила Дженни.

– Нет. Но не думай, что это что-то значит. В следующий раз ничего подобного не повторится.

– Я не верю тебе, Джулиан.

– Значит, ты совершаешь большую ошибку.

В полуночно-синих глазах по-прежнему не было ни тени доброты – ничего, чтобы подбодрить Дженни. И хотя девушка испытывала страх, дерзость уже текла по ее венам.

«У Джулиана две стороны, – подумала она и вспомнила строчку из какой-то книги: «Разный, как луч луны и молния...»

Дженни хотела добраться до луча луны, но не знала как.

Очень мягко она повторила:

– Я не верю тебе. Ты не такой, как остальные Сумеречные люди. Ты мог бы измениться, если бы захотел.

– Нет, – с грустью сказал он.

– Джулиан... – Ее охватила печаль. Дженни видела свое отражение в его глазах.

Не думая, она придвинулась ближе. И еще... Ее губы коснулись его губ.

– Ты можешь быть другим, – прошептала Дженни.

Поцелуй начался раньше, чем она это поняла. Он был очень сладким.

Потом Джулиан отпрянул. Прядь волос упала ему на глаза, белая, как цветы кизила, которые Дженни видела рядом с шоссе. Маска была сорвана, и вместо нее осталось что-то пугающее и разрушительное. Нечто, что Дженни чувствовала, когда они целовались в последний раз – в пещере, у огня.

Она больше не думала, только чувствовала. И она почувствовала жар и победу. Завоевательница.

«Ты не демон. Ты можешь быть другим, ты можешь все, что захочешь...»

Что-то уродливое мелькнуло в глазах Джулиана – опасное и дикое, перекрывшее свет.

– Я тот, кем хочу быть, – сказал он, – Ты забыла об этом – и в этом твоя ошибка.

– Джулиан...

Он был взволнован, возбужден, его глаза ярко горели.

– Ты хочешь знать, какой я на самом деле? Я покажу тебе, Дженни. Я докажу тебе это. Мне это доставит удовольствие.

Он грубо развернул ее. Перед ней появилась вращающаяся дверь, над которой горела неоновая табличка «Выход».

– Джулиан, послушай...

Он подтолкнул ее к двери.

– Иди, погуляй еще немного по парку. Посмотри, что я подготовил. Потом поговорим.

– Джулиан... – Дженни была напугана, но обернулась, как только он отпустил ее.

Джулиан исчез. Комната опустела. Дженни постояла секунду, тяжело дыша.

Он был... он был чем-то невыносимым – он приводил ее в ярость...

Она никогда не встречала такого... такого... Дженни не могла подобрать подходящего слова.

И он напугал ее. Дженни не хотела даже представлять себе то, что он может натворить.

В любом случае это будет доказательством его дьявольской природы. И это ей не понравится.

Постепенно дыхание Дженни успокоилось.

«Саммер, – подумала она. – Важно найти Саммер и вытащить ее отсюда. Что бы ни случилось! Забыть о Джулиане. Ты ничего не можешь для него сделать. Сосредоточься на его игре и на том, чтобы выбраться отсюда. Думай о Томе!»

Она пыталась, избавиться от чувства вины, которое не давало ей покоя. Она думала о Томе, она не пренебрегла им, он всегда был в ее мыслях – как подводное течение, – что бы ни происходило. Это из-за него она продолжала бороться.

Она не остановится, пока он не будет спасен. А это означало, что надо действовать.

Дженни поправила рубашку, пригладила волосы и шагнула в сторону вращающейся двери.

– Где ты была?

Одри сказала:

– Ты?..

Дженни кивнула. Одри многозначительно приподняла брови.

– Просто небольшой незапланированный крюк, – пробормотала Дженни, обращаясь к Ди и Майклу, и добавил а для Саммер: – Я и порядке.

«M&M's» Саммер были рассыпаны по земле.

– Я не люблю, когда исчезают люди, – призналась она.

– О, дорогая, все будет в порядке, – улыбнулся Майкл и неловко похлопал ее по плечу. – Мы в общих чертах объяснили ей, где мы и что происходит, – сказал он Дженни.

Жизнерадостность Дженни улетучилась. Джулиан намеревается устроить очередную ловушку. Но, что может быть хуже того, что он уже сделал? С тех пор как она узнала Джулиана, он преследовал ее, используя то инопланетян, то темных эльфов и гигантских насекомых – не говоря уже о Вервольфе и Василиске. Он прятался в тени ее комнаты и шипел из темноты. Он запер ее в пещере, оставил одну, угрожал киберльвом. Он взял ее в заложницы, он следовал за ней повсюду, в обоих мирах. Что может быть хуже?

– Куда мы идем теперь? – поинтересовалась Одри.

Они огляделись. Ни одного огня. В парке было совершенно темно. Вокруг стояла мертвая тишина.

– На, поддержи, – сказала Ди, передавая Дженни фонарик.

– Только будь осторожна, – попросила подругу Дженни.

Ди забралась на один из старинных фонарных столбов.

– Я вижу маяк на острове! – крикнула она сверху, поставив ногу на фонарную перекладину. – И повсюду много деревьев... Чертово колесо выглядит заманчиво, это что-то вроде горок – американские горки из облаков.

– Оно освещено?

– Если что и светится, так это большое водяное колесо и несколько лодок в форме лебедей.

– «Туннель любви», – вздохнула Дженни.

Ди спустилась вниз, и вся команда под руководством Дженни направилась к «Туннелю любви». Это был еще один аттракцион, который она любила в детстве, – не потому, что он был связан с любовью, а потому, что он был темным и прохладным и ей нравились лодки-лебеди. Сейчас мысль о том, чтобы войти в туннель, была... В общем, лучше об этом не думать.

Они огибали озеро, когда заметили призрак между деревьями.

– По-моему, это животное, – встревожено прошептал Майкл. – Большое!

Лучи фонариков на короткое время осветили призрака, и он тотчас скрылся за деревьями. Дженни разглядела, что у него красноватая, как будто тонированная, кожа.

– У него есть голова, значит, это не Пи-Си и не Слаг, – сделала вывод Одри.

– Кто? – спросила Саммер.

– Неважно, Лучше последим за ним? – предложила Дженни, и друзья, отвернувшись от воды, стали всматриваться в гущу деревьев.

«Мне надо было расспросить о них Джулиана», – подумала Дженни.

Потом произнесла вслух:

– Как вы думаете, кто это? И как им удастся свободно передвигаться?

– Это другие люди, которых пленили Сумеречные люди, – сказала Ди.

– Звери, – возразил Майкл.

– Или, может, просто часть общей атмосферы, – ухмыльнулась Одри.

Кем бы ни было это существо, Дженни инстинктивно почувствовала ужас и отвращение к нему, какое она испытывала к маленькому серому монстру, похожему на сморщенный зародыш.

Саммер не принимала участия в разговоре. Она быстрым шагом шла рядом, вцепившись в рукав Дженни и всматриваясь во все, мимо чего они проходили. Она была как большая голубая бабочка, скользящая между ними.

«Мы представляем собой весьма пеструю группу, – подумала Дженни. – Саммер в легком

платье, Ди в камуфляжной куртке, Одри, чья рука перевязана майкой Майкла, я сама с фонариком Ди».

Майкл держал свой фонарь, а Ди несла кирку Одри. Остальные орудия защиты были потеряны, по дороге.

Дженни заметила, что Ди держится на расстоянии от Одри.

С Ди вообще творилось что-то неладное. Она стала слишком тихой, слишком немногословной. Все они, конечно, находились в опасности, но Ди обожала опасность, она питалась ею, дышала ею, искала ее, где могла. Ди наслаждалась опасностью.

Дженни незаметно подошла к ней и мягко сказала:

– Знаешь, Одри ничего такого не имела в виду, когда говорила, чтобы ты не совала руки в автомат с «M&M's».

Ди пожала плечами. Она продолжала идти, глядя прямо перед собой.

– Она действительно ничего не имела в виду. Она как моя мама – ей надо сказать что-нибудь ради твоего же блага.

– Конечно. Я знаю.

Дженни замолчала.

Они прошли мимо продуктового киоска, прямо перед «Туннелем любви». У Дженни возникло желание взломать его – холодный хот-дог был бы сейчас как нельзя кстати. Но она сдержалась. У них было две золотых монеты. Они близки к цели. Они не могли останавливаться и отвлекаться.

Синие, красные и оранжевые огни горели на водяном колесе перед «Туннелем любви». За колесом находилась старая деревянная мельница, а над туннелем висела табличка. Днем, в реальном парке, там было написано: «ТУННЕЛЬ ЛЮБВИ». Сейчас: «ТУННЕЛЬ ЛЮБВИ И...»

Последнее слово было скрыто листьями плюща.

– Я не могу прочитать, – огорчилась Дженни.

– Смерти, может быть? – предположила Одри.

– Великолепно, – согласился Майкл.

Саммер еще крепче вцепилась в рукав Дженни.

Лодка-лебедь ждала на пристани, ее белые крылья грациозно изгибались по бокам. Капли воды блестели на пластике. Дженни не хотелось забираться в нее.

Но у них нет выбора. Это, безусловно, то самое место, которое им нужно. Если Дженни хочет получить третью монету, придется плыть.

– Пошли, ребята, – вздохнула она.

Лодка накренилась, когда они уселись – Дженни и Ди впереди, Саммер между ними, Одри и Майкл сзади, – и поплыла.

– Вы не заметили, что эта скала похожа на лицо? – спросил Майкл, когда они приближались к туннелю.

При свете дня Дженни так не показалось. Но теперь скала из стеклопластика действительно напоминала лицо с глазами и носом. Вход в туннель казался зияющим ртом.

Внутри было тихо, сыро и темно, пахло плесенью. Днем здесь раздавались голоса людей, смех. Сейчас Дженни слышала только тихий плеск воды.

Она осветила фонариком водную гладь, стены, нос лодки. Ничего особенного: вода темно-зеленая и мрачная, стены влажные, по ним сочится вода.

– Где вся эта ерунда – декорации и все остальное? – прошептал Майкл.

– Не знаю, – ответила Дженни так же тихо.

Днем здесь были картины-диорамы – например, люди каменного века рисовали на стенах пещеры динозавров. Сейчас ничего этого не было. Лодка плавно скользила в темноте.

С фонариком Дженни вдруг что-то случилось. Свет потускнел.

– Эй, – сказала она и повернула его к себе.

Белый яркий луч буквально у нее на глазах превращался в слабое оранжевое свечение.

Дженни постучала фонариком по бортику и тут же пожалела об этом. Раздался неожиданно громкий звук, и свет стал еще слабее.

– О черт, и мой тоже! – воскликнул Майкл.

– Надо было пользоваться одним, чтобы беречь батарейки, – пробормотала Ди. – Я думала

об этом раньше, а потом забыла. Вот бестолковая.

Дженни была удивлена этими словами. Это было так не похоже на ее подругу.

– Слушай, Ди, если кто и должен был подумать об этом...

– Вот и все, – огорченно сказал Майкл.

Дженни щелкала выключателем своего фонарика, отвинчивала и завинчивала крышку, но ничего не менялось. Она с трудом могла разглядеть тусклую оранжевую лампочку. Когда она его потрясла еще раз, фонарь совсем погас.

– Великолепно, просто великолепно, – всплеснул руками Майкл.

Одри резко заметила:

– Никому не показалось что мы движемся медленнее?

Понять это в темноте было сложно. Дженни стало не по себе – словно она провела всю ночь в полной темноте, размышляя о том, кто и с какой стороны может напасть на нее.

Но Одри права. Плеска воды не слышно. Единственное движение, которое чувствовала Дженни, – это мягкое покачивание лодки из стороны в сторону.

Послышался тихий всплеск.

– Мы стоим на месте, – подтвердила их опасения Ди.

– Ди, вынь руку из воды!

Ди проворчала что-то неразборчивое, но Дженни услышала стук капель, когда подруга подняла руку.

– Мне это не нравится, – призналась Саммер.

Дженни это тоже не нравилось – особенно мысль о том, что придется вылезать из лодки и шлепать по воде в поисках выхода.

– Итак, мы в ловушке, – пробормотала она.

Все остальные сидели притихшие.

«Интересно, кто набросится на нас и с какой стороны...»

Дженни могла представить многое, и все это выглядело отвратительно. У нее было время подумать, пока ничего не происходило, а лодка-лебедь мягко покачивалась в темноте.

– Только ничего не представляйте, – процедила сквозь зубы Одри с задней скамьи.

– Я стараюсь, – ответил Майкл.

Но конечно это было невозможно. Чем усерднее Дженни старалась не думать о том, что Джулиан мог сделать с ними, тем более страшные картинки возникали в ее голове. Все ее ночные кошмары вдруг нахлынули разом.

– Я этого не вынесу, – в ужасе прошептала Саммер.

Ди резко выдохнула:

– Нет. Смотри, я сейчас...

Свет.

Он появился как неясное голубое пятно. Периферическим зрением Дженни тотчас уловила его. Свет стал ярче, когда она повернулась в ту сторону. Тут же вспыхнули еще два прожектора – красный и синий.

«Цвета стеклянных абажуров в магазине «Иные игры», – подумала Дженни. Место, где она встретила Джулиана.

– Все сводится к этому, да? – насмешливо прозвучал голос Джулиана.

Он вышел из темноты в круг, где пересекались лучи прожекторов. Он был в футболке с засученными рукавами, черной жилетке и черных сапогах. На руке поблескивало что-то вроде браслета. Он напоминал ночного бродягу, шатающегося по сомнительным городским районам.

Саммер взглянула на него и спряталась за спину Ди.

Дженни чувствовала, что они вновь попали в скверную историю. Джулиан стоял на площадке диорамы. Дженни казалось, что представление теперь разыгрывается вокруг них, пассажиров утлой лодочки. Джулиан занял прекрасную позицию, чтобы наблюдать за всем, что бы с ними ли случилось, а они не могли даже встать без риска перевернуться.

– Ты ошиблась по поводу названия этого аттракциона, – сказал Джулиан. Казалось, он наслаждался их реакцией. – Это не «Туннель любви и смерти». Это «Туннель любви и отчаяния».

Пятеро в лодке молча смотрели на него. Наконец Ди не выдержала:

– И что?

– Просто подумал, что вам не мешает это знать. – Он подбросил что-то в воздух, поймал. Из-за слепящего глаза света Дженни не могла определить, что это.

– Что это? Ах да, это – дублон, – ухмыльнулся Джулиан, глядя на свою ладонь так, как будто только что заметил монету.

Друзья переглянулись. Лодка покачивалась на воде.

– Неужели вы не хотите узнать, что надо сделать, чтобы получить его?

Дженни не испытывала ни малейшего желания, но была уверена, что Джулиан в любом случае скажет.

– Вам надо просто послушать, и все. У нас будет небольшой разговор. Поболтаем.

Отвечать должна была Дженни, и она это знала.

– О чем? – спросила она, отклонившись назад, чтобы посмотреть на него из-за плеча Ди.

– О том, о сем. О погоде. О разоружении. О вас.

– О нас? – вмешался в разговор Майкл.

– Конечно. Посмотрите на себя. Какая забавная компания! И вы пытаетесь штурмовать Сумеречный мир?

– Именно так? – проворчала Ди и стала подниматься.

– Ты ничему не учишься, да? – неестественно удивился Джулиан, шагнув к ней.

Это все, что он сделал, но Ди тотчас села на место – отчасти испугавшись, отчасти потому, что Дженни схватила ее за руку и дернула вниз.

Джулиан страшил Дженни – не сверхъестественной силой, а одним фактом своего присутствия. У него явно изменилось настроение – блеск его глаз, быстрое дыхание, то, как приоткрывались его губы, обнажая зубы, – все это пугало Дженни.

«Сейчас ему хочется разрушать, заставлять страдать, – подумала она, – Не охотиться, а убивать».

– Пожалуйста, успокойтесь, – попросила она.

Джулиан по-прежнему смотрел на Ди с явным отвращением.

– Может, ты просто слишком бестолковая, чтобы учиться? – съязвил он, – Это и есть истинная причина, почему ты не хочешь ходить в колледж, не правда ли? Ты знаешь, что никогда не станешь такой же умной, как твоя мать.

– Не поддавайся на провокацию, – успела шепнуть Дженни. – Ди, отвернись и не слушай.

Ди не отвернулась. Дженни видела только ее силуэт и синий свет, отражающийся на черных волосах, но она чувствовала, как напряглась Ди.

– Вся эта атлетическая оболочка – просто лицевая сторона, потому что ты знаешь, что разочаровала ее, – не унимался Джулиан. – Ты проигрываешь там, где стоит быть на уровне.

– Ди, ты знаешь, что это неправда...

– Она знает, что ничего не знает. Она так часто ошибалась в последнее время... например, в случае со львом.

– Оставь ее в покое! – сказала Дженни.

– И она ничто без своей самоуверенности. Ты не заметила?

– Заткнись! – крикнула Ди.

Здесь было не самое подходящее место для криков, поскольку эхо снова и снова возвращало слова к своему истоку. Дженни испугали слезливые нотки в голосе подруги. Та никогда не плакала, но сейчас была на грани отчаяния.

– Отчаяние, – вдруг прошептала Дженни. Она обняла Ди и взяла ее руку. – Ты понимаешь, что он пытается сделать? «Туннель любви и отчаяния» – и он хочет, чтобы ты отчаялась. Чтобы мы бросили все, прекратили бороться.

– Ей и следует все бросить, – согласился Джулиан. Он задыхался, его странные дикие глаза блестели больше обычного. – Одни разговоры. Пустая болтовня. Она ходит с напыщенным видом, играет мускулами, говоря: «Смотрите на меня». Но за этим ничего нет.

Дженни о чем-то задумалась, потом наклонилась к Ди, ее пальцы крепче сжали руку подруга:

– Я сама себе хозяйка.

Ди повернула голову, как испуганная птица.

– Я сама себе хозяйка, – настойчиво повторяла Дженни. – Давай, Ди. Ты сказала это, и это правильно. Он ничего не может тебе сделать. Он не имеет значения. Ты сама себе хозяйка.

Она почувствовала, как Ди вздохнула.

– Она черпает свою философию в фильмах о кунг-фу. – не унимался Джулиан, – Думает, что печенье, внутри которого бумажки с предсказаниями, – великая литература.

– Я сама себе хозяйка! – сказала Ди.

– Это правда. – У Дженни заболело горло. Она продолжала держать Ди за руку.

Ди изогнула шею, как черный лебедь, чтобы взглянуть на Дженни. Дженни заметила следы слез на ее смуглой коже, отражавшей сине-красный свет.

– Я сама себе хозяйка, – отчеканила она.

На задней скамье послышалось движение.

– Еще и умная, – добавила Одри, изумляя Дженни. – И отважная. Она совершила много смелых поступков после того, как я поранилась. Она не хотела причинять мне боль, я никогда и не думала, что она желала этого.

Ди обернулась и бросила на Одри благодарный взгляд, ее плечи расправились. Рядом с ними опять сидела гордая Нефертити.

– Учеба и книги еще не все, – бросил Майкл, удивляя Дженни еще больше.

– Я думаю, что для тебя – это все, – парировал Джулиан.

Теперь он смотрел на Майкла.

Майкл, казалось, сжался под его взглядом.

– Именно ты читаешь о том, что боишься совершить.

– Нет, это не так, – возразил Майкл, что стало еще одним сюрпризом для Дженни.

Она ж не думала, что Майкл станет защищаться.

– Ты ничтожество. Смешной толстый мальчишка, над которым все потешаются. Ты посмешище.

– Нет, это не так, – упрямо повторил Майкл.

Дженни была восхищена. Майкл держался – может, потому, что над ним действительно насмехались и издевались в школе. Все это он слышал и раньше.

Но лицо Джулиана было как никогда уверенным – и еще более жестким. На нем заиграла улыбка, от которой у Дженни похолодели руки.

– Не будем вспоминать о маленьких «ритуалах», которые ты выполнял в детстве, – сказал он Майклу, – Ну, например, как ты рвал на крошечные одинаковые кусочки туалетную бумагу.

Грудь Майкла поднималась и опускалась. Дженни открыла рот, оскорбленная, но Джулиан продолжал:

– Покончим с преследованиями. Спроси у своей подружки, не называла ли она тебя за глаза толстым коротышкой.

Майкл повернулся к Одри. Дженни увидела, что линия его защиты разорвана, смятение отразилось на лице; вид «неготового к общению» человека, Майкл был готов расплакаться.

– Ты так говорила?

Одри казалась бледной в свете сине-красных огней, только ее помада ослепительно блестела, Девушка, казалось, вот-вот заплачет.

– Ты так говорила?

– Конечно, говорила, – ответил вместо нее Джулиан. – Она много чего говорила. О том, что парень ее мечты шести футов ростом, блондин, занимающийся серфингом. О том, что она сблизилась с тобой, просто чтобы убить время, пока не найдет кого-нибудь получше.

Майкл смотрел на Одри.

– Ты это говорила? – повторил он, и в его голосе прозвучала самая отчаянная мольба.

Дженни хотелось, чтобы Одри ответила «нет». Одри оглянулась, посмотрела на Майкла – это были долгие секунды, – затем произнесла:

– Да.

Майкл отвернулся.

– Потому что ты был рожден для насмешек, – подхватил Джулиан. – Ты не хочешь посмеяться сейчас?

– Ты, ублюдок, заткнись! – в бешенстве закричала Дженни.

Она была раздосадована своим бессилием: она могла бы помочь Ди, но не Майклу. Только не в этом.

– Я говорил тебе в самом начале об игре, – гнул свою линию Джулиан. – Открываются желания. Выдаются секреты. Неужели ты не помнишь?

Одри не слушала, она смотрела только на Майкла.

– Я действительно говорила так, – зло проговорила она. – Очень давно.

– Тем не менее ты говорила это, – грустно сказал Майкл, не поворачиваясь.

– Я говорила это раньше, Майкл. Пока ты не доказал мне, что внешний вид – это не самое важное. Прежде, чем поняла, что люблю тебя. – Она разрыдалась.

Майкл повернулся вполоборота. Его темные глаза были широко раскрыты.

– Ну, послушай, не плачь. Все нормально.

– Все ненормально, – вспыхнула Одри. – Майкл, ты идиот!

– Именно это он и сказал, – пробормотал Майкл.

Одри начала трясти его за плечи, повернув к себе.

– Я люблю тебя, – почти кричала она, – Ты заставил меня влюбиться. Мне безразлично, какого ты роста и какого цвета твои волосы. Мне не безразличен ты. Ты заставляешь меня смеяться. Ты умный. Ты нежный. Ты настоящий, настоящий человек, а не какой-то там спортсмен, внешний вид которого не имеет значения. Тебя я знаю, и я люблю тебя, идиот! И мне все равно, что ты делаешь с туалетной бумагой!

– Делал, когда мне было семь лет, – улыбнулся Майкл.

Одри продолжала плакать, и он протянул к ней руку, чтобы вытереть слезы на ее щеках.

– А еще ты хорошо целуешься, – сказала Одри, всхлипывая.

Она обняла Майкла и положила голову ему на плечо.

– Эй, я классно целуюсь, – прошептал Майкл, – и я продемонстрирую это тебе, когда мы выберемся из этого чудовищного паноптикума, – Он покровительственно баюкал ее.

Дженни почувствовала прилив гордости и счастья – от силы, от нежности на лице Майкла и от того, как Одри прильнула к нему.

Она вызывающе посмотрела на Джулиана.

Джулиан был недоволен! Ему определенно не нравилось, как развиваются события. Он коротко улыбнулся, и улыбка его была острой, как клинок.

– Очень хорошо, поплачь, – ядовито сказал он. Его взгляд застыл на лице Одри. – Но убедись, что не размазала тушь. Ты всего лишь раскрашенный манекен.

– Мы тебя не слушаем, – небрежно бросил через плечо Майкл.

Он разговаривал с Одри мягко, быстрым полупшепотом.

– Ты станешь такой же, как твоя мать – назойливой и сварливой шлюхой. Думаю, это слова твоего отца. Ты боишься, что ты не способна на истинное чувство, как все люди.

Одри даже не подняла головы. Майкл продолжал ей что-то нашептывать.

– Я думаю, что у нее довольно хорошо получается разыгрывать чувство, – сухо сказала Ди. – Почему бы тебе не отстать от нее, подонок?

Вместо ответа Джулиан повернулся к ней – нет, не к ней. Он смотрел куда-то сквозь нее, на Саммер.

– А что касается безмозглой дурьей башки, сидящей впереди...

Саммер сползла на дно лодки.

– Я знаю, что я бестолковая, – прошептала она.

Дженни от ярости вскочила на ноги, и лодка закачалась.

– О нет, не делай этого, – сказала она. – Если ты хочешь что-то сказать, говори мне.

И затем она сделала то, что всегда меньше всего хотела сделать. Она выпрыгнула из лодки, подняв фонтан брызг. Вода была холодная, но доходила ей только до колен, Дженни шлепала по ней, не позволяя себе думать о том, что в ней может плавать.

Дженни в несколько шагов добралась до диорамы и вскарабкалась на ее край. Затем повернулась лицом к Джулиану.

– Скажи это мне, – произнесла она, – если у тебя хватит мужества.

– Это все из-за меня, – сказала Дженни. – Ты хочешь, чтобы я потеряла надежду. Поговори со мной. Обо мне.

– Нет, давай поговорим вообще, – ответил Джулиан. – Хочешь поговорить о жизни? – В его голосе слышалось ликование: так радуется кот, поймавший мышь. – Ты знаешь, – продолжал он, – что в Конго есть муха, откладывающая яйца в человеческую плоть? Из них появляются маленькие белые червячки, которые остаются в человеке навсегда. Иногда червяки выползают наружу, и тогда можно увидеть, как они заползают внутрь сквозь поры кожи. Говорят, когда они заползают через глазное яблоко, это очень больно.

Дженни замерла, охваченная ужасом. Джулиан засмеялся. Это был смех не вполне нормального человека.

Голос вернулся к Дженни:

– Мы не червяки.

– Нет, конечно. Люди гораздо изобретательнее. Горчичный газ, например. От него кожа слезает, сворачиваясь в свиток. Это случилось с тысячами солдат во время Первой мировой войны. Какой-то человек открыл...

Дженни хотела отвернуться от Джулиана, но не смогла. Проекторы отбрасывали красные и синие блики на его волосы. Его глаза отражали свет, как зеркала.

– И так было всегда, на протяжении всей истории. Два миллиона лет назад ваши предки гоминиды пожирали друг друга. В тринадцатом веке в Перу вскрывали маленьких мальчиков, чтобы жрецы могли вынуть их еще бьющиеся сердца. Сейчас стреляют из проезжающих мимо машин. Люди не меняются.

У Дженни перехватило дыхание. Мягкий коварный голос продолжал:

– Так что природа жестока и безжалостна.

– Хорошо...

– А жизнь хрупка и запутанна. Смерть – неизбежна, и это самое ужасное из того, что можно себе представить.

Ди вызывающе спросила:

– Какая разница?

Джулиан ответил, не поворачиваясь к Ди.

– Ей не все равно, – сказал он. – Не правда ли, Дженни? Тебе не все равно, что мир жесток? Тебе не все равно, если тебя окружает зло? – Теперь в его взгляде появилось что-то гипнотическое, голос стал обволакивающим. – Так почему бы не прийти в отчаяние? Ведь жить станет гораздо проще, если однажды сдаться. Почему бы не расслабиться и не уступить...

Он направился к ней, и Дженни знала, что она не в состоянии сопротивляться. Он подходил к ней, чтобы положить теплую ладонь на ее затылок или, может, сжать ее руку. Что бы он ни сделал, она не сможет сопротивляться, потому что в этот момент его красота была такой пугающе неземной, что ей стало страшно.

– Я верю тебе, – сказала она, произнеся это прежде, чем он подошел.

Джулиан остановился, наклонив голову, что придавало ему немного лукавости.

– Ты хотел доказать, как много вокруг зла? Пусть так, я верю тебе. Я не знаю всех ответов. Я даже не задаю себе этих идиотских вопросов. Но не все в мире зло, как ты утверждаешь. Есть хорошие люди. Такие, как Эба. Как дедушка. Он умер, чтобы спасти меня, и он не единственный, кто умер ради спасения другого человека. Я не могу объяснить существование зла, но это не значит, что я должна уступить, что я должна сдаться, – выпалила Дженни.

Победная улыбка исчезла с лица Джулиана, и что-то холодное и отвратительное появилось в его глазах. Но Дженни продолжала, не дав ему заговорить:

– Ты сказал, что мне безразлично, что мир жесток, и это правда. Но хочешь знать, что еще меня заботит? Меня заботишь ты, Джулиан.

Теперь он был напуган и, казалось, почти готов отступить. Дженни медленно пошла вперед, глядя ему прямо в глаза и не переставая говорить:

– Ты хотел показать мне, что быть дьяволом – это нормально. Но я не согласна. Ты хотел доказать мне, как ты плох, но с этим я тоже не согласна. Меня волнуешь ты, Джулиан. Я...

Он исчез, как только она подошла к нему.

Золотая монетка упала. Несколько минут Дженни наблюдала за тем, как она крутится на ребре, затем подобрала ее. Обернувшись, она увидела, что Ди, и Одри, и Майкл, и Саммер – все смотрят на нее в немом изумлении.

«Это не то, о чем вы думаете», – подумала Дженни, но она не смогла бы это объяснить.

Ее действительно беспокоил Джулиан.

Она чувствовала ранимость, которая заставляла его нападать. Она даже... любила Джулиана... в какой-то степени, сейчас она начинала это понимать. Но это не означало, что она не любила Тома. Том был частью ее жизни, частью ее самой. Она никогда не предаст его.

Но облечь все это в слова Дженни была не в силах. Пусть думают что хотят.

– Знаете, – в конце концов произнес Майкл, запустив руку в свои темные волосы, – я думаю, мы выиграли эту игру, – Он улыбнулся.

– И мне кажется, что нам придется выбираться отсюда без лодки, – добавила Ди. – По-моему, она не движется.

Они почти не разговаривали, пока шлепали по воде. Ди шла первой, держась за сырую стену для ориентации. За ней Дженни с Саммер. Одри и Майкл, взявшись за руки, замыкали шествие. У Дженни было ощущение, что все они были подавлены последней и самой ужасной атакой Джулиана, но она сделала их сильнее. В конце концов, она сплотила их. Джулиан раскрыл их секреты, но Дженни никогда не чувствовала такую близость своих друзей.

Она с облегчением разглядела силуэт Ди и почувствовала дуновение свежего ветра. Они дошли до конца туннеля. Сейчас будет пристань.

– Вы только посмотрите! – воскликнул Майкл, когда они добрались до пристани и взобрались на нее. – Вы только посмотрите!

Парк проснулся.

Все фонари, которые прежде не горели, были включены, все аттракционы работали. Разноцветные огоньки сверкали меж деревьев. Слева светились «Гонки»: выстроившиеся в ряды спортивные машинки стояли на старте. Впереди пришла в движение ракета, она со свистом рассекала воздух. Американские горки сверкали неоновыми огнями, и Дженни слышала грохотанье машин.

Все пришло в движение! Это в точности напоминало обычный парк аттракционов – только он был пуст. Аттракционы работали сами по себе.

«Красиво, – подумала Дженни, – но жутковато».

Как будто парк населен привидениями. На карусели тихо играла музыка.

На острове посреди озера возвышался белый маяк.

– Сейчас, я думаю, мы поищем мост, – сказала Одри.

Дженни расстегнула кармашек рубашки, вытащила монеты. Она долго разглядывала три дублона, взвешивала их, потом сжала ладонь – дублионы тихонько звякнули.

– Сначала мы должны сделать кое-что еще, – сказала она. – Идите за мной.

Зал игровых автоматов был совсем недалеко. Его вывеска тоже светилась, но внутри было темно и тихо. Дженни направилась прямо к ящику с механическим магом.

Она старалась не смотреть на черный ящик, стоявший напротив. Головы по-прежнему кивали, их глаза были все так же закрыты. Дженни решительно повернулась к ним спиной.

Механический маг двигался с трудом, как будто садились батарейки. Его рука поднимала волшебную палочку и опускала ее, поднимала и опускала – грустное монотонное движение. Голова мага слегка покачивалась, темные глаза смотрели в никуда. Время от времени его нижняя губа шевелилась.

– Дедушка, – позвала Дженни.

Ди говорила, что Дженни ничего не могла для него сделать, и это была правда. Дженни понимала это и раньше, а сейчас окончательно убедилась. Нет никакой возможности вернуть душу в тело. Невозможно отменить то, что сделали Сумеречные люди. Но кое-что было в ее силах. Это пришло ей в голову, когда она сказала Джулиану, что дедушка умер вместо нее. Это было не совсем так, но он хотел сделать так. И Дженни была уверена, что он предпочел бы быть мертвым, чем таким.

«Получится ли у меня?»

– Дедушка, я прочла в твоём дневнике, как тебе помочь. Но мне нужно, знать, сработает ли это и хочешь ли ты этого?

Ресницы, сделанные из тусклых искусственных волосков, казалось, опустились. Стекланные глаза не смотрели на нее, выражение лица не изменилось. Но у Дженни возникло ощущение, что ее услышали.

– Я видела руны в твоём дневнике и знаю, что они могут изменять реальность. Они могут вызывать события. Руна, о которой я думаю, – Гебо. Дедушка, ты понимаешь? Гебо.

– О чем она говорит? – прошептала Саммер, стоявшая в нескольких шагах позади рядом с остальными.

– Я не знаю. Гебо... Что это? – спросила Ди, но Майкл оборвал их разговор.

Дженни наблюдала за механической фигурой в черной бархатной накидке и ждала.

Вдруг глаза пришли в движение, и вся фигура задрожала, поднимая и опуская волшебную палочку. Пунцовые губы открылись и закрылись, голова закачалась.

Это было совершенно безумное движение, как будто немой человек в смиренной рубашке отчаянно пытался выразить согласие. По крайней мере, Дженни надеялась, что это именно так. Если она не права, это стало бы ужасной ошибкой.

– Очень хорошо, – прошептала она. – Я люблю тебя, дедушка.

Она почувствовала слезы на глазах, но она не будет плакать, нет. Не будет. Ей на самом деле не было грустно. Она была рада, хотя и немного напугана. Было совершенно невероятно, что она увидела своего дедушку снова. Это помогло ей вспомнить его, вспомнить то, как он был добр к ней, как сильно любил ее, – несмотря на все его ошибки. Тогда у нее был шанс сказать ему, что она сожалеет, а сейчас была возможность попрощаться. Это гораздо больше, чем дано многим людям, больше, чем Дженни могла ожидать.

Она опустила руку в карман, чтобы достать нож.

Он лежал там все время, почти забытый. Он пережил пещеру, затопление и все остальное. Дженни особенно радовало, что это был нож Тома, и сейчас он очень ей пригодился.

Она подержала его в руке, затем открыла самое большое лезвие. Со всей силой нажимая на лезвие, она нацарапала на старинном деревянном ящике, прямо над стеклом, наклонную черту. Затем вторую, пересекающую первую. Она вырезала Гебо – руны, обозначающую жертвоприношение. Забавно, у нее было предчувствие, что это случится, когда они вырезали руны на двери чулана.

Дженни отступила назад. Сжав левый указательный палец средним и большим, она наблюдала, как он становится темно-красным от притока крови. Затем без колебаний уколола его ножом.

Вообще-то она не знала, нужна ли кровь. Иза, руна льда, которую она использовала, чтобы остановить затопление пещеры, сработала без нее. Но сейчас она хотела сделать все правильно, она хотела быть абсолютно уверенной.

Она закрасила руны кровью. Затем сделала еще один шаг назад.

Механическая фигура замерла, словно в ожидании. Все, казалось, замерло, даже мир вокруг Дженни затаил дыхание. Какое-то время она боялась, что не сможет говорить, но темные глаза в конце концов взглянули прямо на нее. В них было молчаливое одобрение. И надежда. Третий шаг – произнести название руны вслух. Дженни сделала глубокий вздох и четко сказала:

– Гебо. Руна жертвоприношения, смерти, дара.

По механической игрушке, одетой в черный бархат с золотыми блестками, пробежала судорога, как будто ее пронзил электрический ток. Обе руки дернулись и поднялись, голова начала вращаться. Трещины поползли по затвердевшей краске на лице.

Кулак с зажатой в нем волшебной палочкой упал. Фигура скособочилась, голова запрокинулась назад. Словно какая-то главная пружина сорвалась или кто-то обрезал ниточки, державшие марионетку. Пунцовые губы чуть раскрылись.

Дженни, едва дыша, пристально смотрела на лицо.

Оно изменилось. Оно по-прежнему оставалось пластиковым – треснувшая пластмасса с облезлой краской. Но стало совершенно очевидно, что это сломанная кукла. И боль ушла. Взгляд, который вначале разрывал ей сердце, взгляд невыразимой тоски – его больше не было.

Пунцовые губы, казалось, улыбались, стеклянные глаза смотрели спокойно. Вместе со спокойствием появилось неожиданное достоинство. Лицо выглядело безмятежным и почти благородным. Что бы ни сделал ее дед, в каких бы секретах он ни был замешан, она заплатила за все – и кукла, похоже, знала это. Выражение лица – как будто после очень долгого путешествия человек оказался дома.

– Теперь ты можешь отдохнуть, – сказала Дженни и вытерла глаза рукавом.

Щелчок заставил ее посмотреть вниз – в отверстии появилась карточка с предсказанием судьбы. Дженни равнодушно взяла ее. На ней было написано всего два слова: *СПАСИБО ТЕБЕ*.

Дженни расплакалась, оглядываясь по сторонам, как будто дедушкина душа витала где-то здесь и ее можно увидеть. Теперь она была свободна.

– А что с ними? – спросила Ди, глядя на черный ящик.

Дженни вытерла глаза и нос, затем заставила себя взглянуть в том же направлении. Головы Слага и Пи-Си были еще отвратительнее, а их глаза следили за ней с отчаянием собаки, просящей вывести ее на прогулку. Дженни проглотила комок, подступивший к горлу.

– Вы меня слышите?

Головы закивали.

– Вы видели, что я сделала?

Кивок. Кивок.

– Вы хотите, чтобы я и для вас сделала то же?

Кивок, кивок, кивок, кивок, кивок, кивок, кивок.

КИВОК...

Дженни разрыдалась и продолжала плакать, когда подняла нож. Ей нужно было выплакаться. Она никогда не любила их. Они преследовали ее на пустынной улице, они хотели обидеть ее, они вломились в ее дом и обокрали ее. А сейчас они выглядят как маленькие кивающие игрушечные собачки, которых кладут на заднее стекло машины, и Дженни собиралась их убить.

Она продолжала всхлипывать, когда вырезала две руны, по одной над головой каждого из них, и разрезала ножом, свой палец. Она все еще плакала, когда закрашивала кровью первую руну. Поэтому не заметила нападения, пока Ди не закричала.

Дженни подняла глаза и замерла. Это было еще одно безглавое тело, похожее на то, что схватило Ди у пруда. Единственное отличие состояло в том, что оно не было белым и раздутым и на нем были черная майка и кожаный жилет. Это был Пи-Си.

В ящике голова в черной бандане отчаянно затряслась – как будто хотела отделить себя от движущегося тела, с которым сражалась Ди. Глаза косили в разные стороны, пытаясь проследить за происходящим.

– Я думаю, что Сумеречные люди должны контролировать тела! – закричал Майкл, пытаясь оттолкнуть Саммер в сторону.

Одри попятилась, Ди сражалась с чудовищем, размахивая киркой Одри. Ящики-автоматы по сторонам разрушились.

Дженни, которая было абсолютно не готова к нападению, все еще не могла сдвинуться с места.

– Давай, давай, поторопись! – закричал Майкл, выхватил у нее нож и проколол себе палец. «Следующее, что он сделает, – подумала она, – это закрасит кровью другую руну».

– Давай, давай, Дженни!

Словно загипнотизированная, Дженни подняла свой палец и провела им по рисунку, оставляя бледно-красные полосы.

Тело без головы схватилось за кирку Ди и попыталось вырвать ее, потянув на себя.

Дженни решительно повернулась к ящику. Освещенные голубым светом головы внимательно смотрели на нее, умоляюще и глупо, и были еще более жалкими.

– Гебо! – закричала она.

Майкл тоже крикнул, потому что и его кровь была на руне. Затем несколько событий произошли почти мгновенно, одно за другим.

Обе головы в ящике дернулись. Их рты раскрылись немыслимо широко, обнажая окрашенные в синий цвет зубы, глаза вращались. Раздались нечеловеческие вопли, которые,

казалось, исходили отовсюду, но только не из распахнутых глоток. Послышался страшный грохот.

Тело Пи-Си размахивало киркой, разбивая стекла и круша дерево. Пока Дженни наблюдала за ним, оно молотило все более рьяно, затем остановилось, опрокинулось назад и лопнуло, как воздушный шарик.

Тем временем со всех сторон понеслось шелканье, жужжание, бреление музыки. Зал игровых автоматов вдруг ожил. Силомер для ног завибрировал. В разбитом вдребезги ящике закружилась механическая балерина. Бродячие танцоры в автомате шелкали деревянными челюстями.

– Давайте убираться отсюда! – крикнула Ди.

Дженни бросила последний взгляд на черный ящик. Головы были неподвижны, и она подумала, что их пустые и бессмысленные лица выглядят вполне умиротворенно.

Затем она пошла по осколкам стекла и скоро оказалась снаружи, на свежем воздухе.

Выбраться из этого бедлама было невыразимым облегчением, хотя это все еще был Сумеречный мир.

Дженни посмотрела на Ди:

– Ты в порядке?

– Ага. – Ди вытаскивала стеклышки, застрявшие в джинсах.

Дженни посмотрела на Саммер, которая съежилась, крепко обняв себя за плечи.

– А ты?

Саммер вымученно улыбнулась.

– У меня занозы, – заявил Майкл, поднимая палец.

– Это было очень смело с твоей стороны, – улыбнулась Дженни.

Она вспомнила, как он выглядел в дедушкином доме, когда она объяснила, что придется рисовать руны кровью.

Майкл посмотрел на Дженни:

– Что?

– Не обращай внимания. Саммер, верни Ди ее куртку. Одри, ты можешь идти? Нам лучше бы пойти дальше.

Она пощупала карман рубашки – монеты были на месте. Ей казалось, что нужно спешить, как будто позади нее собиралась буря. Сумеречные люди были недовольны тем, что она сделала с их пленниками.

– Подожди. Как мы найдем мост? – спросил Майкл.

– Мы пойдем вокруг озера и увидим его.

Они нашли его сразу же, как только миновали деревья близ зала игровых автоматов. Он начинался между американскими горками, поднимаясь красивой дугой, похожей на радугу, и заканчивался на острове.

– Я думаю, его здесь раньше не было, – сказала Одри.

– Может, он просто не был освещен? – предположила Ди.

Майкл заметил:

– Как на него взобраться?

Все посмотрели на Дженни.

– Мы сделаем это, – решительно сказала она. – Мы должны. Мы должны добраться до Тома и Зака быстро, потому что нас попытаются остановить или произойдет еще что-нибудь. Мы действительно должны добраться до них, чтобы выиграть игру.

– Я не понимаю, как использовать монеты, – пробормотала Ди.

Когда они подошли к основанию моста, Дженни все стало ясно. Перед ней находилась аккуратная маленькая будка, окруженная забором с колючей проволокой, которая не позволяла перебраться через него. Футов через десять забор становился таким высоким, что перелезть через него было невозможно, даже если очень захотеть.

Рядом с будкой находился турникет вроде тех, что можно увидеть в аэропортах. Но вместо четырех углублений для двадцатипятицентовых монет в нем было три – для монет неправильной формы. Немного повертев дублионы в руках и поменяв их местами, Дженни аккуратно опустила все три монеты в пазы.

Это был очень важный момент. Они завершили охоту за сокровищами и были близки к тому, чтобы получить приз. Она чувствовала, что нужно сделать какой-то значительный жест.

– Ди? Хочешь толкнуть его? Одри?

– Ты заслужила это. Давай продолжай и сделай так, чтобы это случилось, – отозвалась Ди. Дженни была счастлива.

Она толкнула лоточек с монетами внутрь турникета и почувствовала, что он встал на место. Полосатый шлагбаум поднялся.

– После вас, – улыбнулась она и жестом пригласила друзей.

13

Ди пошла первой, за ней последовала Саммер, а потом Майкл и Одри.

Дженни замедлила шаг, чтобы остальные ушли подальше, – отчасти из-за того, что ей было страшно, а отчасти потому, что не хотела, чтобы кто-нибудь из них бросился ей на выручку, если она вдруг упадет.

Высота. Дженни всегда ненавидела высоту. Но будь она проклята, если позволит этому мосту остановить ее на пути к Тому.

Поначалу было еще ничего. Да, мост крутой, узкий. И без перил. Если бы вся эта конструкция располагалась в шести дюймах от земли, Дженни легко прошла бы по ней. Проблема заключалась в том, что это надо проделать в двадцати футах над землей.

Если она не будет смотреть вниз и сконцентрируется на цели, она не заметит, как они взбираются вверх.

Именно в этот момент что-то проскользнуло под ногами – словно клочок тумана. Забеспокоившись, она посмотрела вниз.

Нет, они были не на заоблачной высоте, а в двадцати футах над землей. Вокруг них клубился туман.

– Классно! – воскликнул Майкл.

– Я ничего не вижу, – добавила Саммер.

– Давайте возьмемся за руки. Я вижу дорогу, – предложила Ди откуда-то издалека.

Дженни схватилась за край нейлоновой куртки Одри и, шаркая ногами, медленно пошла вперед. Вокруг все было густо-белым. Она едва могла разглядеть свои походные ботинки. Ноги ныли от напряжения.

Вдруг Одри резко остановилась, огляделась и раскрыла рот от изумления.

Туман внезапно рассеялся. То, что она увидела внизу, под мостом, казалось неземным.

Было темно, и в темноте парили арки других мостов, изящные и воздушные, некоторые из них полыхали огнем, некоторые, казалось, были вырезаны из льда. Они вели к участкам земли, похожим на островки, плывущие в пространстве.

– Как Неверленд, – прошептала Дженни. – Острова. Где мы?

– Я не верю, – ошеломленно сказала Одри.

– А я верю! – Ди стояла на самом верху. Ее голова была запрокинута. Слабый свет играл на скулах, глаза светились. – Я верю!

Некоторые островки были ярче других и казались почти настоящими, четче в деталях. Другие – туманны и призрачны, словно не достроены и заброшены.

Между островками Дженни увидела звезды – но это были не обычные звезды. Их скрывала волнообразная рябь, как будто она смотрела сквозь поток чистой воды или сквозь лоскут черного шелка. В них было что-то невероятно потерянное и одинокое.

– Но что это? – повторила она свой вопрос.

Одри встрепенулась:

– Я думаю, это девять миров. Из мифологии Норса. Норс – те же руны. Я рассказывала тебе о них.

– Ты имеешь в виду, что мы как бы над Сумеречным миром?

– Думаю, да. А вон там, вероятно, Асгард, наш путь туда. Должно быть, так.

Дженни запрокинула голову назад. Высоко над ними – гораздо дальше, чем любой из островков внизу, – раскинулась Страна островов, которые казались серебряными или золотыми.

Она мельком увидела нечто похожее на освещенную гору, поднимающуюся к золотистому облаку. Мост к нему был очень узким и словно пылал.

– Там живут боги.

– Боги? – Дженни говорила с Одри, не отводя глаз от сияющего острова.

– Так говорится в мифах. Держу пари, что это Ванахейм, мир воды и растительного изобилия, где живут младшие боги. – Одри показала на островок, окрашенный в темно-голубой и темно-зеленый цвета.

– Ванахейм имеет какое-нибудь отношение к Анахейму? – пробормотал Майкл.

На губах Одри появилась сдержанная улыбка, но она проигнорировала его замечание.

– А вот и Альфхейм, мир света и воздуха, – указала она в сторону острова, который был к ним ближе всего и сверкал в лучах рассвета, играя желтым, темно-голубым и светло-зеленым оттенками. – Дом светлых эльфов – добрых духов. Я помню все, разве не удивительно? Мне было, наверное, лет восемь, когда я узнала об этом.

– А вон те? – спросила Ди.

Два острова проплывали рядом с мостом, на котором они стояли: один – скалистый, продуваемый буйными ветрами, а другой – такой яркий от оранжевого огня, что Дженни не могла рассмотреть детали.

– Этот, скалистый, – Йотунхейм, мир первородных бурь. А другой, должно быть, мир первородного огня. Там живут только великаны-убийцы.

– А это что? – поинтересовался Майкл, смотревший влево вниз.

Одри проследила за его взглядом.

– Преисподняя, – ответила она просто.

– Я всегда думала, что в аду жарко, – удивилась Саммер, чьи глаза напоминали распутившиеся васильки.

– Это не ад. Это подземное царство, куда все погружается. Там правит Хель, богиня смерти.

Остров, похожий на замерзшее озеро, был холоднее и чернее, чем любое пустое пространство между мирами. Дженни никогда не видела другого такого места, где совсем не было ни света, ни радости.

К нему вел широкий ледяной мост.

– Мы не хотели бы отправиться туда, или вон туда – похоже на пещеру. Это Свартальвхейм – подземный мир.

– Больше никаких пещер. Спасибо, – сказал Майкл.

Прямо под ними парил последний остров. И оба конца моста, на котором они стояли, казалось, были соединены с его поверхностью, которую скрывали густой туман и тень.

Одри пояснила:

– Нифльхейм, земля льда и теней. Сумеречный мир. – Она покачала головой. – Я все еще не могу поверить в это.

– Почему? Это не более сверхъестественно, чем все, что мы видели сегодня, – возразила Ди. – Но я насчитала только восемь миров. А где Земля?

Одри огляделась, пожала плечами:

– Может быть, мы не увидим, пока не закончим игру?

– Какая разница? Послушайте, мы хотели пройти между мирами, да? – воскликнула Ди, ее глаза сияли. – И вот мы делаем это. Ну что же, пойдём?

Дженни кивнула, Она казалась себе совсем крошечной и незначительной, у нее перехватило дыхание. Возникло ощущение, что спускаться вниз будет тяжелее, чем подниматься, потому что уклон был гораздо круче.

В пространстве между мирами было трудно передвигаться. Сделав два или три шага, Дженни ощутила боль в икрах и бедрах. Она слышала, как впереди тяжело дышит Одри. Кроме того, стоило Дженни хоть немного отвести взгляд в сторону, как ее начинало тошнить. Ноги совершенно окоченели, и она была готова стремительно съехать вниз на... Нет, лучше лечь на живот и поползти оставшуюся часть пути. Но это было еще не самое страшное.

Она боялась, что потеряет сознание.

«Если я грохнусь в обморок здесь, наверху, то я упаду. Конечно же я свалюсь. Никто

никогда не падает вперед, когда теряет сознание. Я соскользну в сторону».

С того момента, как мысль об обмороке пришла ей в голову, она не могла думать ни о чем другом. Она точно потеряет сознание. Одна мысль об этом вызывала у нее головокружение. Дженни было страшно так, что захотелось спрыгнуть с моста.

Похоже, у нее истерика. Не следовало думать о прыжке. Теперь она боялась того, что спрыгнет, просто потому, что эта мысль тоже пришла ей в голову. Она должна попытаться забыть об этом.

«Думай о другом. Думай о том, как добраться до Тома».

Но возможный прыжок прочно засел у нее в голове. Дженни невольно рисовала в своем воображении эту картину. Она может покончить с этим одним махом – всего лишь шагнув в сторону.

«О боже, нет!»

Она не хотела этого, но боялась, что сойдет с ума и поступит именно так.

Голос раздался в ее собственной голове, но был таким суровым, что казался чужим:

«Продолжай движение, девочка!»

Дженни поняла, что остановилась, глядя на ноги в кожаных походных ботинках и белую узкую полоску моста, окруженную с обеих сторон бесформенной темнотой.

«Просто переставь одну ногу, потом другую».

«Я не могу», – подумала она.

«Нет, можешь!»

«А если я упаду в обморок и упаду?»

«Ты хочешь, чтобы все остальные справились со своими страхами? Ты не хозяйка своему слову, самой себе, если не в состоянии контролировать собственные ноги! Ты трусиха!»

Правая нога шагнула вперед.

«Очень хорошо! Теперь другая».

Дженни сделала следующий шаг. И еще один. И еще. Не смотреть в сторону! Еще один шаг. И еще.

Оставалось пройти совсем небольшое расстояние. Она видела, где кончается мост. Десять футов. Пять футов.

Ноги ее вдруг стали слабыми, ватными, Дженни споткнулась и упала.

Ди наклонилась к ней:

– Ты в порядке? Я не должна была позволять тебе идти последней. Я забыла.

Дженни села и вытерла лоб:

– Я справилась сама.

– Да, ты справилась. За эти дни тебе пришлось много раз делать это.

Дженни была счастлива.

Затем ее будто током ударило: они перешли через мост, они сделали это!

Том.

Она вскинула голову и посмотрела вверх – у нее все поплыло перед глазами.

После неземной грандиозности пространства между мирами, которое они только что наблюдали, наступило некоторое разочарование. Они находились на острове посреди искусственного озера в Джойланд-парке. Маяк выглядел таким же, как раньше.

Парк представлял собой буйство огней, освещающих аттракционы. Все выглядело совершенно привычно.

Позади осталась изящная арка моста. Такая же арка отражалась в воде. Туман исчез, и не осталось никаких следов других миров. Самое высокое место на острове было не выше сорока футов.

– Наверное, галлюцинация, – медленно произнесла Одри, – Одна из штук Джулиана. И я предполагаю, что это из-за меня, так как только я знала об этих других мирах.

Дженни открыла было рот, но промолчала. Правда в том, что они вообще никогда не узнают правды.

Она оглянулась на маяк:

– Пошли. Вот он.

Она возглавила шествие. Ди позволила ей сделать это.

Маяк оказался массивнее, когда они приблизились. Построенный в натуральную величину, он имел даже флюгер наверху. К нему было пристроено здание, которого раньше Дженни не видела, так как оно не было освещено.

«Может быть, это ресторан?» – предположила она.

Сбоку виднелась деревянная дверь с большой железной ручкой.

– Территория монстров, – произнесла Ди, когда Дженни взялась за ручку, и приготовилась захлопнуть дверь, если за ней обнаружится что-нибудь недружелюбное.

– Том и Зак конечно же наверху, – заявил Майкл.

Он ошибся.

Было забавно, каким образом начиналась развязка этой истории. Дженни, постоянно пребывая в состоянии сопротивления и преодоления трудностей, все ждала момента, когда увидит Тома. Она так привыкла знать, что была не совсем готова к тому, что конец близок. Лучше сказать, совсем не готова.

Она не могла справиться со своим состоянием.

Все произошло так стремительно, что, готова она была или нет, это уже не имело значения.

Она потянула за ручку, и деревянная дверь распахнулась.

Ди не пришлось защищаться. Внутри было светло, и ничто, угрожая не вырвалось навстречу.

Черная металлическая лестница уходила вверх слева от Дженни, поднимаясь спиралью к самой верхушке маяка. Прямо перед собой она увидела интерьер пристройки. Между ним и маяком не было стены.

Это было чудесное место с огромной диорамой высотой в два этажа на заднем плане и выглядело как декорации к кинофильму, но пронумерованные флажки на столбиках раскрывали его истинное предназначение. Это было миниатюрное поле для гольфа, расположенное в помещении.

– Остров сокровищ, – сказал Майкл, выглядывая из-за плеча Дженни. – Пираты, видишь?

Диорама представляла собой картину на дальней стене здания, необыкновенно реалистичную, с вулканом на заднем плане. Дым и неоновые огоньки, изображающие искры, указывали на то, что вулкан извергается. В небе бушевала буря, то и дело вспыхивала зигзагообразная молния.

Внизу картины, прямо за полем для гольфа, две шлюпки приближались к скалам из стеклопластика. В одной сидел пират с повязкой на глазу, в шляпе и шейном платке.

В другой, настоящей, сидели Том и Зак.

Дженни закрыла рот рукой, чтобы не закричать, и бросилась к ним.

Не было слов, чтобы описать, что она чувствовала. Когда ее разлучили с Томом в первый раз, разлука продолжалась всего несколько часов. На этот раз – несколько томительных и напряженных дней. Она была вымотана до предела – но никогда в жизни не была так счастлива.

Один только вид Тома поднял ей настроение. Это было похоже на возвращение в родной дом после продолжительного времени, проведенного с незнакомыми людьми.

Она порывисто обняла его и не выпускала из объятий.

– Осторожно, Дженни. Он был здесь минуту назад.

И Дженни, которая всегда ассоциировала Тома с безопасностью, вдруг почувствовала себя его страстной защитницей. Как будто это был не он, а Саммер. Глядя в его милое задумчивое лицо, в его выразительные глаза, она шепнула:

– Не волнуйся. Я позабочусь о тебе.

– Освободи меня, – отрывисто сказал Том, а потом поцеловал ее.

– Если бы вы могли оторваться друг от друга хотя бы на минуту... – раздался голос Зака.

Дженни подняла глаза. Ее кузен сидел на корме – да, да, он самый, со своим удивительно длинным носом и светлыми волосами, завязанными в хвост.

– По тебе я тоже скучала, – улыбнулась она и крепко сжала Зака в объятиях.

– Мы связаны, – сообщил Том.

Дженни увидела, что его запястья связаны за спиной толстой веревкой.

– Нет проблем, – сказала она и вытащила армейский нож.

«Никогда никуда не пойду без ножа», – подумала она.

Наклонившись к Заку, она осторожно разрезала веревку. Теперь очередь Тома.

– Привет, Ди, – тихо сказал Том, как будто он встретил ее в субботу на бейсболе. – Эй, Одри, Ма... – внезапно он замолчал.

Дженни порезала ему руку.

– Сядь, – попросила она.

Казалось, он не заметил Саммер.

– Привет, Том, – робко напомнила о себе Саммер.

– Саммер?

– Она не умерла, она просто спала, – пояснила Одри.

Дженни повторила:

– Сядь, хорошо? Мы потом все объясним тебе.

– Да, конечно, – тихо сказал Том. Дженни разрезала веревку. Пока он растирал кисти рук, она повернулась к Заку:

– С вами все в порядке? Я имею в виду, вы не ранены?

– Мы в норме, – рассеянно ответил Том. – Он привел нас сюда совсем недавно. Сначала мы были на маяке, и там было совсем неплохо. Разве что я боялся, что ты придешь.

– Ты знал, что я приду, я надеюсь.

– Я надеялся, что ты не придешь, и боялся, что придешь.

– Том, ты не должен беспокоиться обо мне.

Она подняла глаза и увидела, что он смотрит на нее по-новому – так, как смотрел после окончания первой игры. Как будто она была безгранично любимой, приводила его в замешательство и одновременно поражала, как будто он не заслуживал ее, но доверялся ей.

– Конечно же я должен беспокоиться о тебе, Ежик, – сказал он просто. – Как и ты беспокоишься обо мне.

Дженни улыбнулась:

– Сейчас уже не о чем беспокоиться. Мы выиграли, Том. Мы отправились на охоту и нашли вас. Все закончилось.

– И все же я буду чувствовать себя счастливее, когда выберусь отсюда, – произнес Том.

А Зак добавил:

– И я тоже – в два, в три, в четыре раза счастливее!

Дженни огляделась. Это место показалось ей в высшей степени странным – навевающим предчувствие беды. В нижней части стены имелся вход на миниатюрное поле для гольфа.

– Вы, ребята, испугались попугая, – пошутил Майкл.

Дженни перевела взгляд в ту сторону, где за полем для гольфа было небольшое кафе: там стояли оранжевые пластмассовые столы и табуретки, прикрученные к полу. А еще там была небольшая сцена с плакатом, на котором было написано: «КАПИТАН БИЛЛ И ЧУДО-ПОПУГАЙ СЕБАСТЬЯН», и телевизором, показывающим мультик про дятла Вуди – к счастью, без звука.

– Нет, мы испугались глаз, – ответил Том, вылезая из шлюпки и переступая через толстый канат, который свисал между двумя швартовочными стойками.

Дженни резко подняла голову:

– Глаз?

– Глаз, которые смотрели на нас из полумрака, И шепота, – пояснил Зак.

Том внимательно разглядывал руку Одри:

– Что с тобой случилось?

– Поверь, лучше этого не знать.

– Вы, ребята, выглядите так, как будто играли с бандитами и проиграли, – сказал Том.

«Это правда», – подумала Дженни, перелезая вслед за Заком через канат.

Пленники, которых они пришли спасать, выглядели прекрасно, так же, как в тот момент, когда исчезли за стеной огня, устроенной Джулианом. Одежда вот только немного помята и испачкана, а во всем остальном – все отлично. У Зака на шее по-прежнему висит видеокамера.

Зато спасатели имели жалкий вид. Саммер выглядела как сломанный цветок. Одри, обычно образец элегантности, теперь напоминала туриста, попавшего в переделку. Джинсы Ди

были в темных потеках. Майкла, казалось, искупали в болоте.

– Вам пришлось многое испытать, – посочувствовал Зак, и на этот раз его серые глаза не были холодными и безразличными. – Спасибо, Дженни.

Дженни махнула рукой, как бы прекращая обсуждение, но внутри нее все ликовало.

– А все-таки, что случилось во время пожара? Я держала тебя за руку, а в следующее мгновение...

– Я упал, – ответил Зак, – Дурацкая случайность. Споткнулся и упал, а когда встал, не знал, куда идти. И вернулся обратно, к Джулиану.

– Из огня да в полымя, – заметил Майкл.

– А потом вернулся Том. – Зак посмотрел на Тома, и что-то вроде симпатии промелькнуло между ними.

Застенчивый фотограф и спортсмен никогда прежде не были близки, а сейчас Дженни показалось, что все изменилось. Она была довольна.

– О! – произнес Майкл.

Одри одернула его:

– Заткнись, *mon cher*.⁵

Ди перебила их:

– Вот карта парка.

Карта представляла собой раскрашенную под пергамент деревяшку с железными цепочками вокруг.

– Это парк аттракционов. Мы видели его из окна маяка, – начал было Том. – Смотрите, вот мой план...

Его голос замер. Одри, Майкл, Ди и Саммер смотрели не на него. На Дженни.

Том взглянул на Зака, который стоял скрестив на груди руки. На его лице отразилось что-то похожее на веселое удивление.

– Хорошо, почему бы тебе не познакомить нас со своим планом? – обратился Том к Дженни.

Дженни едва сдерживала смех.

– У меня нет плана. Он нам не нужен. Мы выиграли и можем выйти отсюда. Единственное, чего я не понимаю, так это почему не появляется Джулиан.

– Как вы думаете, он следит за нами? – спросила Саммер.

– Конечно, слежу, именно этим я и занимаюсь, – раздался утомленный голос.

14

Дженни обернулась. Джулиан стоял около автомата с билетами и латунным телескопом наверху. Его окружали папоротник и искусственные пальмы. И он выглядел... уставшим?

Он снова был одет в ветровку, руки держал в карманах. Белоснежные волосы – как зимняя луна.

Дженни знала, что только ей по силам говорить с ним. Она шагнула вперед, стараясь смотреть ему прямо в глаза.

– Мы выиграли, – начала Дженни с большей уверенностью, чем испытывала. – Это последняя игра и на сей раз у тебя нет возможности изменить правила. Ты должен нас отпустить.

Его глаза цвета полночного неба были полны теней, но было в них что-то еще, что поняла только Дженни. Она почувствовала за спиной чье-то присутствие. Там стоял Том, который в этот момент был дьявольски красив и полон холодной ярости. Он не собирался позволить ей столкнуться с Джулианом один на один. Его рука лежала на ее плече, легко, без давления. Как будто он хотел сказать, что он здесь, чтобы поддержать ее.

– Мне следовало убить тебя? – сказал он Джулиану. – Я не смог, но должен был

⁵ Мой дорогой (фр.).

попытаться. И я попробую, если ты что-нибудь выкинешь на этот раз.

Джулиан проигнорировал его слова.

«Тоска», – поняла Дженни.

Это была тоска, Джулиан смотрел не на Тома, но на руку Тома, лежащую на ее плече, – и в его глазах появилась тоска.

«Сумеречный человек, который видит то, чего сам никогда не сможет испытать, – подумала она, – Человеческую любовь».

– Ты собираешься что-нибудь предпринять? – натянуто спросил Том.

Это был хороший вопрос, Дженни была готова бороться с Джулианом. Каждый раз, когда она выигрывала, Джулиан в последнюю минуту находил какую-нибудь лазейку, чтобы разбить их и посмеяться над ними.

Дженни ожидала, что и теперь он попытается сделать это. Но почему он медлил? Почему не появился, прежде чем они освободили Тома и Зака? Почему не переоделся пиратом, почему не отгонял их абордажным крюком, улыбаясь и заставляя побороться за Тома и Зака? Почему он не участвовал в заключительной сцене?

Возможно, потому, что у него было что-то на уме. Нарисованный вулкан извергнется. Ударит настоящая молния. Или, может быть...

...Или, может быть он устал играть.

– Мы выиграли, ведь так? – спросила она, вдруг почувствовав неуверенность.

Она думала, что провозглашение победы понравится ей намного больше.

– Вы выиграли, – подтвердил Джулиан, и в его голосе не было эмоций.

Он по-прежнему смотрел сквозь нее. И выглядел уставшим.

Он потерпел поражение.

– Ну и... я могу идти?

– Да.

Дженни по-прежнему ждала ловушки.

– И взять всех с собой?

– Да.

– Даже Тома? Я могу взять Тома с собой?

– Пошли, – резко сказал Том, взяв ее за руку.

Дженни почти – не совсем – оттолкнула его. Это было совершенно не похоже на Джулиана.

– Я могу идти, и я могу забрать Тома, – настаивала она. – И всех. Это последняя игра, и сейчас она закончилась.

Джулиан впервые за все это время посмотрел на нее. Его глаза были широко открыты, взгляд был таким же, какой Дженни видела в пещере. Обращенный внутрь себя, как будто ничто не имело значения.

– Это последняя игра, – сказал он. – Она закончилась. Я больше тебя не побеспокою.

Уголки его губ дрогнули, как будто он хотел сказать что-то еще, а может, это было неосознанное движение. Потом он молча отвернулся.

– Убирайтесь. Уберите ее. – Он говорил искаженным голосом, едва сдерживая себя, – Уберите ее отсюда, прежде чем я что-то сделаю...

– Джулиан! – воскликнула Дженни.

Он вздрогнул, с трудом подавляя эмоции.

Том схватил Дженни за руку.

В глубине здания между двумя огромными камнями была дверь из грубого дерева, похожая на ворота. Но не было ни забора, ни стены, только стоящая в пространстве дверь, которая выглядела чрезвычайно крепкой.

Она была приоткрыта, и за ней Дженни увидела холл дедушкиного дома и даже маленький телефонный столик с белой салфеткой. Телефон валялся на полу. Трубка лежала рядом.

– Дом, – произнесла Одри испуганно.

Дженни резко высвободилась. В необъяснимом порыве она хотела остаться и поговорить

с Джулианом.

Но Джулиан не хотел разговаривать с ней.

– Уходи. Сейчас же!

Даже не видя его лица, Дженни могла сказать, что он теряет контроль над собой.

– Дженни, ты с ума сошла? – крикнула Ди.

Вдвоем с Томом они тянули Дженни к выходу.

– Дайте мне минуту!

– Вы уведете ее отсюда когда-нибудь? – прорычал Джулиан.

Саммер заплакала. Дженни продолжала сопротивляться своим друзьям, тем, кого она любила больше всех, – Тому и Ди – по причине, которую она не могла объяснить даже себе самой.

Она знала, чем рискует; она понимала, почему Саммер плакала. Она чувствовала нарастающую бурю в душе Джулиана. Воздух стал горячим и наэлектризованным, как будто вот-вот ударит молния. Он мог сделать с ними что угодно.

Но она не могла этого допустить.

– Джулиан, пожалуйста, послушай...

Тогда он обернулся. Так быстро, что Дженни отступила назад. Она испугалась того, что прочла на его лице.

– Ты не можешь спасти меня от меня самого, – прошептал он, выделяя каждое слово. Потом он посмотрел в лицо Тому. – Уведи ее отсюда. Я пытаюсь играть в игру по правилам. Но если ты не исчезнешь с ней за тридцать секунд, все правила отменяются.

– Извини, Ежик, – сказал Том и опять схватил ее за руку.

– Нет! – Дженни была в бешенстве от унижения, от того, что ее заставляют идти туда, куда она идти не хочет.

И она злилась, потому что только что поняла, почему хочет остаться. Джулиан объяснил ей. Она хотела спасти его.

Это было как знак на зеркале Эбы. *«Не причиняй зла. Помогни, если можешь. Отплати добром за зло».*

Это было именно то, чего она хотела, – помочь ему, отплатить добром.

Но ей надо было убедить не только Тома. Ди сурово смотрела на Дженни. А Майкл и Одри, Зак и Саммер окружили их, образовав плотное кольцо.

– Мы вытащим тебя через эту дверь за волосы, если понадобится, солнышко, – пригрозила подруге Ди.

– Иногда ты бываешь чересчур хорошей, и сейчас тот самый момент, – добавила Одри.

Они вместе направились к двери, но не дошли.

Окутавшая ее пелена отличалась от тумана, окружавшего их на мосту. Она была густой, с темными завитками, и двигалась очень быстро.

Лед и тени. Кружащая, бурлящая смесь белого и черного.

Дженни очень хорошо помнила – она видела это дважды, В первый раз, когда ей было пять лет. Воспоминания были настолько ужасны, что она заставляла себя их забыть. Второй раз – месяц назад, когда пережила это снова в картонном доме Джулиана.

Том в ярости обернулся к Джулиану, Дженни выскользнула из его рук. Происходящее было похоже на погружение в кошмар – вновь повторяющийся кошмар. Все поверхности покрывались инеем. Он поднимался вверх по деревянным столбам, ржавым фонарикам, которые стояли повсюду на поле для гольфа. Он покрывал бочки с надписями: *«ЧЕРНЫЙ ПОРОХ»*. Сосульки вырастали на просмоленных канатах, соединяющих опоры причала.

Леденящий ветер разметал волосы Дженни, потом стал яростно хлестать ее по щекам.

– Что происходит? – кричала Одри, – Что происходит?

Саммер завизжала от страха.

Стало холодно – такой же холодной была вода, почти затопившая Дженни в шахте. Холодно до боли. Было больно дышать, и больно было просто стоять, не двигаясь.

Том что-то кричал ей на ухо, пытаясь поднять ее и толкнуть к двери. Он сделал бы это даже в огне...

Но не сейчас. Белый свет больно резал глаза, и темные воронки мчались сквозь него, как

хлысты, как гибкие вытянутые руки.

Они удерживали Тома на месте. Они поймали их.

Постепенно ветер стих. Слепящий блеск потускнел. Дженни снова смогла видеть: она увидела, как собиралась и срасталась темная пелена, формируя фигуры.

Фигуры со злобными древними глазами. Сумеречные люди.

– О боже, – прошептала Одри. Она прижалась к Дженни. В ее волосах застряли кристаллики льда. – О боже... Я не знала...

Дженни тоже не знала. Она не понимала, хотя узнала жестокие и жадные глаза, – она не могла ошибиться.

Майкл вытер рот тыльной стороной ладони, заслонил собой Одри. Саммер стонала от страха.

«Они не могут быть Сумеречными людьми, – подумала Дженни. – Сумеречные люди красивы. Сказочно красивы».

Эти создания, отвратительно изуродованные и деформированные, были ужасны. Лучше бы они совсем не походили на людей, но они походили. Они были жуткими, гадкими пародиями на человека.

Кожа некоторых напоминала шкуру животных, которую коптили и дубили. Желтовато-коричневая, жесткая настолько, что их лица не могли менять выражения. У других кожа была трупно-серая, в складках и свисала с подбородков.

Но дело было не только в коже. Их тела и лица были ужасающе уродливыми. У одного вместо носа зияла черная дыра. На лице другого вообще не было никаких отверстий – только чистая, натянутая кожа там, где должны были находиться глаза, нос и рот. У третьего на затылке рос рог.

И запах – они пахли гнилью и серой. Ноздри Дженни жгло, и она почувствовала, как желчь поднимается к горлу. Рядом с ней тяжело дышал Том. Она посмотрела на него и увидела ужас в его глазах. Ноздри Ди расширились, она приготовилась к атаке.

Нападение началось внезапно – одно из созданий ринулось прямо на Дженни. Дженни открыла рот от изумления: она узнала его. Это был серый маленький человечек, похожий на сморщенный зародыш, которого они видели в парке, тот самый, что скрылся от них в ветряной мельнице. Сейчас, вблизи, он выглядел совсем иначе.

– О боже... – снова прошептала Одри.

Саммер причитала, Ди встала в стойку кошки, великолепно владея собой.

– Можно я сделаю это? – процедила она сквозь зубы.

Дженни открыла рот, но, прежде чем смогла что-либо сказать, сморщенный зародыш заговорил.

– Мы можем взять тебя с собой. Мы можем отвести тебя, – сказал он, глядя на Дженни сверкающими, как у тигра, глазами.

Потом он захихикал, дико и бесстыдно.

«Я ни разу не спросила Джулиана, что это за создания», – вспомнила Дженни.

Она была уверена, что это не Сумеречные люди, потому что они были отвратительны. Сейчас она посмотрела на него в надежде на объяснения.

Джулиан сделал шаг вперед. На его черной куртке был налет льда, и волосы мерцали, будто покрытые инеем. Его лицо никогда еще не было таким прекрасным.

– Кто они? – прошептала Дженни.

– Мои предки, – ответил он, разрушая ее последнюю надежду.

– Эти уродцы? – Она по-прежнему не могла связать их с Джулианом.

Без каких-либо эмоций он сказал:

– Это то, чем мы становимся. Это то, чем стану я. Это неизбежно.

Дженни покачала головой.

– Как? – спросил Зак.

«Его это не испугало, – подумала Дженни. – Взгляд фотохудожника: он находит уродливые вещи интересными».

– Они действительно так выглядят? Или это для того, чтобы напугать нас? – услышала она свой собственный голос.

Странно затуманившиеся глаза Джулиана встретились с ее глазами.

– Это их настоящая форма. – Он оглядел их без всяких эмоций, – Мы рождаемся идеальными, – продолжал он без скромности или высокомерия. – Но когда стареем, становимся уродливыми. Это неизбежно: внешние изменения отражают внутреннюю сущность, – пожал он плечами. – Мы превращаемся в монстров.

«Стихотворение. Стихотворение на столе у бабушки», – вспомнила Дженни.

Она наконец-то поняла его. Она никогда не догадалась бы об этом по внешности Джулиана, никогда бы не смогла представить его таким.

Сейчас она старалась прогнать это видение – портрет Джулиана, такого же уродливого, как они, такого же испорченного. С ним не могло этого случиться, но он утверждает, что это неизбежно.

– Но я не знаю, что они сейчас здесь делают, – продолжал Джулиан, как будто не подозревая о ее реакции. – Это не их игра, они ничего не могут с этим поделать.

– Ты ошибаешься, – возразило существо с глазами крокодила.

Его голос, однако, был неожиданно красивым и звонким, как легкая мелодия.

– Это игра стала нашей, когда она украла у нас добычу, – добавил другой, чей голос звучал так, словно он наглотался рыболовных крючков.

– Кто украл вашу добычу? – прокричал Том.

Дженни показалось, что пол под ней вдруг внезапно провалился. Ее пальцы и ладони закололо, как будто по ним прошел электрический ток. Она посмотрела на Джулиана.

Джулиан застыл, держа руки в карманах, сурово глядя на Сумеречных людей. Его брови ежеминутно поднимались, а голова слегка отклонилась назад.

Он, по-прежнему без эмоций, перевел взгляд на Дженни.

– Она забрала старика, – объяснил третий шелестящим, как падающий снег, голосом. – И двух мальчишек, они тоже были нашими жертвами. Мы охотились за ними. Они принадлежали нам.

Голоса вдруг слились в один.

– Старик был нашим по праву, – настаивал голос, похожий на медный гонг.

– По праву крови, – ворчал густой гадкий голос.

– Он заключил сделку – его жизнь принадлежала нам, – добавил голос, похожий на удар плети.

– Но вы покончили со стариком? – заметил Джулиан.

– Мы не закончили наслаждаться им.

– Он был наш навсегда.

– А мальчишки... – вмешался холодный, как зимний ветер, голос. – Мы только начали терзать.

«Я рада», – болезненно подумала Дженни.

Она была рада, что спасла и бабушку тоже, спасла от вечности с этими монстрами. Но она по-прежнему боялась.

Высокий Сумеречный человек сделал шаг вперед. Он посмотрел вниз на Дженни своими крокодильими глазами – безжалостными и злобными.

– Она украла у нас их души, – сказал он. – И теперь ее жизнь принадлежит нам. Она наша жертва.

Внезапно из всех углов комнаты раздался нарастающий шум. Он рождался из красивых звуков, перемежающихся вопящими, лающими нотами. Сумеречные люди смеялись.

– Убирайтесь отсюда, сумасшедшие ублюдки! Убирайтесь! – закричала Ди и набросилась на монстров с кулаками.

– Нет! – крикнула Дженни, бросаясь за ней. – Ди!

Она сделала это не раздумывая, и Том последовал за ней, готовый остановить Ди или помочь ей.

Дженни боялась, что Сумеречные люди убьют Ди. Джулиан способен отшвырнуть ее в другой угол комнаты без особых усилий. Но Сумеречные люди лишь все громче и громче смеялись – и исчезали, куда бы ни била Ди. Ее руки и ноги ни разу не попали в цель.

Ди задыхалась, она была без сил, когда подросли Дженни и Том.

Пока Дженни успокаивала Ди, к ней вернулась способность думать. Она взглянула на Джулиана, который стоял на прежнем месте, внешне не тронутый зрелищем безумствований Ди. Он выглядел отстраненным – не усталым, как раньше, а безучастным.

Дженни перевела взгляд на того, у которого были глаза крокодила. Она собралась с силами, прежде чем обратиться к нему:

– Вы говорите, раз я освободила душу дедушки, у вас есть права на меня?

– По закону ты наша, – ответил высокий Сумеречный человек. – Мы можем забрать тебя, – Он неожиданно взглянул на Джулиана. – Закон нельзя изменить.

– Я знаю, что закон нельзя изменить, – сказал тот ровным голосом.

– Она обманула нас десять лет назад, но сейчас она принадлежит нам, – раздался мелодичный голос, от которого у всех побежали мурашки.

А потом все произошло очень быстро. Темная пелена окружила Дженни, отделив ее от Тома и Ди. Она услышала, как закричал Том. Пелена касалась ее тела, как холодные руки. Ледяной ветер свистел в ушах. Ее тащили прочь, так же, как тащили в чулан дедушку много лет назад.

15

Затем раздался нечеловеческий крик, потому что если бы это кричал человек, Дженни подумала бы, что это Том. Это даже были не совсем слова, а скорее энергетическая волна. И энергия эта была явно отрицательной.

Пелена рассеялась. Дженни могла видеть. Она стояла, тяжело дыша, рядом с одним из входов в помещение. Том и Ди трясли головами, вытирали руками лица, как будто хотели избавиться от чего-то. Они тоже тяжело дышали. Все, казалось, были на грани истерики. Но крик исходил от Джулиана.

Он стоял в центре помещения. Отчаянная надежда зародилась у Дженни: может, он что-нибудь сделает. Но в следующее мгновение эта надежда рассыпалась в прах.

– Ты знаешь закон, – мягко повторил высокий Сумеречный человек.

И Джулиан опустил глаза.

«Они играют с нами, – догадалась Дженни, – И с Джулианом тоже. Им нравится смотреть, как кто-то страдает. Они остановились не потому, что он закричал, а потому, что хотели насладиться этим подольше».

Еще один Сумеречный человек заговорил. У него была красновато-коричневая кожа с пятнами, напоминающими ожоги, белок одного глаза заплыл кровью.

– Ничто не может помешать нам забрать ее – если только кто-то не захочет пойти вместо нее.

Сердце Дженни стукнуло несколько раз, прежде чем она осознала это. Она больше ни о чем не думала. Потом она вспомнила! Они сказали дедушке то же самое. Жизнь за жизнь. Кто-то должен пойти вместо нее. И это сделал ее дедушка, а сейчас Дженни освободила его и расторгла сделку, вернув все к началу.

Потом она услышала голос, спокойный и беззаботный. Это был голос человека.

– Я пойду. – Том сделал шаг вперед.

Он произнес это так, как будто предлагал сходить за пиццей для бейсбольной команды. Он выглядел почти легкомысленным, и на его лице не было ни капли страха.

Какое-то мгновение, ни о чем не думая, Дженни просто гордилась им. Горячо, страстно гордилась, что семнадцатилетний юноша, который месяц назад еще даже не слышал о Сумеречных людях, мог вот так смело стоять перед ними.

«Вот как я хочу умереть, – подумала Дженни, и странное душевное спокойствие охватило ее. – Я хочу сделать это как следует, если это должно произойти. Надеюсь, у меня хватит смелости».

Нельзя отдавать им Тома. Она никогда не допустит этого.

Прежде чем она успела это сказать, раздался короткий дикий смешок. Ди с блестящими, как у ягуара, глазами стояла рядом с Томом, вскинув голову. Она была красива, как ночная богиня или какая-нибудь богиня войны, готовая защитить свой народ. Она ухмылялась, и эта

варварская ухмылка так контрастировала с тонкими чертами ее лица! Такую ухмылку Дженни не видела с тех пор, как Ди обидела Одри.

– Нет, – сказала она Тому. – Ты не пойдешь. Пойду я. – Она часто дышала и смеялась, – казалось, она полна энергии. – Ты нужен Дженни, тупица. Она никогда тебя не отпустит. Пойду я.

– Не вмешивайся, Ди, – мягко возразил Том.

Его глаза были странно спокойны, даже мечтательны, но в голосе слышалось что-то пугающее.

В любой другой момент Дженни подумала бы, что Ди отступит.

Сейчас она просто смеялась. Она была похожа на обычную Ди – безрассудную, храбрую, безусловно, преданную, – но она словно выросла – и в прямом, и в переносном смысле.

– Это мое решение, – сказала она, – Я знаю, на что иду.

Потом раздалась другие голоса. Дженни слушала их, не веря своим ушам.

– Она моя кузина, – выступил вперед Зак. Его подбородок заострился, в серых глазах таились глубокий ясный свет и внутренняя сила. Он сделал шаг вперед и встал справа от Ди, – Я ее родственник, и если кто и должен идти, так это я.

Одри и Майкл торопливо перешептывались, потом тоже шагнули вперед. Золото-каштановые волосы Одри рассыпались по плечам, в своей теперешней одежде она выглядела невинной жертвой. Ее кожа была бледна, как цветы камелии, а голос тверд и ясен.

– Если все хотят стать героями, мы тоже хотим, – заявила она. – Правда в том, что Дженни стоит больше, чем кто-либо из нас, и мы все это знаем. И теперь выбор за вами. – Она посмотрела на Сумеречных людей.

– Да, – подтвердил Майкл. – Только мы рассчитываем пойти вместе, Одри и я. За компанию, – Он пожал плечами, как будто это было плевое дело, потом его губы задрожали, и он схватился за руку Одри.

На минуту показалось, что ему стало плохо, но он справился с собой. Его коренастая фигура выражала достоинство.

Дженни едва могла дышать от волнения.

– О, пожалуйста, не забирайте Дженни, – выдохнула Саммер. Она выглядела напуганной и хрупкой, как стекло, в глазах была пустота. – Пожалуйста, пожалуйста, вы не можете забрать ее. Я не смелая и не сильная – мне следовало умереть в картонном доме. Я...

Она упала, как подстреленная птичка. Зак бережно поднял ее. Зак, который никогда не обращал внимания на девушек.

Сумеречные люди были довольны. Возможно, разворачивалась игра намного интереснее той, на которую они рассчитывали. У них было семь мышек, с которыми можно играть, и им это определенно нравилось.

– Вы знаете, что предлагаете? – важно спросили «крокодилы глаза».

– Мы можем объяснить, – предложил другой.

– Сказать им точно, зачем они здесь.

– Каким образом мы собираемся ими насладиться, – раздалась другие голоса, и Сумеречные люди приблизились.

Волна отвращения окатила Дженни, как будто она видела их в первый раз. Они были стары, как пауки, стары, как замшелые камни. Они были мерзки. И мысль о том, что они могут дотронуться до кого-либо из ее друзей, была невыносима.

Пришло время положить этому конец.

– Хватит, – сказала она, – Вы повеселились, игра окончена. Это я вас обманула, Так что забудьте об остальных. Пошли.

«Получилось хорошо», – подумала она, и спокойствие вернулось к ней.

Она была довольна, что могла быть такой же смелой, как остальные. Она все сделает правильно, и это единственное, что сейчас имело значение.

Сумеречные люди, казалось, тоже знали, что все кончено. Красноглазый почти нежно протянул ей руку. Его пальцы были как у гориллы – черные, раздутые, толстые, как сосиски.

Дженни вложила свою руку в его лапу.

Сумеречный человек раскрыл рот, показав длинные тупые клыки.

Вдруг что-то развело их в разные стороны. Дженни поняла, что ее ударили. Она решила, что это нападение.

Но это был Джулиан.

Его волосы отливали ртутным блеском. Все его существо, казалось, было наполнено природной энергией, пугающей своим накалом. А глаза были невероятного светящегося синего цвета, как бывает перед самым рассветом.

Он всего секунду смотрел на Дженни, а потом отвернулся, и она видела только его идеальный профиль.

– Ступай домой, – сказал он. – Они не пойдут за тобой.

Он стоял между ней и Сумеречными людьми. И видимо, в отличие от Ди, был в состоянии бороться с ними.

– Давай! – прокричал он.

– Нам нужна кровь, – настаивал Сумеречный человек с крокодильими глазами, – Мы получим кровь.

– Не торопись! – остановил его Джулиан.

Через открытую дверь Дженни видела холл дедушкиного дома.

– Мы имеем право на убийство, – не отступал Сумеречный человек с крокодильими глазами.

Он выхватил из воздуха что-то длинное и плоское.

Дженни увидела, что его руки, покрытые чешуей, как у динозавра, сжимают доску рун. Как на картинке в дневнике. Только эта была настоящей.

Дженни не могла оторвать взгляда от доски. Это было как пытаться читать во сне – сначала подробности виделись четко, а потом стало казаться, что вся доска исписана нечитаемым текстом. Одни руны сменялись другими прежде, чем она успевала их прочесть.

«Это Доска жизни. Если что-то когда и существовало, так это Доска жизни», – подумала Дженни.

Голос, похожий на далекие ледяные колокольчики, произнес:

– Отдай ее нам.

– Нет, – отрезал Джулиан.

Дженни почувствовала движение позади себя. Том, и Ди, и Зак, поддерживая Саммер, и Одри, и Майкл – все вместе. Они все собирались вокруг нее. Но никто не мог сделать первый шаг.

– Что происходит? – прошептала Одри.

– Ты знаешь, что мы можем сделать, – угрожающе сказал высокий Сумеречный человек с крокодильими глазами, обращаясь к Джулиану, и поднял доску с рунами.

– Идите через дверь, – повторил, не оборачиваясь, Джулиан.

– Мы можем уничтожить тебя! – крикнул высокий, и в этот момент его голос звучал отнюдь не красиво.

Он был похож на звук трескающейся льдины, звук сокрушительного разрушения.

– О чем они говорят? – спросил Том.

Его спокойный голос помог Дженни.

– Они могут стереть его имя. Если его имя исчезнет, он умрет.

Потом она попыталась обратиться к тому, кто был сейчас в большей опасности, чем они:

– Джулиан...

– Уходите! – крикнул он.

Сумеречные люди разозлились.

– У нас есть право на убийство!

– Тогда воспользуйтесь им! – ответил Джулиан.

В другой руке Сумеречный человек с глазами крокодила держал нож.

– Давай, Дженни! – шепнул, не двигаясь, Том.

– Джулиан...

– Иди! – приказал Джулиан.

Нож поднялся и опустился.

Дженни услышала свой собственный крик. Она увидела, как лезвие ударило по дереву. На

доске появился страшный разрез. Рана. Они уничтожили имя Джулиана.

Джулиан пошатнулся.

Дженни увернулась от чего-то, что пыталось, ее удержать, и упала на колени. Ее мысли путались. Должно быть что-то, какая-то возможность помочь...

На самом деле она поняла по его лицу, что уже слишком поздно.

Сумеречные люди кружились вместе со стремительной темнотой и ледяным ветром. Дженни посмотрела на этот вихрь и попыталась поставить Джулиана на ноги.

Потом к ней потянулись руки. Руки друзей помогли ей поднять Джулиана. А потом Дженни побежала, они все побежали, неся на руках Джулиана.

Холодный ветер хлестал по спине, ледяной вихрь схватил за лодыжку. Но Майкл держал дверь открытой. Через порог переступили Саммер, Зак, потом Одри, она сама, Том, Ди и Джулиан. Она почувствовала сопротивление, силу притяжения, из-за которой потеряла равновесие, споткнулась и упала на колени.

Холл казался слишком тесным. Всем места не хватало, особенно с Джулианом, который оказался очень тяжелым. Телефонный столик валялся в стороне. Ребята упали один на другого.

– Уйдите с дороги! Надо закрыть дверь! – крикнула Ди.

Все перепуталось. Одри поползла куда-то в сторону. Дженни тоже попыталась отползти, волоча за собой Джулиана, Том поднял телефонный столик и бросил его в сторону гостиной.

Ди ногой захлопнула дверь как раз в тот момент, когда смерч добрался до нее.

– А что делать с кругом? – прокричал Майкл. – Где нож?

Дженни помнила, что нож у нее, но не могла двигаться проворно. Майкл схватил что-то с пола. Это был фломастер, фломастер, который Дженни использовала, чтобы нарисовать круг. Быстрым движением он перечеркнул круг. Крест выглядел как руна Наутиз.

– Тебе не надо этого делать, – с трудом произнес Джулиан, его голос был очень далеким. – Они не пойдут за вами. У них больше нет претензий.

Он лежал на спине, глядя в потолок, и держался за грудь, как будто Сумеречные люди вырезали вместо имени его сердце.

Дженни взяла его холодные руки. Такие холодные! Как будто изо льда. Какое бледное лицо, а его красота – как отражение огня в прозрачном льду.

Странно, но в тот момент Дженни показалось, что она увидела в его глазах все его многочисленные лики. Продавец из магазина «Иные игры». Лесной Царь в белой кожаной тунике и коротких штанах. Киберохотник в стальных доспехах с синей треугольной татуировкой на щеке. Танцор в маске и в черном смокинге.

Как будто каждый из них был гранью кристалла – и только сейчас она смогла увидеть кристалл целиком, понять, что он из себя представляет.

Джулиан, выступающий из тени, мягкий, как сама тень, Джулиан в одежде Зака, угрожающий ей нападением пчелиного роя. Джулиан, надевающий на ее палец золотое кольцо и скрепляющий сделку поцелуем. Джулиан, склоняющийся к ней, когда она спит. Джулиан в «Руднике», неотрывно следящий за ней пристальным взглядом. И его удивительные глаза. То одного оттенка, то другого, В этот миг ей показалось, что в глубине его глаз возникло едва заметное мерцание – словно синий огонь.

– Ты не можешь умереть, – сказала она и удивилась, насколько буднично прозвучал ее голос.

Джулиан, чьи глаза смотрели мимо нее, а голос был слабым, казался спокойным. Он почти улыбался.

– Закон нельзя изменить, – возразил он.

– Ты не можешь умереть, – повторила Дженни.

Она изо всех сил сжимала его пальцы, но казалось, что они от этого только холодеют.

Все остальные отошли. Дженни хотела сказать, что это необязательно, что все будет хорошо. Но в глубине души знала, что это не так.

– Ты знаешь, что Гебо не только руна жертвоприношения? – спросил Джулиан.

– Мне все равно.

– Она также означает дар. Знаешь, ты принесла мне дар.

– Мне все равно, – повторила Дженни и заплакала.

– Ты открыла мне, как это – любить. Каким может стать мир, если...

Дженни закрыла ему рот своей рукой. Она беззвучно всхлипывала.

– Теперь это мой дар тебе, и тебе ничего не остается, как принять его. Ты свободна, Дженни. Они больше не придут за тобой.

– Ты не можешь умереть, – прошептала она сквозь слезы. – Должно быть что-то, что поможет тебе. Ты не можешь исчезнуть...

Джулиан улыбался.

– Нет, я увижу еще один сон, – сказал он, – Я создал их так много... сейчас я просто попаду в один из них. Я стану частью одного из них...

– Хорошо, – прошептала Дженни. Она вдруг поняла, что ничего нельзя изменить. – Ты отправишься в сон, Джулиан.

– Ты не винишь меня?

– Я ни за что не виню тебя.

– Что бы я ни делал, я любил тебя, – сказал Джулиан. Он пошевелился, а потом добавил: – Может, ты иногда будешь видеть меня во сне, и это поможет мне.

– Обещаю. Я отведу тебе в моем сне такое место, где нет теней, а только свет.

Тогда он посмотрел на нее, и она увидела, что он не боится.

– Ничто не умирает до тех пор, пока жива память, – улыбнулся он.

Потом словно голубой туман начал сгущаться в его глазах и заслонять огонь.

– Иди в свой сон, – прошептала Дженни.

– Твое кольцо...

Рука, которая лежала на груди, соскользнула, и Дженни увидела золотое кольцо. Она взяла его.

Надпись на внутренней стороне изменилась. Слова больше не были заклинанием:

«Все отвергаю – тебя выбираю».

Сейчас там было написано:

«Я сама себе хозяйка».

16

Дженни по-прежнему держала Джулиана за руку, но эта рука вдруг стала терять свою материальность. Дженни сжала пальцы – они сомкнулись.

Тело Джулиана стало туманом, и тенями. Спустя мгновение и они исчезли.

Просто растаяли. Как дым.

Друзья обступили Дженни со всех сторон. Она почувствовала на своих плечах руки Тома. Они дрожали.

Дженни положила голову ему на плечо и обняла его, а он обнял ее.

Одри и Майкл оказались самыми активными. Им предстояло многое сделать.

Здесь, в Пенсильвании, солнце только поднималось, а дома, в Калифорнии, было уже три часа ночи. Одри и Майкл пошли к соседям и разбудили их, попросив разрешения позвонить.

Потом Одри поговорила с родителями и спросила, не могли бы они одолжить ей немного денег. Майкл позвонил отцу и попросил сообщить остальным родителям, что их дети в безопасности.

Это было что-то реальное, за что Дженни могла зацепиться, когда Майкл и Одри вернулись. Отец Майкла позвонит мистеру и миссис Паркер-Пирсон и сообщит им, что Саммер возвращается домой.

Дженни не могла дождаться момента, когда увидит брата Саммер.

И она также хотела видеть и своих родителей, и своего младшего брата.

Было и другое. Надо сообщить девушке Пи-Си, что он действительно умер. И надо будет опять разбираться с полицией, отвечать на вопросы.

Но она не могла думать обо всем этом сейчас. Она все еще думала о Джулиане.

«Ничто не умирает до тех пор, пока жива память». И она никогда не забудет его. Благодаря ему она будет острее чувствовать красоту мира. Джулиан был очень неоднозначным человеком.

«Самый неординарный из всех, кого я встречала, – подумала Дженни. – Эксцентричный, дикий, невозможный».

Он был таким разным. Соблазнительный, как драгоценный металл, и смертоносный, как кобра, и ко всему прочему, уязвимый, как ребенок.

«Как обиженный ребенок», – подумала Дженни, глядя на то, как Одри медленно ходила по дому, расставляя вещи по местам.

Он сделал очень больно Одри, но, так как он все же не убил Саммер, это было закрытой темой. Он выпустил Сумеречных животных, чтобы убить Горди, который был виновен в том, что прогуливал школу и стрелял в кроликов.

Правда состояла в том, что Джулиан был просто слишком опасен. Мир стал безопаснее без него.

Но беднее. И скучнее. Определенно скучнее.

Именно Саммер произнесла удивительную вещь.

– Знаешь, – сказала она, вертясь в гостиной у окна, чтобы не пропустить такси, – Джулиан говорил, что мир злой и ужасный – помнишь? Но потом сам доказал, что это не так.

Дженни очнулась от мыслей и в изумлении посмотрела на подругу. Это было именно так. И поэтому она могла продолжать жить и смотреть вперед. В мире, где такое может произойти, надо продолжать жить, надеяться на лучшее. В мире, где такое могло произойти, возможно все.

«Это настоящий дар Джулиана», – подумала она.

Но был и еще один дар, и она обнаружила его, когда взглянула на остальных. Они изменились – Джулиан изменил их. Как руна Дагаз, которая изменяла всех.

Одри и Майкл – они всюду ходили, держась за руки. Одри даже не позаботилась о том, чтобы заколоть волосы. Майкл покровительственно похлопывал ее по плечу.

А Ди и Одри месяц назад были врагами.

«После сегодняшнего вечера, – думала Дженни, – они никогда больше ими не будут».

Зак сейчас мечтательно смотрел на Саммер. Как человек, который неожиданно для себя очарован новым видом цветка.

«На прошлой неделе он и не взглянул бы на нее,» – подумала Дженни.

Джулиан научил Зака, что воображение не всегда лучше реальности.

«Саммер тоже стала другой, – подумала Дженни. – Она теперь не такая бестолковая, какой была. Вот почему Зак так смотрит на нее. Теперь Ди».

Дженни повернулась, чтобы взглянуть на подругу.

Ди сидела, задумчиво наклонив голову, ее глаза с густыми ресницами были прищурены.

«Ну, Ди есть Ди, и она никогда не изменится», – с любовью подумала Дженни.

Но она ошиблась. Ди подняла глаза и улыбнулась.

– Знаешь, о чем я думала? О том, что, пожалуй, кардинально изменю свои планы. Я имею в виду учебу – а ведь я ненавижу учебу.

Она замолчала, и Дженни моргнула, потом наклонилась вперед.

– Ди?

– Я думаю, что, может быть, пойду в колледж после всего этого.

Ди тоже изменилась.

«Эба будет счастлива», – чуть было не вырвалось у Дженни, но в последний момент она осеклась, испугавшись, что Ди запрямится.

Ди не любила, когда на нее давили.

– Это твой выбор, – только и сказала она.

– Да, мой. Мы сами делаем наш выбор.

Дженни посмотрела на кольцо на пальце.

– Мы многое можем выбрать.

И Том стал другим – тот факт, что у Дженни на пальце было кольцо, уже доказывал, насколько он изменился. Он ни словом не обмолвился об этом; она даже думала, что это не пришло ему в голову.

Он понял.

Если нет, то Дженни никогда не будет счастлива. Сейчас она знала, что он не возненавидит ее, если она во сне постарается направить Джулиана в прекрасный сон. Он,

может, и не захочет об этом слушать, но не расстроится.

Дженни подумала, что он изменился больше всех. Или, может, больше всех изменилась она?

– Машина подъехала, – сказал Майкл. – Так, сначала нам надо к врачу... – Он заглянул в исписанный каракулями листок.

– Нет, сначала мы поедем в «Вестерн юнион», а потом к врачу, – возразила Одри, забирая у него список, – потом...

– Потом мы поедем, – расплылся в улыбке Майкл.

– *Après vous*,⁶ – не удержалась Ди, пропуская их в дверь, когда Одри вздернула бровь и ухмыльнулась.

– Я тоже могу разбрасываться иностранными словами, *Bonjours*.⁷ *O solo mio*,⁸ *Gesundheit*.⁹

– *D'accord*,¹⁰ – согласилась Одри и подмигнула.

Зак и Саммер вышли из дома. Дженни на мгновение задержалась на пороге и обернулась.

Холл пуст, дверь в подвал закрыта. Это хорошо. Если хотя бы один взрослый выслушает Дженни, ей надо будет убедить их никогда больше не открывать эту дверь.

Она повернулась и вышла на улицу.

По пути к машине Майкл сказал то, что мог сказать только Майкл. Он был сыном своего отца – писателя-фантаста.

– Послушайте! А что, если однажды кто-нибудь снова напишет имя Джулиана на «Доске жизни»? – спросил он.

Том на мгновение замер, пока Дженни не взяла его под руку.

– Даже не думай об этом, – сказал он. – Этого никогда не произойдет.

– Мне тоже кажется, что нет. Я просто предположил.

Дженни не могла дать волю скорби, которую чувствовала, – ей надо было строить свою жизнь. Много обдумать. Она не могла сейчас просто пойти вслед за Томом. Она должна была сама решить, чего хочет.

«Что мне нравится? – подумала она, – Плавать. Компьютер. Кошки. Помогать людям. Дети. Цветы».

Она не знала, как соединить все это воедино, – ей надо найти свой путь.

И потом, она, Дженни Торнтон, сама себе хозяйка.

Прежде чем сесть в такси, она взглянула на небо Пенсильвании. Оно было невероятно синее – синее самого синего неба, какое только можно себе представить. Невероятно красивый, светящийся цвет, который, казалось, так много обещал.

Если Джулиан когда-нибудь возродится, она пожелает ему добра.

⁶ После вас (фр.).

⁷ Здравствуйте (фр.).

⁸ О душа моя (ит.).

⁹ Будьте здоровы (нем.).

¹⁰ Ладно (фр.).